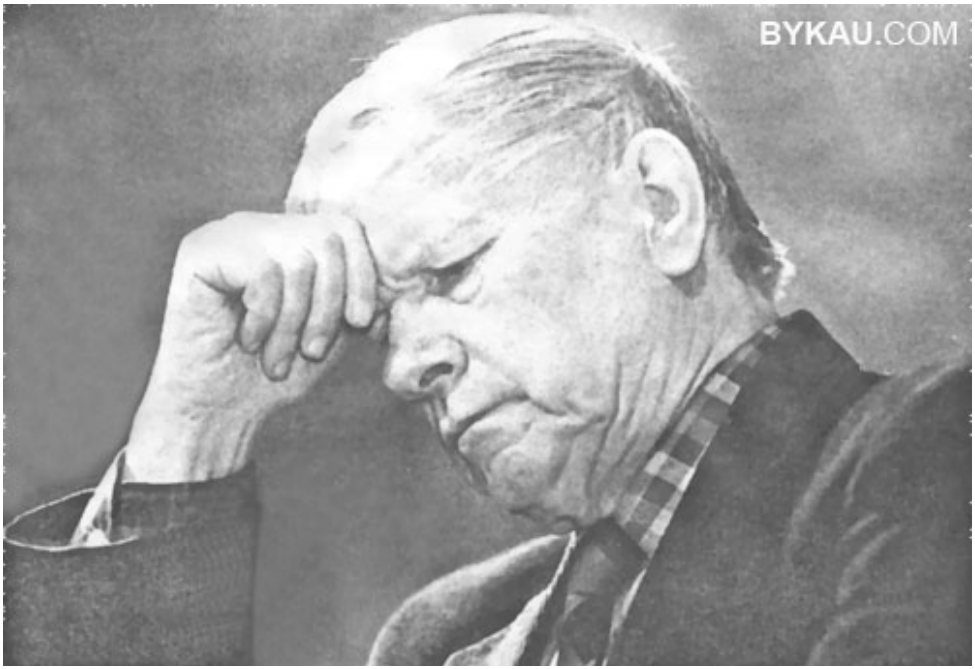
ПАКАЯННЕ

Злачынствы камуністычнага рэжыму і антытаталітарны супраціў

Даследаванні
Дакументы
Сведчанні

Паводле матэрыялаў Году Памяці 1937-2007

Праект "Пакаянне"



Васіль Быкаў

Замест прадмовы...

На працягу стагоддзяў наш народ моўчкі цярпеў прыгнёт. Ліў сваю кроў, ахвяраваў мільёнамі жыццяў і - маўчаў. Маўчаў, бо ягоныя гісторыкі пазбавілі яго праўдзівай гісторыяграфіі, яго філосафы ўнушалі яму фальшывую ідэю аб мудрай правільнасці ягонага бязмежнага цярпення. Ягоныя рыцары прыгожага пісьменства спаборнічалі між сабой аб тым, хто найлепш апяе тое, што варта было выбуху гневу і абурэння. Ягоныя палітыкі і дзяржаўныя дзеячы былі пазбаўленыя ўласнай палітыкі, магчымасці дзейнічаць на карысць народа, а шмат хто з іх сам стаў ахвярай тэрору, уласнай слепаты і памылковых поглядаў...

Але мы болей не хочам жыць, каб не памятаць як аб нашым гонары, так і аб нашых ахвярах, нашых пакутніках. Урэшце прыйшоў час сказаць людзям праўду і зрабіць з яе пэўныя высновы. Найперш праўду трэба сказаць пра мільёны безыменных людзей Беларусі, рабочых, калгаснікаў, інтэлігентаў з народа, беларусаў, рускіх, палякаў, яўрэяў, людзей іншых нацыянальнасцяў, панішчаных у гады сталіншчыны без віны, без права, без следу ў народнай памяці. Сімвалам тых, панішчаных сёння, сталі ўжо славутыя Курапаты. Але Курапаты толькі адна кропля ў моры людской крыві.

Мы павінны таксама назваць імёны катаў нашых ахвяр, хто былі гэтыя нелюдзі...

Гэта патрэбна ў імя справядлівасці, у імя дэмакратыі, у імя нашай будучыні. У тым наш святы абавязак перад гісторыяй, маральны абавязак перад наступнымі пакаленнямі…

Мы павінны скласці велічны мартыралог нашых страт і нашых пакутнікаў. Гэта ляжа вуглавым камянём у падмурку нацыянальнай свядомасці, стане важным элементам гістарычнай памяці і гарантам. Гарантам будучыні народа, які праз генацыд, кроў і знявагу, з упартасцю асуджанага рвецца да сонца, дабра і справядлівасці.

Васіль Быкаў (выступ у Чырвоным касцёле, кастрычнік 1988)

ЗМЕСТ

I. Злачынствы камуністычнага рэжыму

Статыстыка ахвяраў камунізму ў Беларусі (1917-1991) 4

Рэпрэсіі супраць Беларускай царквы 7
(паводле даследаванняў а. Фёдара Крыванoса)

Рэпрэсіі 1930-х гадоў у Беларусі. Даты, лічбы, факты 17
(паводле даследаванняў Л. Маракова і І. Кузняцова)

Уладзімір Міхнюк, Якаў Паўлаў. Як зьнішчалі генафонд беларускай нацыі …….. 30

Кто скрывался в белорусских лесах?
Неизвестная сторона деятельности советских партизан 35
(па матэрыялах кнігі В. Хурсіка «Кровь и пепел Дражна»)

90% карателей присылали в Беларусь из России 40

Запланаваны галадамор у 1932-1933 гг. ва Ўкраіне 44

Красный террор. Преступления коммунистического режима 52
Документальные свидетельства

Коммунистический террор. Преступления советской власти 58
(Свидетельства очевидцев. Документы. Цитаты из высказываний коммунистических лидеров)

Депортация населения Беларуси в ГУЛАГ (1930-1941 гг.) 68
Кузнецов И.Н.

Документы.
Приказы советской власти, касающиеся репрессий 74

II. Антыкамуністычны супраціў

Вытокі беларускага пасьляваеннага антыбальшавіцкага ўзброенага руху 89
(Паводле даследаванняў Сяргея Ярша)

Венгерское восстание 1956 года 101

III. Дадаткі.

Карныя аперацыі НКВД і мапы расстрэлаў 104
(Складальнік І. Кузняцоў)

Статыстыка ахвяраў камунізму ў Беларусі (1917-1991)

Падзеі 1917-1920 гг. – каля 400 тыс. загінуўшых

Рэпрэсіі 1925-1935 гг. – больш 50 тыс. рэпрэсаваных, з іх:
— з лютага па май 1930 г. “тройка” ОГПУ – 8674 чал.,
— паводле закону 7/8/1932 у 1933-34 гг. – больш за 10 тыс.

Раскулачванне 1929-1933 гг. – больш за 300 тыс. высланых

“Вялікі тэрор” 1937-1938 гг. – не менш за 400 тыс. рэпрэсаваных. З іх:
— польская аперацыя – 15 741 чал. (іншыя дадзеныя - 20 772)
— нямецкая аперацыя – 563 чал.
— латвійская аперацыя – 1459 чал.
— справа “Аб’яднанага антысавецкага падполля” – 2 570 чал.
— асуджана да ВМН тройкай НКВД – 4 650 чал.
— рэпрэсавана ў памежных раёнах БССР – 12 106 чал.

Рэпрэсіі ў Заходняй Беларусі 1939-1941 гг. – больш 200 тыс. рэпрэсаваных, з іх:
— дэпартавана ў 1940-1941 гг. – каля 170 тыс. чалавек
— арыштавана як антысавецкі элемент – ня менш 13 тыс. (іншыя дадзеныя - 25 810)
— расстраляна ў Катыні і інш. (красавік 1940 г.) – каля 4-5 тыс. (з 21 тыс. растраляных)

Рэпрэсіі 1945-1953 гг. – ня менш 200 тыс. рэпрэсаваных, з іх:
— арыштавана МГБ БССР 1947-1950 гг. – не менш за 20 тыс.
— высланыя ў 1949-1952 гг. – не менш за 60 тыс.

Рэпрэсіі 1953-1989 гг. – невядома.

Ахвяры ў войску і ў ваенных канфліктах — невядома.

РАЗАМ – не менш за 1 млн. 550 тыс. чалавек.

Якія пласты беларускага народа найбольш пацярпелі ад камуністычнага тэрору?

У бальшавіцкай ідэалогіі рэпрэсіі супраць так званых класавых ворагаў займалі адно з галоўных месцаў. Гвалт для дыктатуры пралетарыяту быў проста неабходны. На думку У. Леніна, толькі з дапамогай «узброеных рабочых» магчыма ажыццяўляць сацыяльнае развіццё, дзеля чаго можна праліць і «мора крыві».

Рэпрэсіі пачаліся амаль з першых месяцаў існавання савецкай дзяржавы. У 1917-1921 гадах яны былі накіраваныя галоўным чынам супроць «класавых ворагаў», якія вызначаліся паводле сацыяльнага стану ці партыйнай прыналежнасці. У Беларусі, дзе з прычыны нямецкай і польскай акупацыі савецкая ўлада ўсталявалася значна пазней, чым у Расеі, галоўны ўдар быў накіраваны супраць дзеячоў Беларускай Народнай Рэспублікі, праваслаўных і каталіцкіх святароў, сяброў партыі беларускіх эсэраў.

Пастановай ВЦИК ад 11 красавіка 1919 года ўва ўсіх губернскіх гарадах стваралісся «канцэнтрацыйныя лагеры» (гэтак яны называліся ў дакуменце) на 300 месцаў. У Менску такі лагер быў арганізаваны ў жніўні 1920 года.

Але сапраўды масавымі рэпрэсіі сталіся ў 30-х гадах. У 1930-1934 гадах у асноўным вынішчалася заможнае сялянства, гэтак званыя кулакі, або тыя, хто аказваў супраціў утварэнню калгасаў. «Кулацкімі ідэёлагамі» была названа значная частка беларускай навуковай і творчай інтэлігенцыі. Сотні тысяч сялян (паводле розных крыніцаў, ад 4 да 15 адсоткаў усяго беларускага сялянства) былі высланыя ў папраўча-працоўныя лагеры, іх сем'і выселеныя за межы БССР.

Каб мець «падставу» для прыцягнення да крымінальнай адказнасці творчай і навуковай інтэлігенцыі Беларусі, органамі ГПУ-НКВД у 1930 годзе былі сфабрыкаваныя справы контррэвалюцыйных арганізацый - «Саюза вызвалення Беларусі», Беларускага філіяла «Працоўнай сялянскай партыі», у 1933-1934 годзе - «Беларускай народнай грамады», «Беларускага нацыянальнага цэнтра» ды іншых. Было асуджана на «перавыхаванне» ў папраўча-працоўных лагерах і выслана ў Сібір і Казахстан больш за тысячу чалавек: навукоўцы, пісьменнікі, настаўнікі, журналісты, выкладчыкі ВНУ.

У 1933-1934 гадах былі рэпрэсаваныя практычна ўсе святары як каталіцкай, так і праваслаўнай канфесіі, а таксама царкоўныя актывісты, абвінавачаныя ў антысавецкай дзейнасці.

Шмат было асуджана і расстраляна гаспадарнікаў - кіраўнікоў і простых работнікаў розных галін народнай гаспадаркі. Калі інтэлігенцыю, святароў, сялян абвінавачвалі ў асноўным па палітычных матывах, то гаспадарнікі «выкрываліся як шкоднікі». Па справах шкодніцтва ў сістэме Дзяржплана, жывёлагадоўлі, Трактарацэнтра, запалкавай прамысловасці ды іншых былі асуджаныя тысячы людзей.

У 1935-1936 гадах была ажыццёўленая «ачыстка» мяжы БССР ад «патэнцыяльных» ворагаў. У «аддаленыя мясцовасці СССР» было выслана больш за 20 тысяч чалавек.

Найбольшы размах рэпрэсіі набылі ў 1937-1938 гадах. Беларусь была «ачышчана» ад «контррэвалюцыйных элементаў і шпіёнаў». Толькі пры «выкрыцці» гэтак званага «Аб'яднанага антысавецкага падполля» асуджана больш за 2,5 тысячы чалавек, значная частка з іх расстраляна.

У 1937-1938 гадах праводзіцца масавая акцыя «па выкрыцці» польскіх, нямецкіх і латышскіх «шпіёнаў». Было арыштавана блізу 23,5 тысяч чалавек, больш як 21 000 з

іх расстраляна.

Рэпрэсіі 1938 года закранулі ўсе пласты грамадства, у тым ліку і арганізатараў гэтых рэпрэсій. Былі арыштаваныя 99 сакратароў райкамаў КП(б)Б са 101, больш за 50 старшыняў райвыканкамаў, сакратары ЦК КП(б)Б.

Усе гэтыя працэсы паўтараліся пасля далучэння ў 1939 годзе Заходняй Беларусі. Прыпыненыя вайною, рэпрэсіі набылі там асаблівы размах у другой палове 40-х гадоў у сувязі з правядзеннем татальнай калектывізацыі і працягваліся аж да 1953 года.

У выніку «праведзенай працы» ў Беларусі было ліквідавана найбольш дзейнае, працавітае і прадпрымальнае сялянства, практычна знішчана нацыянальная інтэлігенцыя, былі зачыненыя або зруйнаваныя цэрквы і касцёлы.

Рэпрэсіі супраць Беларускай царквы

«Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.... Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открывалась в смертной плоти нашей...» (I Кор.4,8 - 11)

В последние годы у нас много говорилось и писалось о репрессивной политике коммунистов в советский период истории Беларуси. Всем известно, что эта политика затрагивала самые разные слои общества: крестьянство, военных, интеллигенцию, рабочих. Огромные потери в период репрессий понесла Православная Церковь Беларуси. К сожалению, до сего времени вопрос о преследовании верующих за инакомыслие остается малоизученным в исторической науке. Между тем, именно Православная Церковь, как наиболее многочисленная конфессия, была гонима в Советской Беларуси с особой жестокостью. Объяснялось это тем, что без уничтожения Церкви невозможно было одержать идеологическую победу в обществе, духовно поработить белорусский народ. Последнее же являлось главной целью всей семидесятилетней деятельности богоборческой власти. В этом докладе мы расскажем о тех гонениях, которым подвергались православные верующие центральной части Беларуси (т. е. Минской епархии) в довоенный период советской истории и первые послевоенные годы. Хронологически наше сообщение охватывает период времени с 1917 по 1951 год.

Начало гонений: 1917 —1925 годы

Духовенство Минской епархии, а вместе с ним и верующий народ, подверглись преследованиям со стороны большевиков сразу же после октябрьского переворота 1917 года.

Эти преследования носили характер воинственный и непримиримый. Они усугублялись тем, что епархия оказалась в прифронтовой полосе, где царили анархия и произвол, поблизости гремели раскаты Первой мировой войны.

Главный удар по духовенству Минской епархии на рубеже 1917 — 1918 годов большевики нанесли. затронув его имущественное положение. Служители Церкви были поставлены новыми властями фактически вне закона. В Минске у верующих насильственно отторгали, здания: архиерейского подворья духовной семинарии, епархиального управления, двух Духовных училищ. Священству епархии было предъявлено ультимативное требование о прекращении регистрации крещений и венчаний...

Находившийся в это время в Москве на Поместном соборе епископ Минский и Туровский Георгий (Ярошевский), реагируя на происходившее, вынужден был обратиться к пастве вверенной его попечению епархии с посланием, в котором осудил деятельность властей и призвал верующий народ защитить Церковь от поруганий.

Кампания по ограблению Церкви на некоторое время приостановилась в феврале 1918 года в связи с тем, что большая часть Беларуси оказалась занята немецкими войсками. Осенью 1918 года они оставили Беларусь. Вместе с ними выехал владыка Георгий. Он направился на Украину, затем переехал в Италию, остановившись в г. Бари; а в августе 1921 года оказался в Польше.

В 1919 году Минскую епархию возглавил другой архиерей - епископ Мелхиседек (Паевский), до этого служивший викарием Ладожским. Ему выпало окормлять Минскую епархию в очень сложный период ее истории. Около года значительная Часть епархии была оккупирована польскими военными формированиями, потом Беларусь опять заняли большевики, но вскоре их потеснили поляки. По условиям Рижского договора

1921 года через ее территорию прошла граница, разделившая Беларусь между Польшей и СССР на западную и восточную части. Почти вся Минская епархия вошла в состав нового большевистского государства.

В 1922 году по просторам необъятной России пронеслась волна изъятия церковных ценностей, тревожным эхом беззакония отозвавшаяся также в Беларуси. Тогда из церквей изымалось все, что являлось мало-мальски ценным в глазах безбожной власти. Поводом для ограбления храмов послу жил голод, разразившийся в Поволжье и явившийся страшным последствием гражданской войны, развязанной большевиками.

Сознавая необходимость сбора средств для спасения голодающих, епископ Мелхиседек пошел на встречу требованиям властей и обратился к верующим со специальным посланием, призвав их сдать государству те предметы церковного обихода, которые не имели сакрального значения. Несмотря на это, власти стали забирать все, что считали нужным, не обращая внимание на то, имеют предметы богослужебное употребление или нет. Тем не менее, каких-либо крупных инцидентов в Минской епархии не произошло. Свою роль миротворца здесь сыграл епископ Мелхиседек.

Власти не хотели простить владыке его миротворчество. В августе 1924 года он был заключен под домашний арест. Мелхиседека пробовали судить, однако верующий народ настолько любил своего архипастыря, что в огромном количестве собрался напротив того здания, где проходил процесс, и это показалось властям угрожающим. «Страха ради иудейска» перед собравшимся народом, Мелхиседека освободили, условно приговорив к 3 годам лишения свободы.

Владыка Мелхиседек пользовался редким авторитетом среди верующих. Вот что писал о нем в своих воспоминаниях протоиерей Борис Васильев (ум. 1994 г.): «Мелхиседек (Паевский) ежедневно совершал торжественные богослужения в Минском Свято-Петро-Павловском кафедральном соборе. Ежегодно в Великий Четверг сам проводил слезные исповеди в соборе, совершал чин омовения ног. В особенности верующим запомнились крестные ходы, предводительствуемые Мелхиседеком. Они совершались с Крупецкой иконой Божией Матери. Торжественная процессия всегда останавливалась перед Свято-Екатерининской церковью... Здесь служился перед иконой торжественный молебен. Даже евреи, жившие в окрестных домах, выходили на балконы и любовались торжеством...».

Авторитет Мелхиседека был бельмом на глазах у властей. Поэтому в декабре 1925 года его арестовали второй раз. Он был отправлен в один из лагерей Красноярского края.

Еще в 1922 году Мелхиседек сумел провести съезд духовенства и мирян Минской епархии, на котором собравшиеся делегаты провозгласили автономию Белорусской Церкви. На этом съезде Мелхиседек был избран митрополитом. В марте 1923 года он в сослужении с еще одним архиереем (имя которого нам неизвестно) хиротонисал во епископы трех человек: бывшего помощника инспектора Минской Духовной Семинарии Феодосия Раменского (с именем Филарет) - во епископа Бобруйского; овдовевшего протоиерея Николая Шеметилло - во епископа Слуцкого и также вдового протоиерея Иоанна Пашина - во епископа Мозырского. Все они считались викариями Минской епархии.

Епископ Иоанн (Пашии) недолго прослужил в пределах Беларуси. За рачительное исполнение своих архипастырских обязанностей, частое посещение приходских церквей и обучение сельских детей основам церковного пения он уже летом 1925 года был привлечен к следствию и спустя год с небольшим выслан в Зырянский край.

Обновленческий раскол и заявление об автокефалии: 1927 год

Тяжелые испытания выпали на долю православного духовенства Минской епархии в 1927 году. Широко распространившееся в России обновленчество, к сожалению, нашло для себя почву и в Беларуси.

С апреля 1925 года в Минске обосновался самочинный митрополит Даниил Громовенко, в недавнем прошлом простой сельский священник. Не без помощи властей он отобрал у православных Спасо-Преображенскую церковь, которая принадлежала женскому монастырю. К Даниилу примкнула незначительная часть местного духовенства, и таким образом в епархии образовался раскол. Стремясь ослабить Православную Церковь, власти всячески инспирировали его, на первых порах потворствуя обновленцам в их раскольнической деятельности.

16 марта 1927 года обновленцам передали Минский Свято-Петро-Павловский кафедральный собор. В результате этой акции между православными и обновленцами в соборе чуть было не началось столкновение. В беспорядках не замедлили обвинить клирика собора о. Антония Царенкова, который был тут же арестован и приговорен к 3 годам заключения в концлагере на Соловках.

В том же месяце обновленцы захватили Свято-Воскресенский храм в г. Борисове. Настоятельствовавшего в нем протоиерея Василия Измайлова арестовали и также направили в Соловецкий концлагерь особого назначения, где он и умер в 1930 году.

Летом 1927 года в обновленчество совратились насельники Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, которых подтолкнул к тому игумен Савватий (Зосимович). Противоставшие обновленцам настоятель Слуцкого Свято-Николаевского собора протоиерей Михаил Лукашевич и настоятель Воскресенской церкви города протоиерей Александр Хвалебнов подверглись аресту. Первый из них был выслан на 3 года в г. Гадяч Полтавского округа, а второй сослан в Марийскую область.

Несмотря на поддержку властей, обновленчество не получило широкого распространения в Минской епархии, в отличие, скажем, от соседних Моги-левской, и особенно Витебской, епархий. Оно усложнило местную церковную жизнь, внесло в нее много смуты и неразберихи, но не воспреобладало в ней.

В этом была немалая заслуга епископа Филарета (Раменского) и его ближайших сподвижников, видных минских протоиереев: о. Василия Очаповского, о. Антония Киркевича, о. Стефана Кульчицкого, о. Иоанна Язвицкого. Сумев противостоять обновленчеству, но боясь новых расколов, они выбрали путь провозглашения... автокефалии. Шаг этот был вынужденным. Он явился следствием их стремления сохранить, уберечь в условиях всевозраставших церковных разногласий целостность и нерушимость православной веры.

Разделение, на которое пошли епископ Филарет (Раменский) и духовенство Минской епархии не касалось основ богослужения и вероучения. Только единственный вопрос - о юрисдикции - был поднят ими. Весь строй церковной жизни сохранялся прежним. Поэтому разделение носило чисто формальный характер.

В «Декларации» от 21 июня 1927 года, принятой православным духовенством Минска и его окрестностей, говорилось: «В религиозном сознании православных верующих масс Беларуси всегда была жива мысль об автономии, и в настоящее время в особенности, когда в среде Православной Церкви Всероссийской растут религиозные разногласия, увеличивается число различных церковных группировок. Не желая вовлекаться в борьбу между религиозными церковными партиями. Белорусская Православная Церковь лучшим средством избежать этого считает подтверждение о своей непрелонной воле быть автокефальной».

9-10 августа 1927 года под председательством епископа Филарета (Раменского) в

Минске состоялся епархиальный съезд, на котором было заявлено об автокефалии Православной Церкви в пределах Минской епархии.

Отчасти это заявление можно рассматривать как реакцию на опубликованное 29 июля 1927 года «Послание пастырям и пастве» Заместителя местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита. Сергия (Страгородского), вызвавшее немалые волнения в Церкви. Возможно, епископ Филарет (Раменский) и близкое к нему духовенство хотели обособиться от этого «Послания», считая его небезукоризненным, и именно из этих соображений ускорили объявление автокефалии. Сегодня, с высоты нашего времени, епископа Филарета и его окружение легко судить, но в далеком 1927 году, когда Русскую Православную Церковь одолевало множество расколов и на местах весьма спорным представлялось: кому же действительно принадлежит (и принадлежит ли вообще кому?) вся полнота церковной власти, - очень не просто было разобраться в складывавшейся ситуации.

Репрессии 1929 — 1932 годов

Самые массовые репрессии в отношении верующих в Беларуси, как и вообще в России, начались с 1929 года и совпали с коллективизацией. Незадолго до нее все храмы Минской епархии были тщательно осмотрены и из них изъяты церковно-приходские архивы, неизвестно где теперь находящиеся.

В годы коллективизации духовенство Минской епархии разделило все тяготы и лишения, выпавшие на долю верующего народа. Оно приняло на себя удар ужасной богоборческой силы, но не изменило своему пастырскому долгу. Сотни священников и многие тысячи мирян были высланы за пределы Беларуси, заключены в концлагеря, расстреляны. Массовые аресты священнослужителей явились закономерным результатом проводимой большевиками политики по ограблению крестьянства, которая сопровождалась соответствующей идеологической обработкой населения. Церковный клир не мог не пострадать в эти годы, так как образ жизни сельского пастыря был неразрывно связан со всем укладом крестьянской жизни, и когда в корне подрывался этот уклад, в деревне не оставалось места и для священника.

Поводы к многочисленным арестам священнослужителей случались разные. Власти старались использовать любую зацепку, чтобы избавиться от неугодных пастырей. Протоиерей Феофил Триденский (с. Ходило) был сыслан на три года по этапу в Сибирь за то, что призывал верующих не отрекаться от веры Христовой. Священник Евгений Хлебцевич (с. Ячейка Узденского р-на) был приговорен к 3 годам концлагеря за выступление на приходском собрании против передачи церкви под клуб. Иерей Константин Будоль (с. Горно Логойского р-на) был осужден на 3 года за обучение у себя на дому крестьянских детей Закону Божию. Священник Георгий Неверовский (с. Киевичи Копыльского р-на) получил тот же срок за смелые, нелицеприятные проповеди. Протоиерей Иосиф Ясинский (с. Волма Койдановского р-на) был приговорен к 10 годам заключения в концлагере за то, что на праздник Богоявления устроил крестный ход.

Этот перечень можно продолжать очень долго... На переломе 20 — ЗО-х годов в Минской епархии пострадала большая часть духовенства и огромное количество мирян.

Не все священники попали в лагеря или же были отправлены в ссылку. Некоторые, отличавшиеся особым пастырским рвением, были приговорены к «высшей мере наказания». Так были расстреляны: иерей Иоанн Горячко (с. Лошница Борисовского р-на), свящ. Аркадий Околович (с. Витовка Койда-новского р-на), иерей Валериан Новицкий (с.Телядовичи Копыльского р-на), иерей Владимир Хрищанович (с. Языль Стародорожского р-на), священник Петр Грудинский (с.Тимковичи Копыльского р-на) и другие.

Начиная с 1929 года, власти подвергли гонениям также обновленцев. Последние сделали свое дело, внесли раскол в Церковь, и особой надобности в них больше не было. 21 февраля 1930 года у обновленцев отобрали комплекс Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, а недавно совратившихся монахов во главе с лжеепископом Савватием (Зосимовиче) выселили из занимаемых ими помещений.

При попустительстве властей обычным явлением в жизни общества стали различные антицерковные демонстрации, грубо оскорблявшие чувства верующих, носившие явно провокационный характер и затрагивавшие как православных, так и обновленцев. Вот как описывает одну из подобных акций Даниил Громовенко: «В 1925 году обновленческая община получила в пользование Спасо-Преображенский храм города Минска (напомним:

насильственно отторгнутый у православных - свящ. Ф. К.) Он примыкает к большому каменному корпусу, в котором помещается общежитие Окроно... С весны 1929 года ученики общежития стали бить оконные стекла в разных частях храма... Был случай, когда однажды ученик, упражняясь куском рельсы, бросил этот кусок прямо в окно, вышиб одновременно шесть оконных стекол, сорвал раму с петель и ударом отбросил ее на цементный пол общежития... В марте 1930 года ученики проломали на хоры дыру... стали ходить в помещение храма, допускать бесчинства, разбрасывать мелкий инвентарь... Во время служений, забегая в открытые двери, мешали служить криком и шумом. В это же время усилили битье стекол. Никакие уговоры и увещания не действуют...».

Даниил Громовенко жаловался в милицию и просил усмирить хулиганов, однако органы правопорядка на это никак не прореагировали. Подобных случаев становилось все больше...

Гонения «безбожной пятилетки»: 1933 —1937годы

Массовые аресты духовенства и мирян с возрастающей силой дали знать о себе в 1933 году. Весной этого года были лишены свободы видные церковные иерархи Беларуси, православные епископы Слуцкий—Николай (Шеметилло), Могилевский - Феодосии (Ващинский), а кроме того арестованы обновленческий архиепископ Досифей (Степанов), служивший в Могилеве; самочинный архиепископ Михаил (Постников) из Витебска, в годы войны принесший покаяние; и уже известный нам лжеепископ Савватий (Зосимович).

Их аресты ознаменовали собой начало т.н. «первой безбожной пятилетки», для обслуживания потребностей которой власти активизировали деятельность новой общественной организации под красноречивым названием: «Союз воинственных безбожников». Предполагалось в течение пяти лет закрыть на территории Советской Беларуси все до единой православные церкви.

Вместе с архиереями в 1933 году аресту подверглись многочисленные клирики и миряне. На Случчине, входившей в пределы Минской епархии, жертвами политических репрессий стали почти все священники, так или иначе оказавшиеся близки к епископу Николаю (Шеметилло), который погиб вскоре после ареста.

Обращает на себя внимание тот факт, что если в 1920-е годы власти инспирировали раскол в Церкви, видя в этом вернейшее средство к Ее ослаблению, то в дальнейшем они жестоко пресекали любые попытки к объединению различных церковных течений. Иерархи, арестованные в 1933 году, стремились к преодолению раскола в местной Церкви, но осуществить это уже не представлялось возможным. Всякое объединение на церковной почве расценивалось властями как стремление к созданию контрреволюционной организации и приравнивалось к преступлению политического характера. Таков был печальный итог раскола в Церкви.

Наряду со Случчиной, особенно сильно пострадавшей от арестов в 1933 году, волна беззаконий затронула и другие места Минской епархии.

В самом Минске в апреле 1933 года лишению свободы подверглись некоторые священнослужители и прихожане, группировавшиеся вокруг Свято-Николаевской церкви, находившейся в районе Козыревского кладбища. Были арестованы архимандрит Гавриил (Горбач), бывший настоятель монастыря в Лядах под Минском, протоиерей Александр Яхневич, иеромонах Никон (Воробьев), переживший репрессии и после войны завещавший нам свою книгу «Письма духовным детям», которая в последние годы не раз переиздавалась.

Все они служили вместе с архиепископом Феофаном Семеняко), назначенным на минскую кафедру митрополитом Сергием (Сграгородским) в противовес автокефальному епископу Филарету (Раменскому).

По воспоминаниям протоиерея Бориса Васильева, «владыка Феофан (Семеняко) завоевал чрезвычайно большую популярность и уважение среди верующего народа. Он был чрезвычайно ласков с людьми, вежлив и обходителен. Поскольку храм в Козыреве являлся маловместительным, в морозные дни епископ Феофан часто обращался к прихожанам, говоря: «Миленькие мои, выйдите, дайте обогреться другим», и таким образом привлекал к себе симпатии очень многих, так что наиболее верующие люди ходили пешком молиться в его церковь...».

Арестованные в 1933 году не только приговаривались к различным срокам заключения, но все чаще расстреливались без суда и следствия. Так, и связи с массовым хождением верующего народа в церковь к расстрелу был приговорен настоятель храма с. Таль Любаньского района протоиерей Сергий Родаковский. Одновременно с ним убили старосту церкви Алексея Муравейко. По приговору от 15 марта того же года был расстрелян обновленческий священник Илья Мандзик из с. Станьково Койдановского р-на. Приговором от 2 апреля расстрелян протоиерей Георгий Перепечин, служивший в Пуховичах. Заодно с ним расстреляли девяносто девять человек! Тогда же погиб священник Иоанн Вечерко из с. Кривоносы Стародорожского района. Список этот далеко не полный...

После арестов, прошедших с 1929 по 1933 год, в минской епархии осталось крайне мало действующих церквей. Закрытые храмы были превращены в клубы, амбары, конюшни, склады... И что только не размещали в них! Однако, несмотря на страшные гонения, десятки церквей все еще оставались открытыми и в них совершались богослужения.

В 193 5 году состоялись новые крупные аресты. В концлагерь был направлен архиепископ Феофан (Семеняко), позднее там расстрелянный. С ним арестовали хорошо известных в Минске протоиереев: о. Иоанна Зенюка и о. Владимира Бирулю, а также большое число прихожан. Свято-Николаевский храм в Козыреве сожгли.

В том же году свободы лишился самочинный митрополит Даниил Громовенко, забранный НКВД вместе с сослужившими ему обновленческими священниками Свято-Петро-Павловского собора. Летом 1936 года этот собор, украшавший собою центр Минска, взорвали.

Но самые лютые гонения выпали на 1937 год. Почти никто из священников, арестованных в этом году, не остался в живых. Редко кому выносился приговор о заключении в концлагерь, а если и выносился, то, как правило, сроком на 10 лет, т.е. фактически пожизненно.

28 июля 1937 года в Минске закрылась последняя православная церковь города - храм Святой Равноапостольной Марии Магдалины иа Сторожовке. Служившие в нем епископ Филарет (Раменский), протоиереи Стефан Кульчицкий, прот. Антоний

Киркевич, священник Михаил Рубанович, диакон Владимир Лобач, диакон Яков Барановский, и ряд прихожан были арестованы и 1 ноября 1937 года расстреляны. Их судьбу разделили очень многие пастыри, душу свою положив за други своя.

Назовем имена некоторых из них. Это расстрелянные в том же 1937 году о. Димитрий Павский (Минск), о. Сергий Садовский (Койданово), о. Александр Шалай (Блонь), о. Леонид Бирюкович (Бродец), о. Иоанн Воронец (Смиловичи), о. Владимир Зубкович и о. Димитрйй Плышевский (Смолеви-чи), о. Михаил Савицкий (Старобин), о. Иоанн Панкратович (Чижевичи), о. Николай Васюкович (Литвяны), о. Павел Печенко (Житин), о. Михаил Плышевский (Шацк) и многие другие.

Гонения «первой безбожной пятилетки» нанесли Церкви страшный урон. На словах трудно пересказать беззаконие, которое тогда творилось ... И тем не менее, несмотря ни на что, по данным всесоюзной переписи населения 1937 года, 2/3 жителей села и 1/3 городских жителей записались верующими. В этом смысле «безбожная пятилетка» не удалась.

1938 год

Эпилогом гонений на Церковь в Минской епархии явились события 1938 года. Тогда состоялись самые последние (из известных нам) аресты лиц духовного звания с теми же жестокими приговорами, что и в предыдущем году.

В Минске был арестован и расстрелян, прибывший незадолго до этого из Сибири, обновленческий митрополит Петр Блинов.

Крупные аресты в 1938 году прошли в Борисове. Действовавшая там Свято-Андреевская церковь была закрыта, ее настоятель о. Иоанн Мацкевич расстрелян, вместе с ним расстреляли еще восемь человек, по сути уничтожив приход.

Летом 1939 года на территории Минской епархии прекратила действовать последняя православная церковь, находившаяся в Бобруйске, на кладбище. Этот город в те времена входил в пределы епархии.

В течение последующих двух лет в былой епархии нигде не совершались богослужения. В ее истории наступил скорбный перерыв. И кому-то казалось,

что с Церковью Божией покончено раз и навсегда. Но полагавшие так жестоко ошиблись, ибо исполнилась заповедь о том, что «и врата адовы не одолеют Ея» (Мф. 16, 18). Пришла война и в первые же её дни в Восточной Беларуси, в том числе в Минской епархии, стали открываться православные храмы. Люди, измученные материальными лишениями, несли в церкви самое дорогое, что у них было. По свидетельству архиепископа Афанасия (Мартоса), молодежь тысячами принимала Святое Крещение, в купели крещенской обретая новую жизнь. За четыре года войны в Восточной Беларуси открылось более двух сотен церквей. Это было поражением безбожных властей, крахом их довоенной политики в отношении Православной Церкви.

Война 1941—1945 годы

Война пробудила церковную жизнь в Восточной Беларуси, сбросив с нее покров немоты. Центром возрождения этой жизни стал Минск. Руководствуясь соображениями политического характера, немецкие оккупационные власти не препятствовали открытию православных храмов, ранее закрытых большевиками, рассчитывая таким образом заручиться поддержкой местного населения, в подавляющем большинстве своем негативно относившегося к большевикам за проводимую ими антицерковную политику. Немецкие фашисты также не питали никаких симпатий к Церкви, но, понимая какой авторитет она имеет в глазах народа, не препятствовали Её деятельности в тех рамках, которые были выгодны им с точки зрения политической конъюнктуры. Такое отношение к Православной Церкви

повлекло за собой открытие и Восточной Беларуси очень многих храмов.

В Минске возобновили свою деятельность Свято-Александро-Невская церковь на военном кладбище; Спасо-Преображенская и Свято-Духова церкви (бывшие монастырские); Свято-Екатерининский собор на Немиге; церковь иконы Казанской Божьей Матери (т.н. «привокзальная»); церковь Святой Марии Магдалины на Сторожовке.

В сентябре 1941 года в Минск приехал епископ Брестский Венедикт (Бобковский). В конце октября того же года в столицу Беларуси прибыли митрополит Пантелеймон (Рожновский) и епископ Филофей (Нарко). Владыка Пантелеймон возглавил Православную Церковь в границах генерального округа «Беларусь» и тылового района группы армий «Центр», которые охватывали большую часть исконной Беларуси.

По его благословению огромную работу по открытию храмов в Восточной Беларуси проделали: архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. В 1941 -1943 годах они объездили множество городов и сел, побывали в Борисове, Витебске, Орше, Жлобине, Могилеве, Гомеле, Бобруйске и других местах, и везде с их приездом восстанавливалась, пробуждалась от небытия прежних лет церковно-приходская жизнь.

В июне 1942 года митрополит Пантелеймон был отстранен немцами от управления церковными делами. Это объяснялось тем, что он не желал проводить белорусизацию Церкви, на чем настаивали националисты. Управление церковными делами принял на себя архиепископ Филофей (Нарко), недавно возведенный в этот высокий сан. Он открыл в Минске пастырские курсы. Такие же курсы были открыты в Новогрудке, где тогда служил епископ Афанасий (Мартос).

Стремясь оторвать православных белорусов от России, немецкие власти оказывали сильное давление на местный епископат, желая добиться от верующих провозглашения автокефалии. Но в условиях войны Церковь не могла стать автокефальной, потому что была сильно ослабленной предшествующими гонениями и не имела никаких связей с православными центрами других стран.

Тем не менее, под нажимом оккупационных властей 30 августа 1942 года в Минске начал работу собор духовенства и мирян, созванный под давлением немцев и коллаборационистов специально для провозглашения автокефалии. На соборе присутствовали представители только двух белорусских епархий: Минской и Новогрудском. Участники собора составили письма о даровании автокефалии к восточным патриархам. Эти письма в последующем так и не дошли до адресатов и, хотя вопрос об автокефалии обсуждался на соборе, о ее провозглашении в каноническом смысле речи быть не могло, потому что для этого не было абсолютно никаких оснований.

Слабость местной Церкви особенно проявилась в нехватке квалифицированных кадров духовенства. Слишком сильный урон понесла Православная Церковь в предшествующие годы, слишком много людей, сопричастных к Церкви, погибло в 1920 - ЗО-е годы. Духовенства остро не хватало. Кто-то из батюшек приезжал из Западной Беларуси, кто-то рукополагался из кандидатов, окончив-ших пастырские курсы. Это, однако, не могло восполнить нужду в священниках. Последнее обстоятельство больно сказывалось на всей Церкви.

И все же, за годы войны церковно-приходская жизнь заметно активизировалась. Она возродилась из небытия прежних лет. И когда летом 1944 года с отступлением немцев на запад выехал весь православный епископат, в Восточной Беларуси остались действующими сотни открытых в военный период церквей!

Послевоенные аресты: 1944 — 1951 годы

После освобождения Беларуси от немцев большевики стали жестоко расправляться с теми священнослужителями, которые проявили особое усердие в организации церковной жизни на оккупированной территории. Епископы сумели выехать, но остались приходские священники, среди которых были те, которые пострадали еще в первые послевоенные годы.

Справедливости ради надо отметить, что репрессии в отношении духовенства в 1944 - 1951 годах не носили столь массового характера, как в довоенный период. Власти не решились в массовом порядке закрывать храмы, открытые при попустительстве оккупантов. Война кое-чему научила коммунистов, в некоторой степени переродив общество, изменив, хотя и незначительно, природу власти в нем.

Репрессии затронули наиболее видных представителей духовенства, тех, кто был близок к архиепископу Филофею (Нарко), а также отцов-благочинных, как правило, активно занимавшихся организацией приходской жизни на местах.

Среди арестованных в первые же месяцы послевоенного времени выделяются следующие имена: протоиерей Николай Ясинский, служивший в церкви Святой Софии в Бобруйске и приговоренный к 10 годам концлагеря за издание газеты «Церковный благовест»; борисовский благочинный о. Иоанн Строк, который в 1944 году укрыл в своем храме семьдесят пять детей из детдома, спасая их от артобстрела, и все же арестованный и приговоренный к 5 годам концлагеря; псаломщик из с. Лебедево Молодеченского района Иван Корсак, лишенный свободы за смелые высказывания против гонителей Церкви.

В числе пострадавших было немало минских священников и просто мирян, а именно: настоятель церкви Святой Марии Магдалины протоиерей Константин Шашко; епархиальный миссионер архимандрит Серафим (Шахмуть); настоятель церкви Святителя Николая Чудотворца, протоиерей Иосиф Голуб; протодиакон Спасо-Преображенской церкви Георгий Колядюк; преподаватель пастырских курсов г. Минска, Михаил Иванович Волосевич; казначей Спасо-Преображенской церкви Аптонина Единович (позднее: схимонахиня Серафима); диакон Свято-Екатерининского собора на Немиге о. Иоанн Шишло и другие.

В 1945 году по ложному оговору был арестован и приговорен к 10 годам концлагеря священник из Логойска о. Антоний Зубович. В 1946 году, также по оговору, подвергся аресту настоятель Свято-Воскресенской церкви Клецка протоиерей Константин Байко.

Последние из известных нам арестов пришлись на 1950 - 1951 годы. 28 июля 1950 года за хранение у себя на дому книг религиозно-философского содержания был арестован протоиерей Матфей Крицук, настоятельствовавший в с. Большая Лысица Несвижского района. Его приговорили к 25 годам заключения в концлагере, где он и умер. Весной 1951 года арестовали целую группу священнослужителей: настоятеля минской Свято-Духовой церкви протоиерея Серафима Ваторевича; настоятеля минской Свято-Александро-Невской церкви протоиерея Евстафия Баслыка; воложинского благочинного протоиерея Платона Слижа и некоторых других...

Гонения на Церковь продолжались и в последующие годы, хотя и носили завуалированный характер. Они обрушились на Нее со страшной силой в хрущевское безвременье (1958 - 1964 год), давали знать о себе и позже. Но мы ограничиваемся 1951 годом, потому что выше этого года, работая со «следственными делами» архива Комитета Государственной Безопасности Республики Беларусь, мы подняться пока не сумели. Пережитое Церковью в годы преследования за веру Христову навсегда останется в нашей памяти. В ней — наша сила, наше упование на будущее, Пройдут годы, десятилетия, но мученичество, запечатленное в жизнях сотен

священнослужителей и тысяч мирян Белорусской Православной Церкви, навсегда пребудет с нами. 06 этом нельзя, невозможно забыть. Память о пережитом вопиет к будущему. Она освящает собою дальнейшую жизнь Церкви.

(паводле даследаванняў а. Федара Крываноса)

На іконе свяшчэннамучанік Серафім Жыровіцкі (Шахмуць). У верасні 1944 года а. Серафім быў арыштаваны па абвінавачванню ў супрацоўніцтве з нямецкай выведкай. На допытах ён катэгарычна абвяргаў абвінавачванне, мужна спавядаў веру падчас катаванняў і здзекаў . Загінуў у вязніцы НКВД.

На іконе: Свяшчэннамучанік Павлін, архіепіскап Магілёўскі.

Рэпрэсіі 1930-х гадоў у Беларусі. Даты, лічбы, факты.

(паводле даследванняў Л. Маракова і І.Н. Кузняцова)
(таксама гл. раздзел Дадаткі. Мапы растрэлаў.)

Леанід Маракоў:

Рэпрэсіі 1930-х гадоў у Беларусі насілі асаблівы характар. А менавіта — зьнішчалася (плянамерна!) нацыянальная эліта.

Наркам ўнутраных справаў БССР Барыс Берман толькі за 1937 год зьнішчыў у Мінску 80 тысячаў чалавек. І каго — цьвет нацыянальнай інтэлігенцыі. Ён вышукваў і арыштоўваў найлепшых паэтаў, навукоўцаў, настаўнікаў, інжынэраў, мэдыкаў, сьвятароў, нават студэнтаў і навучэнцаў тэхнікумаў. Вышукваў, як ён казаў, “людей мыслящих и только мыслящих”.

У Менску ў агульнай колькасьці опэрупаўнаважаных і сьледчых НКВД беларусы складалі не болей за дзесяць адсоткаў. (паводле даследвання Леаніда Маракова, гл. Л. Маракоў. “Ахвяры і карнікі”.)

Л. Маракоў: “Кожны чэкіст прыяжджаў не с пустымі рукамі. Прывозіў з сабою ня толькі іменны наган, але і паплечнікаў па цяжкой працы, падначаленых. Берман — адных, Наседкін — іншых. Адбывалася, так бы мовіць, зьмена каравулу. У Менску прыблізна са ста опэрупаўнаважаных і сьледчых УДБ НКВД БССР беларусы складалі адсоткаў дзесяць. Але сьведчаньняў ці дакумэнтаў, што хтосьці зь іх удзельнічаў у катаваньнях ці расстрэлах, я пакуль не знайшоў”.

Двойчы Вярхоўны суд Беларусі адмовіў у рэабілітацыі Ларысы Геніюш... Нядаўна зробленая трэцяя спроба — адпаведны запыт пададзены на імя галоўнага пракурора Пятра Міклашэвіча. А вось з тых, хто страляў, а потым сам быў расстраляны, — рэабілітавалі. Можна згадаць выпадак з Георгіем Малчанавым. У 1936—1937 гадах ён займаў пасаду наркама НКВД, праўда, нядоўга, усяго некалькі месяцаў. Адначасова ён быў начальнікам асобнага аддзелу Галоўнага ўпраўленьня дзяржбясьпекі НКВД па Беларускай ваеннай акрузе. Быў арыштаваны 3 лютага 1937 году. Абвінавачваўся ў тым, у чым сам абвінавачваў іншых: “удзел у контррэвалюцыйнай тэрарыстычнай трацкісцкай арганізацыі”. Асуджаны асобнай нарадай пры НКВД да найвышэйшай меры пакараньня. Расстраляны 9 кастрычніка 1937 году. І што вы думаеце, у 1996 годзе гэты наркам, адзін з пачынальнікаў масавых рэпрэсій, быў рэабілітаваны! Сёньняшняя беларуская ўлада рэабілітавала таго, хто аддаў сотні загадаў на арышты тысячаў бязьвінных ахвяраў.

Паводле афіцыйнае статыстыкі, на 1 сакавіка 1940 г. ГУЛАГ складаўся з 53 лягероў, 425 выпраўленча-працоўных калёніяў (у тым ліку, 170 прамысловых, 83 сельскагаспадарчых і 172 “контрагенцкіх” — г.зн. працаўнікоў на будоўлі й гаспадарках іншых ведамстваў), аб’яднаных абласнымі, краёвымі, рэспубліканскімі аддзеламі выпраўленча-працоўных калёніяў, і 50 калёніяў для непаўналетніх — калёніяў для дзяцей “ворагаў народа” — І.К.)

Паводле даследавання Ігара Кузьняцова:

(гл. падрабязна “ІМПЭРЫЯ ГУЛАГ”)

Беларусь за короткий срок – немногим более семи десятилетий – пережила величайшие потрясения: гражданскую войну, коллективизацию, массовые политические репрессии и вторую мировую войну, депортацию жителей из родных мест в отдаленные районы СССР.

Сотни тысяч уроженцев Беларуси – белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, представители других национальностей – были огулом названы «врагами парода» и насильственно отправлены в лагеря и места специального поселения.

На основании материалов судов, прокуратуры, НКВД–МГБ СССР и БССР можно сделать только предварительную оценку общего числа репрессированных уроженцев Беларуси в 1930-1940-е гг. По оценочным данным, в 1935-1940 гг. за «контрреволюционные» преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 500 тысяч человек. Если учесть и тех, кто был репрессирован в административном порядке, эта цифра составит не менее 1,5 миллионов человек. В том числе, по предварительным данным, на территории Западной Сибири погибло не менее 30 тысяч уроженцев Беларуси.

Анализ всех видов источников информации позволяет предположить, что через ГУЛАГ НКВД СССР в 1930-1940-е гг. прошло не менее 10-12 миллионов человек, в том числе свыше 600 тысяч уроженцев Беларуси. В то же время в период 1953-1999 гг. в Беларуси было реабилитировано около 180 тысяч человек, что составляет только около 35% од тех, кто по официальной статистике прошел через ГУЛАГ.

У советского государства, начиная с самых его первых дней в 1917 г., основной функцией стала функция подавления, которая в условиях гражданской войны, безусловно, приобрела еще большее значение. Это обусловливалось не только сопротивлением «эксплуататорских» элементов, но и необходимостью принуждать людей к труду в условиях «военного коммунизма».

С первых дней установления «диктатуры пролетариата» уголовное законодательство отличалось исключительной жестокостью мер наказания, в том числе и за малозначительные правонарушения. Сразу после октябрьского переворота, когда еще не было создано новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, суды руководствовались декретами, подписанными, в большинстве случаев, Лениным. В 1918 г. он запретил пользоваться старыми законами, а в судебных процессах предписал руководствоваться только декретами советского правительства. Таким образом, до первой кодификации уголовного законодательства было принято более 400 декретов и других актов, которые содержали уголовно-правовые нормы.

В Положении о народном суде РСФСР говорилось, что суд «в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием». Поскольку старые кадры юристов в большинстве своем были отстранены от исполнения обязанностей, а правосудие чаще всего совершали, руководствуясь «социалистическим правосознанием», суд в большинстве случаев превращался в произвол и беззаконие. Для большинства актов законодательной и исполнительной власти в этот период характерен метод принуждения и насилия. Законодательство Белорусской ССР дублировало правовые акты РСФСР, а в дальнейшем – СССР.

Показательно, что термин «враг народа» стал широко применяться в официальных документах уже с первых дней после октябрьского переворота. Так, 28 ноября 1917 г.

Ленин подписал декрет, в котором говорилось следующее: «…члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов».

Репрессии усилились после образования Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. указывалось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям и мятежам». Постановлением Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. было установлено, что решения Революционного Военного трибунала не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

В первые годы Советской власти создаются объекты – прообразы будущего ГУЛАГа. В декрете СНК от 14 марта 1919 г. «О рабочих дисциплинарных судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки, предусматривалось наказание до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. Так воплощалась в жизнь политика «красного террора», предельно ясно отражавшая представления руководителей партии и государства о средствах и методах достижения поставленных целей. Идея создания «школы труда» для арестованных была уточнена в постановлении ВЦИК от 11 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ». Согласно данному постановлению губернские Чрезвычайные комиссии в трехмесячный срок организовали лагеря во всех губернских городах. Таким образом, впервые в «рабоче-крестьянском» государстве законодательно закреплялось существование концлагерей…

Первые белорусы оказались в сибирских лагерях еще в начале 1920-х годов. В Мариинском концлагере, где заключенные отбывали свой срок за контрреволюцию (56%), уголовные преступления (23%), невыполнение разверстки (4,4%), антисоветскую агитацию (8%), труддезертирство (4%), должностные преступления (4,5%) и спекуляцию (0,1%), было не менее 5% уроженцев Беларуси.

Компания раскулачивания 1930 г. имела свое определенное «лицо» и свои приоритеты – конфискационно-репрессивные. С помощью этой компании власти не только боролись с противниками колхозов, но и решали ближайшие прагматические задачи – экспроприация имущества раскулаченных и их выселение. Только предполагалось, что выселенным на новых землях будут предоставлены условия для хозяйственной деятельности и «трудового перевоспитания». Высылка началась в январе-феврале 1930 г., однако комиссия по устройству выселяемых кулаков по главе с заместителем председателя СНК СССР Шмидтом была создана только в начале апреля. «Спецпереселение» было организовано бестолково и бессистемно, действия различных органов были не согласованы. Представители ОГПУ передавали «эстафету» попечения над высылаемыми административным органам НКВД, милиции. Сетью создаваемых впервые в столь массовых масштабах «кулацких» поселений должны были управлять комендантские отделы. Значительно позже к этому подключились гражданские органы, ведавшие системой жизнеобеспечения. По данным ведомственной статистики ОГПУ–НКВД в СССР в 1930-1931 гг. было раскулачено 569,3 тысяч хозяйств, их них в отдаленные районы отправлено 381 тысяча семей, в том числе свыше 15 тысяч человек из Беларуси.

Брошенные в труднодоступные районы, часто без сельхозинвентаря и продовольствия, «спецпереселенцы» бежали из созданных на скорую руку поселков,

сознавая возможные тяжелые последствия. К концу 1930 г. в Западной Сибири в бегах числилось 2/3 «спецпереселенцев»; на местах оставались лишь те, кто просто не был способен бежать. К тому же на протяжении всего 1930 г. не прекращались крестьянские волнения, направленные против насильственной коллективизации.

В феврале 1931 г. началась новая волна раскулачивания. В результате из БССР было выслано в районы Сибири свыше 60 тысяч крестьян.

Постепенно темпы и масштабы раскулачивания уже не увязывались с коллективизацией и в значительной мере определялись заявками советских хозорганов. В 1931 г. ОГПУ замкнуло на себе весь «технологический цикл» (от выселения до использования труда «спецпереселенцев»), вытеснив неудачливых конкурентов (система НКВД), которая не сумела не только «по-хозяйски» распорядиться в 1930 г. присланной «рабсилой», но и организовать их расселение и охрану.

ГУЛАГ, находившийся в ведении ОГПУ, создал несложную, но действенную систему договорных отношений с наркоматами и ведомствами об использовании труда «спецпереселенцев». Система имела три уровня: верхний – так называемый генеральный договор между ГУЛАГом и, скажем, ВСНХ; средний – локальный договор одного из территориальных управлений, скажем, Сибирским ИТЛ (Сиблагом), с Востуглем или Кузнецкстроем о передаче в распоряжение ведомства определенного количества переселенцев; на нижнем уровне документально оформлялись отношения между спецкомендатурой Сиблага и руководством конкретного леспромхоза или рудника.

Так, в течение осени-зимы 1931 г. представители Сиблага подписали договоры с крупнейшими потребителями рабочей силы региона – с Востокстальюю (Кузнецкстроем), Востуглем (Кузбассуголь), Сиблестрестом и др. Многие советские отрасли, приняв этот «наркотик» – принудительный труд, потом уже не могли успешно функционировать без обеспечения производства «спецконтингентом» и, таким образом, полностью стали зависеть от карательного ведомства. Так ГУЛАГ стал неотъемлемым элементом советской экономической системы.

В дальнейшем из-за резкого увеличения числа осужденных организация высылки и размещения «спецпереселенцев» была возложена на органы ОГПУ–НКВД. В связи с «ликвидацией кулачества как класса» в 1932 г. ОГПУ СССР разработало положение «Об управлении кулацкими поселками» и утвердило соответствующие инструкции.

Массовые репрессии продолжались и после завершения, в основном, коллективизации. 20 апреля 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об организации трудовых поселений». Кого же выселяли в 1933 г., если кулачество было ликвидировано? Сельских жителей – за срыв и саботаж хлебозаготовок и других кампаний, городских – за отказ в связи с паспортизацией 1932-1933 гг. уезжать из крупных городов, «кулаков», бежавших из своих деревень, а также тех, кого высылали в 1933 г. в порядке «очистки» государственных границ. Данные категории граждан обычно осуждались органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно. Для размещения прибывшего контингента в восточных и северных районах СССР была развернута огромная сеть специальных комендатур.

В частности Сиблагом ОГПУ в 1931-1932 гг. было создано 354 сельскохозяйственные, промышленные и лесные комендатуры, на учете в которых состояло на 1 октября 1931 г. 284 921 человек, в том числе более 60 тысяч уроженцев Беларуси.

По оценкам западных специалистов, на территории, находящейся в ведении комендатур, погибло, приблизительно, от четверти до одной трети депортированных крестьян. Судя по документации Сиблага, чиновники определили плановую «убыль контингента» в течение года в 5% (или 50 человек на тысячу). Однако реальность была гораздо трагичнее.

Так, по статистике ГУЛАГа в течение 1932 г. смертность в переселенческих комендатурах составила около 70 человек на тысячу; в северных же комендатурах Сиблага (Нарымский край) с июня 1931 г. по июль 1932 г. умирало около 110 человек на тысячу, а в отдельных случаях – 120-150. Причины колоссальной смертности очевидны: отсутствие социально-бытовой инфраструктуры, эпидемии, недостаточное и некачественное питание, тяжелый, изнуряющий принудительный труд.

1 июня 1922 г. был принят Уголовный Кодекс Российской Федерации. Этим Кодексом и его редакцией от 1926 г. в Беларуси пользовались до 1928 г. Широко известна печально знаменитая статья 58 этого Кодекса – «Контрреволюционные преступления». Она имела 14 пунктов, 13 из них предусматривали высшую меру наказания – расстрел. Наиболее часто в 1930-е гг. обвинения предъявлялись именно по статье 58: пункту 1 – «измена Родине», пункту 6 – «шпионаж», пункту 7 – «подрыв государственной промышленности, транспорта, кооперации», пункту 8 – «совершение террористических актов», пункту 10 – «контрреволюционная/антисоветская пропаганда и агитация», пункту 11 – «участие в контрреволюционной организации».

Почти половина всех обвиненных в 1930-е гг. были осуждены по ст. 58 п.10, которая предусматривала уголовную ответственность вплоть до применения высшей меры наказания за клеветнические высказывания в адрес руководителей партии и правительства, за дискредитацию внешней политики СССР, ведение религиозной пропаганды, за высказывание пораженческих настроений и попытки дискредитации РККА, за высказывания об экономическом положении трудящихся в СССР и восхваление капитализма, за контрреволюционные выпады против коммунистов, за систематический отказ от работы в лагерях НКВД и т.д.

Вначале репрессии не носили такого массового характера. Однако с каждым годом маховик «красного террора» раскручивался все сильнее. Суды не справлялись с нарастающим «валом». Все больше дел стало рассматриваться в упрощенном порядке внесудебными органами – «двойками», «тройками», Особыми совещаниями. По существу, эти органы никому не были поднадзорны и действовали по собственному усмотрению, творя произвол и беззаконие. Прокурорский надзор отсутствовал, а прокуроры нередко сами подвергались репрессиям.

Возникновение репрессивной системы на рубеже 1920-1930-х гг. было не случайным, а закономерным явлением: когда в конце 1920-х гг. встал вопрос об источниках осуществления ускоренной индустриализации страны и о методах коллективизации крестьянства, у сталинского руководства был уже готов ответ – орудием проведения индустриализации и коллективизации должен был стать развитой репрессивный аппарат в виде исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ГУЛАГа НКВД СССР. Отныне все уже осужденные на срок 3 года и выше переводились из мест заключения в ИТЛ, куда направлялись и все приговоренные судами к названным срокам.

К 1930 г. было сформировано 6 управлений исправительно-трудовых лагерей ОГПУ СССР: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Лагеря и трудовые колонии начинали играть все более

заметную роль в экономике страны. Труд заключенных стал применяться в реализации крупномасштабных хозяйственно-экономических проектов, а хозяйственные органы планировали свою деятельность с учетом возможности использования заключенных. Круг замкнулся в 1934 г., когда с созданием общесоюзного НКВД все советские лагеря были объединены в единую систему Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

Четкое функционирование всей репрессивной системы обеспечивали карательные органы. Еще в 1922 г. был создан единый общесоюзный орган – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Система его органов состояла из ОГПУ СССР, ГПУ союзных республик, политотделов при исполкомах Советов и особых отделов в Красной Армии и на транспорте.

В декабре 1930 г. НКВД союзных республик упраздняются, а их функции стали выполнять созданные при СНК республик управления милиции и угрозыска. В СССР по-прежнему действовало ОГПУ СССР, а для руководства органами милиции союзных республик и для проведения в СССР паспортной системы в 1932 г. было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР.

В 1934 г. образуется НКВД СССР. Вместо ОГПУ в системе НКВД СССР создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В НКВД также, кроме репрессивной функции, были сосредоточены функции охраны границ, управления шоссейными и грунтовыми дорогами, руководство геосъемкой и картографией, лесной и пожарной охраной. В его ведении находились вопросы, связанные с переселенцами, органы ЗАГСа. Таким образом, НКВД осуществляла тотальный контроль за всеми сферами жизни советского общества.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР была создана и хорошо отлаженная и материально обеспеченная система судебных и внесудебных органов. Система судебных органов Беларуси была представлена Военной коллегией Верховного суда СССР, Верховным судом БССР, областными судами, судом Белорусской железной дороги, военными трибуналами Белорусского военного округа и различных войсковых формирований, в том числе НКВД.

Наряду с судебными органами существовала также система внесудебных органов. Она начала формироваться в СССР и БССР еще в 1923 г. 15 февраля 1923 г. постановлением ЦИК СССР была учреждена судебная коллегия ОГПУ. Она имела право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, вредительстве и других преступлениях и применять все меры наказания.

Хотя до сих пор на территории Беларуси не выявлено наличие в 1930-40-е гг. исправительно-трудовых лагерей, это вовсе не означает их реального отсутствия. Наличие пересыльных тюрем и лагерей в Минске, Витебске, Могилеве, Слуцке, Гомеле позволяло держать там одновременно «спецконтингент» в 15-20 тысяч человек.

В периоды массовых арестов в Беларуси для транспортировки заключенных формировались целые эшелоны, иногда по 20 вагонов, вмещавшие более тысячи человек, которые затем следовали продолжительно время по вышеуказанным маршрутам вне графика (например, путь из Беларуси на Дальний Восток длился около двух месяцев). Во время всего пути заключенных не выпускали из вагонов. Пищу выдавали, как правило, раз в сутки или даже реже, – сухим пайком.

Особенно часто уходили на Восток эшелоны после похода Красной Армии в Западную Беларусь. В одном из них сразу оказалось 1580 уроженцев Виленщины, осужденных Особым совещанием НКВД СССР 25 декабря 1940 г. Из них около 60%

были «этапировано» в Котласский ИТЛ, около 15% в Сибирский ИТЛ, не менее 20% было доставлено в Архангельский ИТЛ. В этом потоке только в Сибирь было депортировано перед войной более 60 тысяч белорусов, поляков, евреев, представителей других национальностей – уроженцев Беларуси. С учетом людей, репрессированными внесудебными и судебными органами в административном порядке, эта цифра превышает 85 тысяч человек.

В период 1930-х гг. только судебными органами было репрессировано не менее 45-50 тысяч уроженцев Беларуси.

. Изучение архивных документов и материалов органов госбезопасности, МВД, судов и прокуратуры Российской Федерации, неофициальных документов, воспоминаний бывших политзаключенных позволяет сделать предварительный вывод, что на территории Западно-Сибирского края (ныне Новосибирская, Кемеровская и Томская области) в период 1930-х гг. только судебными органами было репрессировано не менее 45-50 тысяч уроженцев Беларуси

статистика получается следующая: основная часть репрессированных это крестьяне и рабочие (до 80%); основные мотивы ареста – девять человек из десяти – совершение «контрреволюционных преступлений»; около 70% было осуждено в 1937–1938 гг.; каждые восемь из десяти осужденных были расстреляны; по минимуму – пять лет – получили не более 2% арестованных.

Сістэма камуністычнага тэрору

…В целях получения нужных признаний аресты и допросы сопровождались пытками. Сталин от имени ЦК ВКП(б) санкционировал применение физических методов воздействия против подследственных, о чем свидетельствовала шифрованная телеграмма, направленная 10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, начальникам управлений НКВД. В ней, в частности, утверждалось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)… ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь...»

…«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание, – телеграфирует Ленин 9 августа 1918 года председателю Нижегородского губисполкома Федорову в ответ на его сообщение о волнениях недовольных реквизициями крестьян, – надо напрячь все силы, составить «тройку» диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления. Проведите массовые обыски. За ношение оружия – расстрел. Организуйте массовую высылку меньшевиков и других подозрительных ЭЛЕМЕНТОВ»[2]. (**В.И. Ленин**, *ПСС*, т. 50, с. 142.)

…На следующий день, 10 августа, телеграмма такой же тональности отправлена в Пензенский губисполком:

«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, *дабы народ видел)* не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

Найдите людей потверже»[3]. (РЦХИДНИ, 2/1/6/898.)

…В действительности же, как свидетельствует внимательное изучение донесений ВЧК о восстаниях лета 1918 года, только мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме, организованные «Союзом защиты родины и свободы» под руководством эсера Бориса Савинкова, да еще восстание рабочих Ижевского оружейного завода, подготовленное местными меньшевиками и эсерами, были, по-видимому, спланированы заранее. Все же другие восстания были стихийными и вызывались сопротивлением крестьянской массы реквизициям и насильственной мобилизации.

..Войскам Красной Армии и отрядам чекистов хватило нескольких дней для подавления всех этих восстаний, и только в Ярославле восставшие смогли продержаться две недели. После падения города Дзержинский направил туда специальную следственную комиссию, которая за пять дней, с 24 по 28 июля, расстреляла 428 человек[4]. (ГАРФ, 130/2/98а/26-32.)

…В течение августа 1918 года, т.е. еще до «официального» провозглашения 3 сентября красного террора, большевистские руководители, и прежде всего Ленин и Дзержинский, отправили в различные местные органы ЧК или партийные комитеты множество телеграмм с требованием принять «профилактические меры» для предупреждения попыток восстания. Среди этих мер, объяснял Дзержинский, «самая действенная – взятие заложников среди буржуазии, исходя из списков, составленных вами для взыскания наложенной на буржуазию контрибуции <...> арест и заключение всех заложников и подозрительных в концентрационных лагерях»[5]. (РЦХИДНИ, 76/3/22.) 10 августа Ленин предлагает наркому продовольствия Цюрупе проект декрета: «...в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков».

…Помимо системы заложничества большевистские руководители применили летом 1918 года другой репрессивный инструмент, возникший в России во время войны, а именно концентрационные лагеря. 9 августа 1918 года Ленин телеграфировал в Пензенский губисполком: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»[7]. (В.И. Ленин, *ПСС*, т. 50, с. 143.)

…Несколькими днями ранее Дзержинский и Троцкий подобным образом приказывали заключать заложников в «концентрационные лагеря». Заключение в эти лагеря не требовало никакой судебной процедуры и осуществлялось как элементарная административная мера в отношении «сомнительных». Концентрационные лагеря для военнопленных существовали во время войны как в России, так и в других воюющих государствах, но концлагеря для лиц гражданских – изобретение большевиков.

Среди «сомнительных элементов», подлежащих превентивному аресту, на первом

месте фигурировали еще остающиеся на свободе видные политики оппозиционных партий. 15 августа Ленин и Дзержинский подписали ордера на арест Мартова, Дана, Потресова, Гольдмана, лидеров партии меньшевиков, партии, газеты которой к этому времени были уже обречены на молчание, а представители – изгнаны из Советов[8]. (РЦХИДНИ, 76/3/22/3.)

…В своих воспоминаниях видный меньшевик Рафаил Абрамович сообщает о беседе с Феликсом Дзержинским, будущим главарем ВЧК. Беседа эта состоялась в августе 1917 года:

«– Абрамович, ты помнишь речь Лассаля о сущности конституции?

– Конечно.

– Он говорил, что всякая конституция определяется отношениями социальных сил в стране на данный момент. Вот я и интересуюсь, как можно изменить это политическое и социальное соотношение.

– Ну, различными процессами политической и экономической эволюции, возникновением новых экономических форм, появлением и развитием некоторых социальных классов, все эти вещи ты же, Феликс, прекрасно знаешь.

– Да, но почему нельзя радикально изменить это соотношение? Например, подавлением или уничтожением каких-либо классов?»[12]. (R. Abramovitch, The Soviet Revolution, 1917–1939, London, 1962, p. 312.)

…Григорий Зиновьев, на страницах газеты *«Северная коммуна»:* «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный, социалистический гуманизм. Мы должны завоевать на нашу сторону девяносто из ста миллионов жителей России под Советской властью. Что же касается остальных, нам нечего им сказать. Они должны быть уничтожены»[13]. (*«Северная Коммуна»*, № 109,19 сентября 1918 г., с. 2; цит. по: G. Leggett, op. cit., p. 114; уточнено переводчиком по: А. Авторханов, *Ленин в судьбах России, «Новый мир»*, № 1,1991.)

…Советское правительство легализовало террор знаменитым Декретом о красном терроре: «При данной ситуации <...> усиление деятельности ВЧК является прямой необходимостью <...>. Необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в лагеря. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам. Необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения этой меры»[14](*«Известия»*, 10 сентября 1918г.). Позднее Дзержинский признавался: «Законы 3 и 5 сентября наконец-то наделили нас законными правами на то, против чего возражали до сих пор некоторые товарищи по партии, на то, чтобы кончать немедленно, не испрашивая ничьего разрешения, с контрреволюционной сволочью».

…В секретном циркуляре от 17 сентября Дзержинский предлагает местным ЧК «ускорить и закончить, т.е. *ликвидировать,* нерешенные дела»[15]. (Г.А. Белов, цит. соч., с. 197–198.) В действительности же «ликвидации» начались 31 августа. 3 сентября *«Известия»* сообщили, что в предыдущие дни в Петрограде местной ЧК было расстреляно свыше 500 заложников. Из чекистских источников известно, что в течение сентября в Петрограде было расстреляно 800 человек Эта цифра сильно преуменьшена. Очевидец событий описывает следующие подробности: «Что касается Петрограда, то, при беглом подсчете, число казней достигает 1300. <...> В своей статистике большевики не учитывают сотен офицеров и гражданских лиц, которые были расстреляны в Кронштадте по приказу местных властей. В одном только

25

Кронштадте за одну ночь было расстреляно 400 человек Во дворе были вырыты три больших ямы, 400 человек поставлены перед ними и расстреляны один за другим» (G. Leggett, op. cit., p. 111. Это же свидетельство приводится в книге С. Мельгунова Красный террор (прим, перев.).).

В интервью, данном 3 ноября 1918 года газете *«Утро Москвы»,* правая рука Дзержинского Я.Х. Петере признавал: «В Петербурге, я бы сказал, истерическому террору прикосновенны больше всего те мягкотелые чекисты, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать.

…И в эти дни красного террора Дзержинский отдает распоряжение об издании *«Еженедельника ВЧК».* Этому органу поручено было превозносить заслуги политической полиции и всячески поддерживать «справедливую жажду мести» в массах. Шесть недель, вплоть до своего закрытия Центральным Комитетом партии по требованию многих большевистских руководителей, *«Еженедельник»* методично, без всякого стыда и совести, сообщал о взятии заложников, заключениях в концентрационные лагеря, казнях и т.п. Он представляет собой официальный источник по истории красного террора за сентябрь и октябрь 1918 года. Там можно прочитать, что ЧК Нижнего Новгорода, действуя особенно оперативно под руководством Николая Булганина (будущего главы правительства СССР в 1955-1958 годах), расстреляла с 31 августа 141 заложника; 700 заложников было арестовано в течение трех дней. В Вятке эвакуированная из Екатеринбурга Уральская ЧК отрапортовала о расстреле за неделю 23 «бывших жандармов», 154 «контрреволюционеров», 8 «монархистов», 28 «членов партии кадетов», 186 «офицеров» и 10 «меньшевиков и правых эсеров». ЧК Иваново-Вознесенска сообщила о взятии 181 заложника, казни 25 «контрреволюционеров» и об организации «концентрационного лагеря на 1000 мест». ЧК маленького городка Себежа казнила «16 кулаков и попа, отслужившего молебен в память кровавого тирана Николая II»; ЧК Твери – 130 заложников, 39 расстрелянных; Пермская ЧК – 50 казненных. Можно еще продолжать этот каталог смерти, извлеченный из шести вышедших номеров *«Еженедельника ВЧК»* («*Еженедельник ВЧК*», 6 номеров, вышедших с 22 сентября по 27 октября 1918 г.).

Сама по себе эта цифра – от 10 000 до 15 000 казненных за два месяца – говорит о резком изменении масштаба репрессий по сравнению с царским режимом. Напомним, что за время с 1825 по 1917 год число смертных приговоров, вынесенных судами дореволюционной России (включая военные суды) по так называемым «политическим преступлениям» достигло за 92 года цифры 6360, при максимуме в 1 310 приговоренных к смерти в 1906 году, в первый год реакции после революции 1905 года. За два месяца ВЧК казнила в два или три раза больше людей, чем приговорила к смертной казни царская Россия за 92 года, при этом надо учитывать, что в царской России все эти приговоры были вынесены после законной судебной процедуры, и значительная часть из них не была приведена в исполнение, но заменена каторжными работами(М.Н. Гернет, Против смертной казни, СПб, 1907, с. 385-423; Н.С. Таганцев, Смертная казнь, СПб, 1913. Эти цифры близки к сообщению К Либкнехта (5735 смертных приговоров, из которых 3741 приведен в исполнение, за период 1906–1910 гг.; 625 приговоренных и 191 казненный с 1825 по 1905 г.), в кн.: M. Ferro, La Revolution de 1911. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre, Paris, Aubier, 1967, p. 483.).

…лагерь безоговорочных сторонников ВЧК одержал верх. На его стороне выступили

такие партийные светила, как Свердлов, Сталин, Троцкий и, конечно, Ленин. Последний решительно встал на защиту организации, «подвергшейся, за некоторые свои действия, несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции, <...> неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе» (М.Н. Гернет, Против смертной казни, СПб, 1907, с. 385-423; Н.С. Таганцев, Смертная казнь, СПб, 1913. Эти цифры близки к сообщению К Либкнехта (5735 смертных приговоров, из которых 3741 приведен в исполнение, за период 1906–1910 гг.; 625 приговоренных и 191 казненный с 1825 по 1905 г.), в кн.: M. Ferro, La Revolution de 1911. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre, Paris, Aubier, 1967, p. 483.). 19 декабря 1918 года по предложению Ленина ЦК партии постановил: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях». На этом с дебатами было покончено. «Вооруженная рука пролетарской диктатуры» получила «индульгенцию», свидетельство непогрешимости. Как сказал Ленин, «хороший коммунист всегда и хороший чекист».

...В начале 1919 года Дзержинский добивается в Центральном Комитете партии создания специального отдела ВЧК, которому поручаются вопросы военной безопасности. 16 марта 1919 года Дзержинский был назначен народным комиссаром внутренних дел, оставаясь председателем ВЧК. Он проводит реорганизацию милиции и вспомогательных войск (железнодорожной милиции, продовольственных отрядов, пограничной стражи, боевых рот ЧК), разделенных до того времени между разными ведомствами. В мае 1919 года все они объединяются в особый корпус – Войска внутренней охраны республики (ВОХР), выросший до 200 000 человек к 1921 году. Этим войскам поручалась охрана концентрационных лагерей, железнодорожных станций и других стратегических пунктов, они осуществляли реквизиции и, разумеется, подавление крестьянских восстаний, вызванных этими реквизициями, рабочих волнений и мятежей в Красной Армии. Специальные части ЧК и Войска внутренней охраны республики – в общем и целом почти 200 000 человек – представляли собой мощный инструмент контроля и подавления; это была поистине армия внутри страдавшей от дезертирства Красной Армии, которая, хотя и считалась теоретически весьма многочисленной (от 3 до 5 миллионов человек), в действительности никогда не могла выставить более 500 тысяч вооруженных солдат (М.Н. Гернет, Против смертной казни, СПб, 1907, с. 385-423; Н.С. Таганцев, Смертная казнь, СПб, 1913. Эти цифры близки к сообщению К Либкнехта (5735 смертных приговоров, из которых 3741 приведен в исполнение, за период 1906–1910 гг.; 625 приговоренных и 191 казненный с 1825 по 1905 г.), в кн.: M. Ferro, La Revolution de 1911. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre, Paris, Aubier, 1967, p. 483.).

В одном из первых декретов нового Наркомвнудела подводилась юридическая база под существование концлагерей, устанавливались принципы их организации, которые существовали с лета 1918 года без какой-либо регламентирующей юридической базы. В декрете от 15 апреля 1919 года проводилось различие между двумя типами лагерей: принудительно-трудовыми лагерями, куда попадали лица по приговорам трибуналов, и концентрационными, предназначенными, главным образом, для заложников (в этом случае было достаточно простого административного решения). На деле же разница между двумя типами была чисто теоретическая, что доказывает дополнительная инструкция от 17 мая 1919 года. Эта инструкция, помимо создания «в каждой губернии по меньшей мере одного лагеря с минимальной вместимостью на триста мест», предусматривала шестнадцать категорий

заключенных. Среди них фигурировали такие разные категории, как «заложники из кругов высшей буржуазии», «чиновники старого режима от коллежского асессора, прокуроры и их помощники, городские головы и исправники», «лица, осужденные при советской власти за такие преступления, как тунеядство, сводничество, проституция», «дезертиры и солдаты, взятые в плен во время гражданской войны» и т.д. (ГАРФ, 393/89/Юа.)

Число заключенных как в трудовых, так и в концентрационных лагерях, постоянно росло в течение 1919-1921 годов: от приблизительно 16 000 в мае 1919 года до 70 000 в сентябре 1921 года (*«Власть Советов»*, № 1–2, 1922, с. 41; LD. Gerson, The Secret Police in Lenin's Russia, Philadelphie, 1976, p. 149, sq.; G. Leggett, op. cit., p. 178; ГАРФ, 393/89/18; 393/89/296.). Но при этом не принимаются в расчет лагеря, созданные непосредственно в зоне восстаний против советской власти: только в одной Тамбовской губернии к лету 1921 года насчитывалось семь подобных лагерей, предназначенных для репрессий против восставших крестьян. В них содержалось по крайней мере 50 000 «бандитов» и членов их семей, взятых в заложники (ГАРФ, 393/89/182; 393/89/231; 393/89/295.).

...Списки тех, кто приговорен комиссией по судебным делам при Политбюро, обсуждались Военной Коллегией Верховного Суда СССР, военным судом или Особым совещанием. Эта комиссия, в состав которой входил Ежов, представила на подпись Сталину и членам Политбюро, по крайней мере, 383 списка, включающих 44 000 имен руководителей, партийных работников, армейских чинов и экономистов. Более 39 000 из них были приговорены к смертной казни. Подпись Сталина стоит на 362 списках, Молотова – на 373, Ворошилова – на 195, Кагановича – на 191 списке, Жданова – на 177 списках, Микояна – на 62.

Все эти руководители лично отправлялись на места, чтобы вести, начиная с лета 1937 года, чистки местных партийных организаций: так, Каганович был послан «вычищать» Донбасс, районы Челябинска, Ярославля, Иванова, Смоленска. Жданов, «вычистив» свой район, т.е. Ленинград, поехал заниматься тем же самым в Оренбурге, Башкирии, Татарстане. Андреев отправился на Северный Кавказ, в Узбекистан и Таджикистан, Микоян – в Армению, Хрущев – на Украину.

Хотя большинство инструкций о массовых репрессиях были подтверждены решениями Политбюро в полном составе, сегодня становятся доступными новые документы, автором и инициатором проведения в жизнь которых на всех уровнях является лично Сталин. Возьмем только один пример: когда 27 августа 1937 года в 17 часов секретариат Центрального комитета получил сообщение Михаила Коротченко, секретаря районного комитета партии из Восточной Сибири, о том, как проходил процесс над агрономами, «виновными во вредительстве», Сталин лично телеграфировал в 17 часов 10 минут: «Я вам советую приговорить вредителей Андреевского округа к смертной казни и опубликовать сообщение об их расстреле в печати»12.

...Все эти документы (протоколы Политбюро, распорядок рабочего дня Сталина, список принятых им в Кремле лиц) стали сегодня доступны и смогли подтвердить, что Сталин давал Ежову подробнейшие инструкции и контролировал его действия. Для инструктажа по делу о «военном заговоре» маршала Тухачевского и других высших

военачальников Сталин принимал Ежова ежедневно13. На всех этапах «ежовщины» Сталин не ослаблял политического контроля над событиями. Именно он решил назначить Ежова на пост народного комиссара внутренних дел, послав 25 сентября 1936 года в Политбюро из Сочи знаменитую телеграмму: «Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода явно оказывается не на высоте задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года». Именно Сталин решил приостановить перегибы НКВД. 17 ноября 1938 года по указу Центрального комитета партии был положен конец, впрочем, на весьма недолгое время, массовым арестам и депортациям. Неделю спустя Ежов был смещен с поста народного комиссара внутренних дел и заменен Берией. Большой террор закончился точно так же, как начался – по приказу Сталина.

…Сегодня стало ясно, что только за 1937 и 1938 годы были арестованы НКВД 1 575 000 человек; осуждены за тот же период 1 345 000 (85,4%); а 681 692 (51% от общего числа приговоренных за 19371938 годы) были расстреляны.

Данные, из которых становится ясно, что коммунисты составляют лишь малую часть из 681 692 расстрелянных, не являются полными. В них не вошло общее число депортированных в эти годы (например, высланные с Дальнего Востока 172 000 корейцев, отправленные между маем и октябрем 1937 года в Казахстан и Узбекистан). В них не входят те, кто умер под пытками во время допросов или те, кто скончался в лагерях в эти годы (около 25 000 в 1937, более 90 000 в 1938 году)18. Даже если скорректировать в сторону уменьшения те примерные цифры потерь, которые обычно называют выжившие свидетели репрессий, картина получается все равно чудовищной: сотни тысяч погибших в результате террора, направленного против всего общества.

Мы располагаем лишь некоторыми статистическими данными о заключенных ГУЛАГа в конце 30-х годов, они будут приведены ниже. Но эта информация касается всех заключенных (а не только тех, кто был арестован во время Большого террора), она содержит только самые общие сведения о количестве жертв, приговоренных к заключению в лагере в период «ежовщины». В этот период заметно увеличилось число заключенных, имеющих высшее образование (+70% между 1936 и 1939 годами), это подтверждает, что террор в конце 30-х годов был направлен, в частности, против образованной части общества, независимо от того, принадлежала ли она к партии или нет. Тем не менее и в этот период большинство жертв Большого террора составляли самые обычные граждане, люди «из народа».

Число заключенных как в трудовых, так и в концентрационных лагерях, постоянно росло в течение 1919-1921 годов: от приблизительно 16 000 в мае 1919 года до 70 000 в сентябре 1921 года29. Но при этом не принимаются в расчет лагеря, созданные непосредственно в зоне восстаний против советской власти: только в одной Тамбовской губернии к лету 1921 года насчитывалось семь подобных лагерей, предназначенных для репрессий против восставших крестьян. В них содержалось по крайней мере 50 000 «бандитов» и членов их семей, взятых в заложники.

Як зьнішчалі генафонд беларускай нацыі

Уладзімір Міхнюк, Якаў Паўлаў

Уведзеныя ў практыку рэпрэсыі і беззаконьне неабходна было якімсьці чынам абгрунтаваць. І тады Сталіну прыйшла ідэя арганізаваць адкрыты судовы працэс, у ходзе якога неабходна прылюдна даказаць віну арыштаваных аб нібыта зьдзейсьненых імі злачыствах. З аднаго боку, мелася на ўвазе пацьвердзіць «законнасць» іх рэпрэсіраваньня, а з другога — яшчэ накаліць абстаноўку ўсеагульнай падазронасьці і жаху. У такіх стасунках было лягчэй апраўдаць зьдзейсьненыя і будучыя рэпрэсыі, даказаць сваю асабістую правату ў барацьбе з «бандамі забойц і шпіёнаў».

Першы такі працэс адбыўся ў жніўні 1936 г. ў справе так званага трацкіска-зіноўеўскага тэрарыстычнага цэнтру, па якім праходзіла 16 асоб—Зіноўеў, Каменеў, Еўдакімаў і інш. У друкў паведамлялася, што названы тэрарыстычны цэнтр па загадах Троцкага (знаходзіўся за мяжой—аўт.) рыхтаваў забойства кіруючых дзеячоў партыі і дзяржавы, у тым ліку Сталіна й яго паплечнікаў. Ён ажыцьцявіў забойства С.Кірава, займаўся шпіянажам, падрыхтоўваў дывэрсыі на вытворчасьці й іншыя злачынствы супраць савецкага ладу. Потым сьледавалі паказальныя палітычныя працэсы па сфабрыкаваных справах Р. Пятакова, К. Радэка й ішных, М. Бухарына, А. Рыкава, Х. Ракоўскага, закрыты судовы працэс па справе ваенных кіраўнікоў М .Тухачэўскга, І.Якіра, І. Убарэвіча. Падсудных абвінавачвалі ў капітулянстве, шпіянажы, здрадзе Радзіме, падрыве магутнасьці ўзброеных сілаў, удзеле ў забойстве Кірава, Мянжынскага, Куйбышава, Горкага і нават падрыхтоўкі замахаў на Леніна, Сталіна, Свярдлова, Калініна і інш.

Ілжывы сталінскі тэзіс аб абвастрэньні клясавай барацьбы ўносіў з жыцьця або з нармальных умоваў жыцьця ўсё новыя і новыя ахвяры. Справы арыштаваных, што прыцягваліся да адказнасьці па палітычных матывах Л. Кагановіч прапанаваў разглядаць у пазасудовым парадку з вынясеньнем вышэйшай меры пакараньня. Другі паплечнік «бацькі народаў»—В.Молатаў «удасканаліў» гэтую прапанову—суды і пакараньне праводзіць па спісах Асобая нарада ў большасьці выпадкаў дзейнічала не ў поўным складзе, а ў выглядзе «пяцёркі,» «тройкі» і нават «двойкі».

Трэба мець на ўвазе, што ў 1937 г. Сталін ад імя ЦК УКП (б) даў органам НКУС дырэктыву аб прымяненьні да арыштаваных фізычных мер узьдзеяньня. Іншымі словамі, дазволіў над імі зьдзеквацца, біць, катаваць. Некалькі пазьней у тэлеграме, накіраванай ня толькі ў праваахоўныя, але ў партыйна-савецкія ворганы ўсіх ступэняў, Сталін патрабаваў абавязковага прымяненьня такіх мер «як зусім правільны і мэтазгодны мэтад». Рухаючыся ў гэтым рэчышчы, А.Я. Вышынскі «абгрунтаваў тэзіс аб тым, што суд увогуле не ў стане выявіць аб'ектыўную ісыдіну, паколькі ён ня здольны выкарыстоўваць практыку як крытэры ісьціны: злачынствы не паўторыш нанава. А калі гэта так, то няма і патрэбы ў вышуку ісьціны. Дастаткова «максімальнай верагоднасьці» віны абвінавачваемага. Мэта суда не ў пошуку ісьціны, а выяўленьня «верагоднасьці» віны падсуднага, якая суб'ектыўна вызначаецца абвінаваўчым бокам. Што ж датычыцца законаў, то іх «патрэбна адкласьці ў бок» А чаму адкласыді ў бок? А таму, што: «Буржуазная законнасьць гіне, зыходзіць на нет. Яна падзяляе лёс капіталістычнага грамадзства, якое гіне, дажывае свае апошнія дні». Такі агульна-прымітыўны падыход да права і закона быў у галоўнага пракурора дзяржавы.

Але гэта было ня ўсё. Тэарэтычных пазыцыяў было ў яго шмат. Насуперак агульнапрызнаных юрыдычных нормаў, Высшынскі заяўляў, што аб'ектыўныя доказы

віны ўвогуле не патрэбны. Дастаткова прызнаньня самога арыштаванага ў зьдзейсьненым злачынстве. Таму задачай сьледства і суда зьяўляецца неабходнасьць прымусіць абвінавачваемавага прызнаць сваю віну. Як гэта дасягаецца —суда не датычыцца.

Зьвяртае на сябе ўвагу той факт, што канцэпцыя «царыца доказу» была абгрунтавана і апрабавана ў 1936-1937 гг., калі ў краіне панавала вакханалія шаленага фанатызму і неабгрунтаваных рэпрэсыяў. Менавіта такі падыход апраўдываў грубыя парушэньні законнасьці і мэтады фізічнага ўзьдзеяньня на арыштаваных, а пасьля чаго яны прызнавалі сябе вінаватымі ў тым, чаго ніколі не зьдзейсьнялі. Аб гэтым, у прыватнасьці, сьведчаць паказаньні многіх з тых супрацоўнікаў ДПУ, якія ўрэшце рэшт самі аказваліся на лаве падсудных. Адзін зь іх, памочнік начальніка 4-га аддзела НКУС БССР малодшага лейтэнанта дзярж-бясьпекі Быхоўскі В.Э. на судзе сьведчыў: «Берман часта гаварыў, што калі ён быў у Маскве ў т .Яжова, то той даваў устаноўкі і дазвол на прымяненьне ў часе сьледства фізычных мер узьдзеяньня на арыштаванага і што адказаваць за гэта будзе ён, Берман, а нетой, хто гэта робіць. І я ў ліку іншых стаў гэта рабіць. Я пачаў прымяняць да арыштаваных самыя разнастайныя мэтады зьдзекаў. З усіх арыштаваных (я дапытваў звыш 40 чалавек— я бі ў і прымяняў розныя зьдзекі ня менш чым да паловы арыштаваных. Гэтымі «мэтадамі» я здолеў вымусіць іх на любыя паказаньні і на любую правакацыю. Я біў арыштаваных Арабея, Хацкевіча.Ластоўскага, Кудзельку, Любовіча, Балціна, Аўгустойціса, Трыфтэн, Семашку і шмат іншых. Я прымяняў да іх самыя неверагодныя і садысцкія метады сьледства: біў іх кулакамі, садзіў на зэдлік, а затым рэзка вырываў яго з-пад арыштаванага і ён валіўся на падлогу: лажыў яго на падлогу, сагінаў удвая і ставіў зьверху зэдлік, а потым садзіўся на яго сам і сядзеў да таго часу, пакуль гэтая асоба не пачынала даваць патрэбныя паказаньні, пляваў у твар і г.д. 6

Такі почырк допытаў быў і ў іншых. Але найбольш сваёіі стараннасьцю вызначаліся

І. Морэў, М.Бандарэнка, А. Вольфтраб, І. Кунцэвіч, А. Гэлшэйн, У. Ермалаеў, Д, Лебядзеў, Я. Крупянкоў. У.Серышаў, Ваўчок, Цзітлін, Пермскі, Содзін, Караткевіч, Літвінаў. Ад сваіх падначаленых неадступалі і старэйшыя каты: адказныя работнікі наркамата ўнутраных справаў рэспублікі: Берман. Л. Закоўскі, І. Ляплеўскі, Р. Рэапапорт, А. Наседкін, Л. Цанава, 3. Кауфлан, М. Стаяноўскі, В.Ягоднін, Я. Розкін, І. Арбаленя. Капіруючы сцэнарыі маскоўскіх працэсаў стаўленьнікі і вышкаленыя паслугачы цэнтру стараліся знайсьці ў Беларусі якасныя і колькасныя паказчыкі. Не пасьяваў закончыцца адзін судовы працэс, як даразу-ж фабрыкаваўся наступны — то ў Лепелі, то ў Гомелі, то ў Віцебску, то ў Жлобіне, Менску. Рэжысёры-пастаноўчыкі і іх паслухмяныя асыстэнты —сьледчыя без перадыху штампавалі «прэм'еры» шпіёнскіх, шкодніцкіх, тэрарыстычных спэктакляў. Асабліва прывабнай для ДПУ была праблема антысавецкага падпольля і дыверсійна-тэрарыстычнай дзейнасьці. У красавіку 1933 г. за подпісам Л . Заяўскага на стол намесьніка старшыні АДПУ Ягоды лягла зусім сакрэтная тэлеграма. У ёй паведамлялася аб ліквідацыі контррэвалюцыйнай дыверсыйна-шпіёнскай арганізацыі ў галіне жывёлагадоўлі БССР. Яна, ні менш, ні больш, ахапіла сваёй дзейнасьцю ўвесь цэнтральны і нізавы апарат наркамата земляробства, а таксама сетку вышэйшых навучальных установаў, большасьць саўгасаў і шэраг калгасаў рэспублікі. Сваёй бліжэйшай задачай разгалінаванае падпольле лічыла зьнішчэньне паалоўя калгасных коней, малочнай і мясной і прадукцыйнай жывёлы, а канчатковай — зьвяржэньне савецкай улады ўзброеным шляхам з наступным усталяваньнем буржуазна-дэмакратычнага ладу». Адзначалася, што кіраўніцтва дзейнасьцю арганізацыі ажыцьцяўлялася палітычным цэнтрам у Наркамземе (нам. наркома Масюковым), а таксама мела сувязі з падпольлем Белтрак-

тарацэнтра, Польскім генеральным консульствам у Менску. Узначальваў арганізацыю дырэктар Віцебскай біяфабрыкі, загадчык кафедры Віцебскага бактэрыялягічнага інстытута прафесар В. Крылоў, які меў цесныя кантакты з дырэктарам Маскоўскага Інстытута хвароб свіней прафэсарам Цыёнам Р.А. і падначаленай яму контррэвалюцыйнай арганізацыяй. Шляхам катаваньняў, пагроз і запалохваньняў Крылова былі дабыты паказаньні на 51 чалавека. Па свайму складу яны разьмяркоўваліся наступным чынам: прафэсараў — 8 чалавек, навуковых супрацоўнікаў —6, ветэрынарных дактароў— 15, служачых Наркамзема—11, заатэхнікаў—8, аграномаў — I, іншых прафэсыяў—2. Пасьля мэтанакіраванай «распрацоўкі» арыштаваных былі здабыты зьвесткі яшчэ на 32 чалавека, якіх таксама арыштавалі.

Маштаб рэпрэсыяў пашыраўся з кожным годам. І чым бліжэй падыходзіў 1937 г, тым больш выразна абазначался абсурднасьць абвінавачваньняў. Яны страчвалі элементарную логіку і праўдападобнасьць. Калі ў пачатку 30-х гадоў ў абвінавачваньнях часьцей за ўсё сустракаецца фармулёўка «за антысавецкую агітацыю і выступленьне супраць калетывізацыі», то ўсярэдзіне 30-х гадоў аршытоўваюць і караюць «беларускіх нацыянал-фашыстаў», «праватрацкістаў», «польскіх шпіёнаў і дыверсантаў, удзельнікаў «контррэвалюцыйных, антысавецкіх шпіёнска-тэрарыстычных арганізацыяў. Хапалі таксама за неданосьніцтва, за выказаныя сымпатыі і спачуваньне да раней арыштаваных, за неяўку на сход, за сувязь з «ворагам народу». Яны атрымоўвалі ад 3 да 10 гадоў ППЛ, а іх дзеці страчвалі бацькоў, або падзялялі зь імі ўсе жахі і пакуты перасяленца.

Трагічную ролю ў жыцьці беларускага народу адыграў ліпеньскі (1937 г.) пленум ЦК КП(б)Б, на якім прысутнічалі і верхаводзілі прыехаўшыя з Масквы загадчыкі аддзелаў ЦК УКП(б) Г.Маленкоў (арганізацыйны), і Я. Якаўлеў—Эпштэйн (старшыня КПК пры ЦК УКП (б) і загадчык сельгасадзела). Яны ўчынілі сапраўдны разгром кіруючых кадраў рэспублікі. Адбывалася парадаксальнае. На працягу жыцьця аднаго пакаленьня была выкавана сістэма, якая пачынала пажыраць самую сябе. Дастаткова прыгадаць, што на памяненым пленуме ўсе 26 чалавек выступаўшых партыйцаў указвалі на факт існаваньня ў іх партарганізацыях і раёнах актыўна дзейнічаючых контррэвалюцыянераў, змоўшчыкаў, польскіх шпіёнаў і дыверсантаў. Ды і даверaныя асобы Масквы падбухторвалі прысутнічаючых.

«Дзьве задачы зараз стаяць перад беларускім народам, —настаўляў А. Якаўлеў. —Першая—ачысьціць беларускую зямлю ад подлых польскіх шпіёнаў, разбуральнікаў дзяржаўнага і калгаснага дабра, забойц рабочых і сялян. Другая — ажыцьцявіць на практыцы сталінскі лозунг: зрабіць усе калгасы бальшавіцкімі, а калгасьнікаў заможнымі”.

У зьневажальна запалохваючым тоне разважаў ён і аб саміх удзельніках пленума: «Той ці іншы чалавек мог быць выбраны ў склад пленума, што аб ім няма ніякага кампрамата, што ён чысты перад НКУС, чысты, па даведках ЦК, —гэты факт больш за ўсё дэманструе, што работа па генеральнай чыстцы Беларусі ад усялякага гною, польскага бруду, ад розных шпіёнаў і дыверсантаў, што работа гэта яшчэ не распачата належным чынам, што гэтую работу давядзецца па-сапраўднаму, як таго патрабуе ЦК партыі, як таго патрабуе т. Сталін».

І распачалі не марудзячы, прама на тым ліпеньскім пленуме ЦК КП(б)Б. Напярэдадні яго работы быў арыштаваны першы сакратар ЦК В.Ф. Шаранговіч, на сумненьні якога шмат беспадстаўных арыштаў кіраўнікоў розных узроўняў: дастаткова ўспомніць, што за паўтара месяца да гэтага 30 травеня 1937 г. з «падачы» Шаранговіча былі вызвалены ад займаемых пасадаў і аддадзены пад арышт як «ворагі народу»

члены бюро ЦК і члены ЦК КП(б)Б: камандуючы БВА, камандарм 1-га ранга І. П. Убарэвіч, наркамзем БССР К.Ф. Бенек, нарком асьветы А.І. Дзякаў, нарком унутраных справаў Р.А. Малчанаў (іх чарга таксама прыходзіла). У той-жа дзень ён зацьвердзіў рашэньне аб вызваленьні ад абавязкаў старшыні СНК БССР М.М. Галадзеда: 14 чэрвеня 1937 г. ён будзе арыштаваны ў Маскве на падставе доказу раней арыштаваных. У часе допыту 1 чэрвеня ён выкінецца з акна 5-га паверха будынка НКУС БССР «.

З удзелам Шаранговіча шальмаваўся старэйшы й адзін з аўтарытэтных кіраўнікоў Беларусі, старшыня ЦВК БССР А.Р. Чарвякоў. Даведзены да адчаю, ён скончыў жыцьцё самагубствам 16 чэрвеня 1937 г., у час работы XVI зьезда КП(б) Б, пакінуўшы перадсьмяротнае пісьмо, у якім пісаў: «Я уходжу зь імем партыі і правадыра т. Сталіна. Я уходжу, праклінаючы ўсіх воргаў народу, я праклінаю беларускіх фашыстаў агнетаў польскага імпэрыялізму »-На ўліку Шаранговіча лёсы вайскоўцаў І.П. Бялова, М.І. Андрасюка, Д.Ф. Сердзіча і інш.

Пройдзе няпоўных восем месяцаў і ў падвалах Лубянкі па справе бухарынскага «антысавецкага праватрацкіскага блёку» і там апынецца і сам Васіль Фаміч Шаранговіч. Там ён, псыхалягічна зламаны, у прысутнасьці галоўных дзеячоў судовага спэктакля А. Вышынскага, У. Ульрыха, І. Матусевіча, і Б. Іёўлева будзе самагубствацаць: “Я зьдзейсьніў брыдкія подлыя, цяжкія здрады, перад краінай і народам. Я здрадзіў сваёй Радзіме і як здраднік не заслугоўваю ніякага памілаваньня”.

Тады-ж на ліпеньскім (1937) пленуме ЦК Шаранговіч будзе настойліваць на узмацненьні барацьбы з «двурушнікамі», «крывавымі памагатымі фашызму», «агіднымі польскімі шпіёнамі». На самом пленуме з партыі будуць выключаны чатыры партыйна-савецкія работнікі — К.А. Дамброўскі, К.М Жэлудкоў, Л.Д. Ляхаў і Э.Б. Вайсман. А пасьля пленума з 101 першых сакратароў райкомаў і акружкомаў уцалее толькі 8. Лёс «ворагаў народу» напаткаў іх пазьней. Кампартыя Беларусі не знайшла ў сябе сіл каб супрацьстаяць сфабрыкаванай ворганамі НКУС версіі абвінавачваньняў у БССР «агентаў варожых разьведак» і разгалінаванага анты-савецкага падпольля і сама стала ахвярай «генеральнай чысткі», колькасьць арыштаваных па абвінавачваньню ў контррэвалюцыйнай дзейнасьці ўзрасла ў 1937 г. ў параўнаньні з 1936 г. у дзесяць разоў і склала 40% ад усяго складу рэспубліканскай арганізацыі.

Парадаксальна, але зьяўляецца фактарам, што і першыя асобы і партыйныя супрацоўнікі ІДК КП(б)Б нярэдка спэцыяльна вышуквалі выдуманыя падставы, абвінаваціць, каб нізавых кіраўнікоў у шкодніцтве, шпіянажы, арганізацыі сабатажу дывэрсыяў, і тым самым наклікаць новыя рэпрэсыі. Працаваўшыя ў ЦК на пасадзе ўпаўнаважаных Аксёнаў і Земцаў спэцыяльна разьязджалі па абласьцях і раёнах, дзе зьбіралі «кампрамат» на адказных работнікаў і радавых камуністаў. Затым ён паступаў на бюро ЦК КПГ Б, дзе на яго падставе прымалася рашэньне аб выключэньні з партыі або арышце. З гэтай нагоды ў адной з сваіх інфармацыйных запісак на імя Г.Малянкова, таго што падбухторваў у Беларусі палітычны тэрор П. К. Панамарэнка пісаў: «Характэрным для практыкі зьяўляецца прыклад, калі 31 сьнежня 1937 г. на пасяджэньні бюро ЦК за некалькі гадзін былі разгледжаны і прыняты па 5 раёнах Беларусі стандартныя адна тыповыя рашэньні, абвінавачваўшыя сакратароў райкомаў і старшынь ранвыканкамаў і правядзеньні шкодніцкай лініі, у садзейнічаньні шпіянажу і г.д. Гэтым рашэньнем бюро яны былі выключаны з партыі іі арыштаваны. Неабходна прывесьці яшчэ такі факт. Калі былы сакратар ЦК П.А. Лявіцкі сумесна з Д. Берманам выехалі ў Бабруйск на сход партыйнага актыву й пасьля яго за адну ноч арыштавалі 17 чалавек кіруючых раённых работнікаў, у тым ліку пракурора, старшыню райвыканкама.

Садзейнічаўшыя, ці заганяўшыя рэспубліку ў адміністрацыйна-бюракратычны тупік у 1937-1938 гг. былі арыштаваны і прыгавораны да вышэйшай меры пакараньня

старшыні ЦВК і СНК БССР Я.А. Адамовіч. Д.І. Валковіч, Д.Ф. Жылуновіч, М.В. Стакун, звыш 40 наркомаў і іх намесьнікаў, былыя сакратары ЦК КП(б)Б Я.Б. Гамарнік, А.І. Крыніцкі, К. Гей.

«Бацьку народаў» мярэшчылася што пагранічная Беларусь нашпігавана агентамі і шпіёнамі іншаземных дзяржаваў і ў тым ліку сярод моладзі. На праходзіўшай у ліпені 1937 г. нарадзе Сталіна з сакратарамі ЦК ЛКСМ і першымі сакратарамі ЦК камсамола заходніх саюзных рэспублік і абласьцей (размова ішла ў прысутнасьці Яжова), ён папракаў кіраўуікоў моладзі за тое, што яны не дапамагаюць ворганам НКУС у выкрыцьці «ворагаў народу». А пасьля гэтай нарады рэпрэсыі сярод моладзі пашыраліся.

Разгром кіраўніцтва камсамола Беларусі пачаўся жнівеньскай ноччу 1937 г., адразу-ж пасьля пленума ЦК ЛКСМБ, на якім прысутнічалі сакратары і члены ЦК КП(б)Б. Усяляк распальваемая істэрыя падазронасьці і пошуку ворагаў і шпіёнаў вымусіла удзельнікаў пленума пацьвергнуць знішчальнай крытыцы работу бюро ЦК ЛКСМБ. Маўляў, яно немабілізавала камсамольскія арганізацыі рэспублікі на выкрыцьцё і выгнаньне з кірауніцтва і радоў камсамола «ворагаў» і іх «агентуры». Пасьля гэтага за «варожую дзейнасьць» былі прыцягнуты да адказнасьці сакратары райкамаў і адкружкамаў камсамола: Слуцкага —І. Галкоўскі. Віцебскага —У. Рагожкін, Мазырскага — А. Бычкоўскі і Б.Баранкін, Гомельскага, -М. Брагінскі, Лагойскага—М. Жызнеўскі, Лепельскага— С. Міхалевіч, Полацкага— І. Марголін, Мінскага—Г. Куксевіч і іншыя — усяго каля 20 чалавек.»

Узяты ворганамі НКУС пад «каўпак» першы сакратар ЦК ЛКСМ А. Аугустайціс на допытах сьведчыў: «...наша падрыўная работа ў камсамоле Беларусі галоўным чынам была накіравана на развал палітыка-выхаваўчай, абарончай і фізкультурнай работы і захаваньні варожых кадраў у камсамоле. Мною былі завербаваны Галкоўскі, Бычкоўскі й іншыя, якія паўсюдна насаджавалі свае кадры». Для ворганаў НКУС гэтага было дастаткова, каб сьцвярджаць, што іх клясавае чуцьцё не падвяло. На падставе высасаных з пальца «доказаў» адбылася амаль поуная зьмена камсамольскага актыву. У многіх камсамольскіх арганізацыях колькасьць арыштаваных і выключаных членаў ЛКСМ перасягала колькасьць зноў прынятых. Такія абставіны назіраліся ў маладзёжных арганізацыях у 1938 і 1939 гг.

Страшэнныя страты панесла у 1937-1 1938 гг. навуковая і творчая інтэлігенцыя.

Па тэхнічных прычынах, на жаль, спасылкі ў тэксце на дакументы і кнігі не падаюцца.

Гл. часопіс “Полацак”, №7, 1994

Кто скрывался в белорусских лесах?

Неизвестная сторона деятельности советских партизан
(по материалам книги Виктора Хурсика «Кровь и пепел Дражна» .)

Советские партизаны храбро сражались с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. Партизан был главным защитником мирных жителей, символом освобождения от фашизма. Советская история идеализировала образ «народного мстителя», и говорить о его проступках было немыслимо. Только через шесть десятков лет уцелевшие жители белорусской деревни Дражно Стародорожского района решились рассказать о страшных событиях, пережитых ими в 1943 году. Их истории в своей книге «Кровь и пепел Дражна» собрал белорусский краевед Виктор Хурсик.

Автор утверждает, что 14 апреля 1943 года партизаны напали на Дражно и без разбору стреляли, резали и заживо сжигали мирных жителей. Показания уцелевших дражненцев автор подтверждает документами из Национального архива Республики Беларусь.

Один из выживших свидетелей сожжения деревни Николай Иванович Петровский после войны переехал жить в Минск, где до пенсии проработал электриком на госпредприятии. Сегодня ветерану 79 лет, он тяжело болен.

- Наверное, в последний раз навещаю Дражно, - медленно, нахмурившись, говорил Николай Иванович, когда мы въезжали в деревню. - Больше шестидесяти лет я каждый день вспоминаю тот ужас, каждый день. И хочу, чтобы люди узнали правду. Ведь партизаны, которые убили своих земляков, так и остались героями. Эта трагедия страшнее Хатыни.

«Выстрелы разбудили нас около четырех утра»

- Когда в 1941 году пришли фашисты, полицейский гарнизон, на нашу беду, сформировали в Дражно. Полицаи, а их было 79 человек, обустроились в школе, которую огородили дзотами. Место это было стратегическим. Деревня стояла на пересечении дорог, на возвышенности. Полицаи могли идеально простреливать местность, да и леса стояли далеко - в трех километрах от Дражно.

Еще до прихода немцев мой отец, председатель сельпо, член партии, успел уйти в лес вместе с председателем колхоза и майором Красной армии. И вовремя. Полицаи начали зверствовать: арестовали ветврача Шаплыко и расстреляли. Охотились и за моим отцом. Ему устроили засаду возле дома.

Всю нашу семью - меня, маму, трех братьев и сестру Катю почти голыми погнали в колхозное гумно. Отца пытали на наших глазах, били, заставили копать могилу. Но почему-то не расстреляли и через несколько дней отправили в концлагерь, - Николай Иванович старается говорить сухо, без эмоций. Но кажется, старик вот-вот сорвется.

- Так мы и жили: без отца, с ненавистью к оккупантам, ждали освобождения, - продолжает Николай Иванович.

И вот в январе 1943 года партизаны провели операцию по захвату полицейского гарнизона.

Сегодня ясно, что операция была спланирована бездарно, партизаны атаковали в лоб, почти всех их положили из пулемета. Сельчан заставили хоронить убитых. Помню, как мама переживала, плакала. Ведь партизан мы считали нашей надеждой…

Но через несколько месяцев эти «защитники» учинили невиданное зверство! - Старик на минуту остановился, окинул взглядом деревню, долго смотрел в сторону леса. - Выстрелы разбудили нас около четырех утра 14 апреля 1943 года.

Мама кричала: «Дзетко, гарым!» Голые выскочили на двор, смотрим: все хаты горят, стрельба, крики…

Мы побежали спасаться на огород, а мама вернулась в дом, хотела что-то вынести. Соломенная крыша хаты к тому времени уже пылала. Я лежал, не двигался, долго не возвращалась мама. Повернулся, а ее человек десять, даже женщины, колют штыками, кричат: «Получай, сволочь фашистская!» Видел, как ей перерезали горло. - Старик снова сделал паузу, его глаза были опустошены, казалось, Николай Иванович снова переживал те ужасные минуты. - Катя, сестра моя, вскочила, просила: «Не стреляйте!», достала комсомольский билет. До войны она была пионервожатой, убежденной коммунисткой. Билет и партийное удостоверение отца во время оккупации зашила в пальто и носила с собой. Но высокий партизан, в кожаных сапогах, обмундировании начал целиться в Катю. Я закричал: «Дзядзечка, не забевайце маю сястру!» Но раздался выстрел. Пальто сестры вмиг набрякло кровью. Она умерла на моих руках. Я навсегда запомнил лицо убийцы.

Помню, как я отползал. Смотрю, соседку Феклу Субцельную вместе с малюткой-дочкой три партизана живьем бросили в огонь. Свою кроху тетка Фекла держала на руках. Дальше, у дверей пылающей хаты, лежала старушка Гриневичиха, обгоревшая, в крови…

- Как же вы уцелели? - спрашиваю у почти рыдающего старика.

- Огородами мы с братьями доползли до дядьки. Дом его сожгли, а он чудом выжил. Выкопали землянку, в ней и жили.

Позже мы узнали, что ни одного полицая партизаны не застрелили. Дома, которые находились за их укреплениями, тоже уцелели. В деревню приехали гитлеровцы, оказали пострадавшим медицинскую помощь, кого-то отвезли в госпиталь, в Старые Дороги.

В 1944 году уже полицаи начали издеваться, отправили меня и еще нескольких подростков на работы в концлагерь города Униген, под Штутгард. Нас освободили американские военные.

После войны я узнал, что непосредственно сжигали и убивали дражненцев партизаны из отряда имени Кутузова, которым командовал Израиль Лапидус. Другие отряды из бригады Иванова «кутузовцев» прикрывали. Я нашел Лапидуса, когда мне было 18 лет. Он жил в Минске, в районе Комаровки, работал в обкоме партии. Лапидус спустил на меня собак… Знаю, что этот человек прожил неплохую жизнь, так и умер героем.

На дражненском кладбище похоронены убитые 14 апреля 1943 года жители. Некоторые семьи в то роковое утро партизаны уничтожили полностью. Ставить памятники на их могилах было некому. Многие захоронения почти сровнялись с землей и скоро вовсе исчезнут.

Не жалели даже семьи фронтовиков.

Сегодня Дражно - благополучная деревня, с хорошей дорогой, старенькими, но ухоженными домиками.

У деревенского продовольственного магазина мы встретились с другими живыми свидетелями партизанского преступления. До дома Евы Мефодьевны Сироты (сегодня бабушке идет 86-й год) партизаны не добрались.

- Деточки, не дай Бог кому-нибудь узнать ту войну, - хваталась за голову Ева Мефодьевна. - Мы выжили, а мою подругу Катю застрелили, хоть кричала: «Я своя!» Застрелили невестку и свекровь, их маленького мальчика бросили умирать. А ведь отец их семейства воевал на фронте.

- Люди хавались в ямах из-под картошки, так одну семью прямо там и расстреляли,

не пожалели, - с отчаянием говорил 80-летний Владимир Апанасевич. Дедушка не выдержал и разрыдался. - Меня судьба спасла, а ведь некоторых подростков партизаны специально отводили за полкилометра в поле и расстреливали. Недавно к нам приезжали из райисполкома, человек восемь. Спрашивали о сожжении Дражно партизанами, правда ли это. Больше молчали, покачивали головами. Так молча и уехали.

Александр Апанасевич, сын дедушки Владимира, показал паспорт убитой партизанами Валентины Шамко. На фотографии - девочка, милая, с наивным взглядом, беззащитная.

- Это моя тетя. Мама рассказывала, что ей стреляли в голову, - с недоумением в голосе рассказывает дядька Александр. - Мама хранила простреленную косынку Валентины, но сейчас найти ее я не могу.

Комбриг Иванов:

«…бой прошел очень удачно»

А комбриг Иванов в докладе начальству подвел итог боевой операции в Дражно так (из дела №42 фонда 4057 Национального архива РБ, целиком сохраняем авторский стиль):

«…бой прошел очень удачно. Свою задачу выполнили, гарнизон разгромлен полностью, за исключением 5 дзотов, из которых войти не удалось, остальная полиция уничтожена, убитыми и задохнувшимися от дыма насчитывается до 217 сволочей…»

За эту «операцию» многие партизаны были представлены к наградам.

Если бы дражненцы не рассказали о трагедии далеких дней Виктору Хурсику, о диком сожжении белорусской деревни партизанами никто никогда бы не узнал.

Виктор Хурсик: «Партизаны хотели выдать мирных жителей за полицаев»

- Спадар Виктор, некоторые люди пытаются оспорить содержание вашей книги…

- Видимо, это делать поздно. Мне известно, что, когда вышла книга, Министерство информации отправило ее на закрытую рецензию авторитетным специалистам. Ученые пришли к выводу, что факты, которые я привожу в книге, соответствуют реальности. Я предвидел такую реакцию. Свою позицию я считаю государственной, как и подход министерства. У меня была одна цель - поиск истины. К политике книга «Кровь и пепел Дражна» никакого отношения не имеет.

- Как вы узнали о сожжении деревни?

- Ко мне решились обратиться сами дражненцы. Сначала я не поверил, что партизаны могли сжечь деревню с мирными жителями. Проверял и перепроверял. Копался в архивах, не раз встречался с жителями Дражно. Когда я осознал глубину трагедии, то понял, что необходимо говорить не только о геройстве, но и о

преступлениях партизан, а они были. Иначе белорусская нация не состоится.

- В книге много документальных компроматов на партизан, откуда?

- В каждом отряде был чекист. Он старательно фиксировал все случаи нарушений дисциплины, доносил об этом вышестоящему начальству.

- Сжигали ли партизаны белорусские деревни повсеместно?

- Конечно, нет. Большинство партизан храбро сражались за свободу Родины. Но отдельные случаи преступлений против мирного населения были. И не только в Дражно. Такая же трагедия произошла в деревне Староселье Могилевской области, в других регионах. Сегодня необходимо ставить вопрос о том, чтобы государство установило памятники на местах трагедий.

- А какова судьба командира 2-й минской партизанской бригады Иванова?

- Он выходец из Ленинграда. Руководить бригадой 21-летнего Иванова направили из штаба партизанского движения. Из документов понятно, что из-за его неопытности погиб не один партизан. Тех, кто отказывался идти в глупые атаки, он лично расстреливал. Иванов, пожалуй, один из немногих партизанских комбригов, которому не присвоили звание Героя Советского Союза. По сведениям, полученным от бывших ответственных работников Пуховичского райкома КПБ, в 1975 году он покончил жизнь самоубийством.

- И все-таки в голове не укладывается, почему партизаны пошли на такое жуткое преступление?

- До 1943 года они практически не воевали, отсиживались в лесах. Полицаи и партизаны жили относительно мирно, только под давлением сверху случались стычки. Но в 1943 году Сталин начал требовать конкретных результатов. Взять полицейский гарнизон в Дражно Иванову не хватило таланта. Тогда командование бригады пошло преступным путем. Решили сжечь деревню, убить местных жителей и выдать их за полицаев.

«За отрядом Кутузова мародерских поступков очень много»

Виктор Хурсик включил в свою книгу свидетельства еще нескольких выживших жертв сожжения Дражно. Этих людей уже нет в живых.

Приводим отрывки из книги «Кровь и пепел Дражна».

Докладная записка начальника особого отдела НКВД Безуглова «О политико-моральном состоянии 2-й минской партизанской бригады»:

«…Возвращаясь обратно, заехали (партизаны. - Ред.) к Гуриновичу М., выдрали еще 7 семей пчел, сломали замок, влезли в хату, забрали все вещи, вплоть до чугуна, забрали также 4 овечки, 2 свиней и прочее.

Данным мародерским поступком возмущено все население и требует от командования защиты.

За отрядом Кутузова мародерских поступков очень много, поэтому требуется по данному вопросу принять меры в самом жестком порядке…»

Свидетельство очевидца

Рассказ свидетельницы сожжения Дражно Екатерины Гинтовт (жены Героя

Советского Союза):

«В шестидесятых назначили нам нового начальника. Был он спокойный такой. Может, на второй или третий день его прихода между нами случился разговор.

- Где были в войну? - спросила я.
- На фронте и в партизанах.

- А где в партизанах? У нас же во время войны они убили многих, сожгли полдеревни.
Были в Стародорожском районе, в Дражно…
Я рассказала, что в Дражно у меня застрелили подругу, сожгли и убили других жителей.
Как я ему это сказала, смотрю - человеку на глазах стало плохо.
- Пойду в больницу, - сказал.

Через несколько дней начальник умер».

на фото: Николай Петровский показал место, где расстреляли людей.

Паспорт убитой Валентины Шамко.

Виктор Хурсик возмущен памятником красноармейцам, которые в Дражно не воевали. А партизан здесь погибло в разы больше, чем указано на надгробной плите.

90% карателей присылали в Беларусь из России

По материалам «КП в Беларусі»
Впервые в Беларуси названы имена палачей, проводивших репрессии.

Семьдесят лет назад, 19 августа 1937 года, чекисты впервые расстреляли в Минске за одну ночь более 10 человек. С этого дня и до ноября 1938-го в подвалах минского НКВД было убито более 10 тысяч белорусов… Писатель и исследователь Леонид Моряков уже 10 лет по крупицам собирает данные о зверствах того времени, издал уже 9 томов энциклопедического справочника. К 70-й годовщине пика репрессий он выпустил книгу «Ахвяры і карнікі», где поименно указал не только невинно убиенных людей, но и палачей, чьими руками были уничтожены лучшие люди нашей страны.

Поэт Тодор Кляшторны до пыток.

Энкавэдэшники расстреляли более 50 тысяч белорусов

- Спадар Леонид, вы можете назвать точное число расстрелянных во время сталинских репрессий белорусов?

- В пик репрессий (август 1937 - ноябрь 1938) только в минском НКВД было расстреляно более 10 тысяч человек. Это время я называю «кровавый туннель смерти». Случались дни, когда расстреливали по 200 - 250 человек. Особенно чекисты любили праздники - День Октябрьской революции, день рождения Ленина, оба Рождества, Новый год… Убивали прямо в подвалах минской внутренней тюрьмы НКВД, так называемой «американке». Сохранились они в Минске и сегодня. Говорят, что под землей там столько же этажей, сколько и на поверхности… Если же вспоминать о всех сталинских репрессиях, то расстреляли более 50-ти тысяч белорусов, сослали около 700 тысяч.

- Давайте обозначим точнее период сталинских репрессий.

- Как только в 1920 году из Беларуси ушли поляки, большевики начали аресты и расстрелы. Поводов для ареста было предостаточно: за то, что ты шляхтич, дворянин; за то, что у тебя высшее образование… Под угрозой был любой мыслящий человек. Бывший министр внутренних дел БССР Наседкин уже в камере смертников признался советскому разведчику Быстролетову, что был приказ выявлять и расстреливать только «людей думающих». Другие не интересовали. Поэт Сергей Граховский вспоминал, что, когда арестовывали, то предлагали такую сделку: сдай пять «мыслящих», и свободен! Ведь мыслящий человек опасен для власти! Поэтому когда меня спрашивают о количестве репрессированных белорусов, я отвечаю, что репрессированы были все мы. Одного расстреляли, второго загнали на каторгу, женщин приговаривали как «жен изменников родины», у кого-то забрали родственника. А сосед, который видел эту картину, тоже жертва, ведь находясь в постоянном страхе, он прожил меньше, чем

должен был. Закончились расстрелы со смертью Сталина, в 1953 году.

- Людей каких профессий репрессировали в первую очередь?

- В первую – расправились с литераторами. За одну ночь с 29 на 30 октября 1937 года в минском НКВД расстреляли 22 белорусских писателя, в том числе и моего дядю Валерия Морякова… Потом взялись за учителей (расстреляно 4000 человек), врачей (более тысячи), было репрессировано более 2000 православных и католических священников. Методично уничтожали интеллигенцию, вырезали национальную элиту. И даже сейчас, через два поколения, мы не восстановили тот интеллектуальный потенциал нации.

«Через год после расстрела моего дяди у бабушки взяли передачу в тюрьму…»

- Почему вас так заинтересовала эта тема?

- Только в середине 90-х я узнал, что мой дядя был убит энкавэдистами. Его расстреляли 29 октября 1937 года. Никто из родных тогда об этом не знал. Через год бабушка собрала последние деньги, купила муки, напекла блинов, одолжила у соседки кусочек масла и передала для сына. И эти выродки брали передачи, хотя человек уже год, как лежал в могиле. Когда я узнал все это, понял, что раскрыть правду - мой долг.

Поэт Тодор Кляшторны после пыток. Расстрелян 29 октября 1937 года. Ему было всего 34…

- Я, прочитав лишь несколько страниц, долго не мог прийти в себя. А как вам - носить в себе всю эту человеческую боль?

- Нелегко. Сейчас даже в больницу слег… Больно читать, как человек, которого пришли забирать из камеры на расстрел, даже полуживой, цеплялся за нары так, что его не могли вытянуть из камеры три-четыре тюремщика… Исследуя репрессии уже не первый год, я все равно не могу относиться к этому спокойно. Вы можете представить, как пытали президента Академии наук БССР Ивана Сурту, если у него вываливались кишки, когда его волокли на расстрел 20 декабря 1937 года. Языковеда Бронислав Тарашкевич после многодневных пыток уже не мог говорить, только трясся. Представьте, Тарашкевича заставили подписать документы на 24930 человек, что они враги народа…

- Тогда, наверное, на многих вешали такое клеймо?..

- Никто не был застрахован. Поэт Граховский рассказывал, как в 30-х годах раз двадцать ходил в кино на один и тот же фильм, был безумно влюблен в главную героиню. Через много лет, в концлагере, он возвращался с работ мимо помойки. И увидел получеловека непонятного пола с лысой головой, огромным животом, распухшим лицом. Ночью ему сосед по нарам сказал, что это и есть та самая актриса.

Сергей Иванович не мог спать много дней, а на свободе вспоминал этот страшный эпизод до конца жизни…

«Чтобы знали, за чей счет прошло их счастливое детство…»

Один из главных палачей Борис Берман (справа на фото). За год по его приказу репрессировали 80 тысяч человек.

- В своей книге «Ахвяры и карнікі» вы указали поименно многих палачей - следователей, оперуполномоченных, которые непосредственно пытали, избивали до смерти людей…

- Действительно, за годы работы собралось много сведений не только о жертвах репрессий, но и о нелюдях, которые издевались над невинными. Эти данные и сейчас засекречены, поэтому любая деталь давалась с трудом.

- А пытали и расстреливали свои же, белорусы?

- Нет, 90% следователей прислали из России. Как и судьи - так называемые «двойки», «тройки». Люди приезжали на несколько дней, зачитывали сотню-другую смертельных приговоров и уезжали. Суд обычно длился 10 - 12 минут.

- И какие были самые распространенные обвинения?

- «Антисоветская агитация и пропаганда». Под это можно было подвести все что угодно. Один художник, рисуя плакат, пропустил в слове «Сталинград» букву «р». Получилось «Сталин гад». Его расстреляли.

- Кто-то из палачей еще остался в живых?

- Дело в том, что многих из тех, кто расстреливал в 37-ом, расстреляли в 38-ом. А их палачей, в свою очередь, расстреляли в 39-ом. Следы заметались.

- А потомки следователей вам претензий не предъявляли? Ведь «сын за отца не в ответе»…

- Один знакомый даже предложил мне снять копии страниц книги, где указаны палачи. Он хочет разыскать их сыновей, внуков и просто опустить эти листки в почтовые ящики. Чтобы знали, за чей счет прошло их счастливое золотое детство. А то получается - прошло 70 лет после этих пыток и убийств, а фамилий нет. Я хотел показать, что фамилии есть. Что правда все равно всплывает.

- В книге значится фамилия Климкович, без имени и отчества. Это бросает тень на всех людей с такой фамилией… Автора гимна Беларуси тоже звали Михась Климкович.

- Я привел данные так, как их удалось узнать. Это не родственник автора гимна. Если указана только фамилия, и со мной вдруг кто-то начнет судиться… Это называется - «на воре и шапка горит»… Это будет означать, что я попал в цель.

Что вспоминают выжившие

В разделе «Яны забівалі нашых продкаў» собраны имена и фотографии палачей. А также воспоминания о том, как именно издевались над арестованными следователи. Приводим лишь некоторые отрывки.

«Следователь Вихорев в период сентября - декабря 1937 года при допросах

арестованных Потовича и Чикилевского избивал их, сажал на ножку перевернутой табуретки…»

«В ноябре 1937 меня в час ночи привели на допрос и началась расправа. Я был связан в смирительной рубашке и избит до потери сознания. В 2 часа ночи мне предложили спустить штаны… Я не согласился, но после жестокого избиения спустил, и один из следователей достал нож и приказал положить половой орган на табуретку, но я этого не сделал. Тогда они схватили меня за половой орган и начали таскать по комнате до потери сознания».

«1 января 1938 года меня вызвали ночью, поставили на колени и один из следователей начал мочиться мне в ухо».

«Следователь Массарский принимал участие в избиении арестованных, таскал их за бороду, надевал противогаз, бил галошей, руками и заставлял лаять, рекомендуя применять эти методы другим следователям».

«Морев стал применять ко мне, как он выражался, «секретный прием - мозги в потолок». Он заключается в том, что на шею набрасывается ремень и сильным ударом производится сотрясение головного мозга и мозжечка. Вся голова буквально горит. После второго-третьего удара падаешь на пол в почти бессознательном состоянии. Поднимал меня с пола Морев ударами сапог в живот и ребра и обливанием водой».

«Хуже всего было, когда Морев стал буквально часами рвать у меня волосы на голове и бороде и потом колоть эти места булавками. От этого на лице, голове и шее образовались кровяные нарывы, из которых постоянно сочился гной с кровью. Я и теперь не понимаю, как от этих невыносимых пыток я не сошел с ума».

«Следователь Апрянич был прислан из Червеня… Он шесть суток день и ночь избивал меня и всевозможные пытки ко мне применял, а именно: бессчетные приседания, стойка, сажание на ножку стула, перевешивание через стул и биение резиной по мускулам ног, биение по пяткам, защемление пальцев в дверь, частое биение по связкам шеи, биение прессом по голове, и когда падаешь на пол, так бьет до потери сознания каблуком в бока…».

Здание КГБ (с башенкой) было построено в Минске в 1947 году. Оно закрыло тюрьму-»американку», где расстреляли более 10 тысяч белорусов. Фото 1948 года.

Запланаваны галадамор

У 1932—1933 гадах савецкая ўлада з палітычнымі мэтамі арганізавала ва Ўкраіне масавы голад, які, паводле розных падлікаў, забраў жыцці 10 мільёнаў чалавек. У выніку мэтанакіраванай палітыкі канфіскацыі прадуктаў харчавання, мільёны людзей гэтай рэспублікі былі вырачаныя на галодную смерць.

Рашэнні прымаліся на самым высокім ўзроўні.

«Директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян. 22 января 1933 года.

Ростов-Дон, Харьков, Воронеж, Смоленск, Минск, Сталинград, Самара.

До ЦК ВКП и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, Московскую обл., Западную обл., Белоруссию. ЦК ВКП и Совнарком СССР не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации «через крестьян» в Северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти. В прошлом году партийные, советские и чекистские органы Украины прозевали эту контрреволюционную затею врагов Советской власти. В этом году не может быть допущено повторение прошлогодней ошибки.

Первое. ЦК ВКП и Совнарком СССР предписывают крайкому, крайисполкому и ПП ОГПУ Северного Кавказа не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в пределы края из Украины.

Второе. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ЦК КП(б)У, Укрсовнаркому, Балицкому и Реденсу не допускать массовый выезд крестьян из Украины в другие края и въезд на Украину из Северного Кавказа.

Третье. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ПП ОГПУ Московской обл., ЦЧО, Западной обл., Белоруссии, Нижней Волги и Средней Волги арестовывать пробравшихся на север «крестьян» Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства.

Четвертое. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ТО ГПУ Прохорову дать соответствующее распоряжение по системе ТО ГПУ.

Предсовнаркома СССР В.М. Молотов

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин».

Сталін аддаваў дырэктывы і распараджэнні заблакіраваць Украіну і Кубань, для таго, каб людзі не змаглі з’ехаць са сваіх месцаў жыхарства. Былі заблакіраваныя чыгунка, рачны транспарт, усе дарогі. Насельніцтва мястэчак і вёсак ўтрымлівалася ў месцах кампактнага пражывання і сотнямі тысячаў паміралa ад голада.

Адмыслова створаныя “буксірныя брыгады” хадзілі па хатах з вобыскамі, праводзілі канфіскацыю хлеба, зерня, адымалі ўсё да драбінак. Такімі былі дырэктывы Крамля.

СРОЧНО - СЕКРЕТНО

ПОЧТО-ТЕЛЕГРАММА

НАЧ.РАЙ ГОРОТДЕЛЕНИЙ И РАЙУПОЛНОМОЧЕННЫМ ГПУ КРЫМА

Решением директивных органов всем совхозам запрещена торговля и продажа мяса и масла по коммерческим и некоммерческим ценам. Вся товарная продукция

подлежит сдаче/продаже госзаготовительным организациям. ПРЕДЛАГАЮ проследить на местах за исполнением этого решения. Всякие попытки к нарушению этого решения пресекайте немедленно через соответствующие партийные и Советские организации, одновременно направляйте нам материалы для дачи санкции о привлечении виновных к ответственности.

Зам. ПП СГПУ по Крыму /Чарский/
Нач. ЭКО ПП /Ивановский/
16 октября 1932 года
№ 45927/5
г. Симферополь

У гарадах СССР мала хто здагадваўся пра маштабы таго, што адбывалася ва Ўкраіне. Дакументы, якія зараз захоўваюцца ў архіве ФСБ – лісты галадалых сялянаў да сваякоў у Чырвонай Арміі не даходзілі да адрасатаў. Іх аператыўна перахоплівала цэнзура, каб інфармацыя не распаўсюдзілася па ўсёй краіне. Вось некаторыя з лістоў.

Ліст з станіцы Нова-Дзеравянкаўская, Паўночна-Каўказскій край у горад Шахты чырвонаармейцу Юрчанку: “...Людей много мрет у нас с голоду, суток по 5 лежат, хоронить некому, люди голодные, ямы не выкапывают, очень мерзлая земля, хоронят в сараях и в садах. Люди страшные, лица ужасные, глаза маленькие, а перед смертью опухоль спадает, становится желтой, заберется к кому-либо в дом и ложится умирать. Молодые девчата ходят просят кусочек кабака или огурца. Не знаем, что будет с нами, голодная смерть ждет...”

Ліст у Стаўрапаль ад бацькоў: “... Очень много мрут людей, в каждой хате по двое и трое мертвых лежат, и никто не хочет ховать, мрут от голода, хлеба нет, а так бураки, тыквы — все уже поели, дальше людям жить нечем...”

Беларускі гісторык І. Кузняцоў згодны з тым, што голад ва Ўкраіне быў праявай генацыду: “Так, бо была магчымасьць выратаваць гэтых людзей ад голаду. Трэба было спыніць вываз харчоў за мяжу і аддаць іх у раёны Ўкраіны і Расеі, якія галадалі. То бок, выратаваць жыцці людзей. Але для ўлады гэтыя жыцці нічога не каштавалі”.

Ігар Кузняцоў кажа: падобная палітыка, калі сялянаў абкладалі непамерным харчовым падаткам, праводзілася і ў Беларусі — і таксама прывяла да шматлікіх ахвяраў. Многія беларускія сяляне, нават калі ім удавалася пазьбегнуць смерці ад голаду, збяднелі ажно да жабрацтва.”

Дакументы, сведчанні

Хорошо помню, как в те годы выполняли план хлебозаготовок. С осени по всем дворам ходила, как тогда называли, «буксирная бригада» - 15-20 человек – с щупами: искали, нет ли где спрятанного хлеба. Если находили, забирали все до крошки.

Крестьянин Баланкин Никифор имел четырех детей, занимался тем, что чинил сапоги и клеил калоши. Семья голодала, потому что все забрала «буксирная бригада». Питались тем, кто что даст. Кто приносил за работу стакан крупы – тогда варили похлебку. Настал момент, когда в доме совсем не было никакой еды, и дети сильно плакали. Когда они голодные уснули, Никифор всем четырем детям и жене перерезал горло, а сам повесился в сенях. Не мог крестьянин пережить такого трудного времени. А был мужик не ленивый, трудолюбивый. Когда «буксирная бригада» пришла к ним, на стук никто не ответил…

Н.И.Цуркан. Николаевская область

По соседству с нами жила семья Скороходов. Отец – Скороход Александр, вернулся с гражданской войны слепым на оба глаза. Был у него надел земли – 8 десятин, пара лошадей… Помню, подъехали к скороходам три подводы с красным флагом на первой подводе. На флаге было написано: «Ликвидируем кулаков, как класс». В течение трех часов все из хаты было вынесено на подводы: постельные принадлежности, одежда, обувь, конфискованы поросенок, корова, лошади, зерно в мешках. А слепого Скорохода Александра вынесли в ряднюшке и сильно бросили об дорогу. Затем вышла хозяйка, она вела за руку сына Федю, в другой руке несла маленький узелок. Подняла мужа, отряхнула с него пыль, сын взял его под руку и пошли на железнодорожную станцию.

А к моему отцу приходили в ночное время много раз, угрожая, что он якобы занесен в списки кулаков и завтра приедут раскулачивать. Но все те активисты очень любили водку. Отец из последнего тянулся, чтобы угостить их, и, представьте себе, уцелел.

И.П. Паламарчук, Добровеличковский район, Кировоградская область.

Закон от 7 августа 1932 года гласил: «Расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» за хищения урожая на полях, общественных запасов, скота и т.д.

В народе это постановление прозвали «законом о пяти колосках». Ровно столько их требовалось суду, чтобы приговорить мать или отца к … «вышке». Но руки у судей не всегда поднимались, чтобы за горсть зерна посылать на расстрел кормильцев. Нервы же у наркома юстиции Крыленко были крепкие: голодной детской слезой его не прошибешь. Он и потребовал карать беспощадно «расхитителей социалистической собственности».

Машина со скрипом, но заработала. 55 тысяч человек осудили за колоски. Из них к высшей мере наказания – две тысячи сто.

Голод 33-го года был устроен искусственно, чтобы сделать людей покорными, сломить их волю. Во время войны я встречал солдат, которые в 1932 году осенью работали портовыми грузчиками и рассказывали, что им приходилось тогда грузить зерно на корабли для отправки за границу. И с другой стороны, зачем забирали у людей фасоль, свеклу и даже жмых? Не в план же хлебозаготовок? Только для создания голода. И эффекта добились. Кто остался в живых, готов был на все, только б не оказаться снова в том же положении. Вот почему потом все пели хвалу «мудрому и любимому вождю». Голод заставил людей молиться на Сталина. Голод страшнее войны.

М.А. Глушич, Черкасская область.

ОФИЦИАЛЬНАЯ СПРАВКА

В 1933 году в Западную Европу вывезли около 10 миллионов центнеров зерна. За год до этого 18,1 миллиона центнеров.

Соседский мальчик Петя помер на улицу. Ел траву и так с травой во рту и помер. Семья его вымерла раньше. Как-то на улице подохла лошадь. Люди набросились, начали рвать ее, отталкивая друг друга. Меня тоже оттолкнули взрослые, а матери удалось взять немного кишок.

Отец пухлым поехал в г. Макеевку к материному брату, но тот не мог ему помочь. И

он там где-то помер. Дядя потом рассказывал, что хотел найти труп отца, но там были штабеля голых трупов и он не смог опознать. Где могила отца никто из семьи так и не знает.

М.А. Глушич, Черкасская область.

Продовольственное положение по районам Харьковской области, и до того довольно тяжелое, за последнее время резко ухудшилось. В результате этого мы имеем значительное усиление наплыва в город Харьков бездомного, беспризорного и нищенствующего элемента.

Наряду с этим резко увеличилось количество обнаруживаемых и подбираемых на улицах г. Харькова трупов умерших на почве голода селян.

Если за февраль было подобрано таких трупов — 431, за март 689, за апрель 477, то май дает за первую декаду — 182 трупа; за вторую — 300 трупов, за третью — 510 трупов.

Итого: 992 трупа

и первые 3 дня июня дают 196 трупов.

Із повідомлення інформаційного сектору оргінструкторського відділу ЦК КП(б)У про факти голоду і недоїдання по окремих областях України

1 квітня 1933 р.

Тихий протяжный стон стоял над селом, живые скелетики, дети ползали по полу, чуть слышно скулили; мужики с налитыми водой ногами бродили по дворам, обессиленные голодной одышкой. Женщины выискивали варево для еды – все было съедено, сварено – крапива, желуди, липовый лист, валявшиеся за хатами копыта, кости, рога, невыделанные овчинные шкуры...

Голод, смерть деревенских знакомых, сошедшие с ума старухи... А ребята ,приехавшие из города, ходили по дворам, мимо мертвых и полумертвых, открывали подвалы, копали ямы в сараях, тыкали железными палками в землю, искали, выколачивали кулацкое зерно.

В. Гроссман.

Касьянов Григорий Петрович был хорошим портным. За пошив заработал шесть пудов ржи. Под нажимом комсода сдал это зерно государству , но его все равно не помиловали, посадили в тюрьму, где он и умер. Остались жена с тремя детьми, самому младшему было полтора месяца. У них также из печки вынули чугунок с тушеной капустой и содержимое выбросили на пол. Когда мать со слезами стала просить не выбрасывать эту еду, то член комсода, местная жительница по фамилии Кондратьева, заставляла детей и мать слизывать капусту языком прямо с пола. Зимой мать с грудным ребенком умерли с голоду, а двух старших мальчиков спасли родственники.

Е. Назарова, Верхнедонской район, Ростовская область.

Мы жили уже в Одессе, на улице Свердлова, 17... Осенью в городе появились первые голодающие. Они неслышно садились семьями вокруг теплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев – беспризорников и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые, у стариков, женщин, грудных детей. Никто не плакал... Сидели неподвижно, обреченно, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их место занимали другие... С середины зимы голодающих стало прибавляться. Теперь

шли не семьями, а толпами, с черными высохшими лицами, и детей с ними уже не было. Они лежали в подъездах, парадных, на лестницах, прямо на улицах, и глаза у них были открыты.

М. Симашко

«Относительно политического положения необходимо сказать, что в Украине царит ужасный голод, вымирают села и уезды, особенно страшная смертность среди детей. Цель этой нечеловеческой акции — окончательно сломать украинскую нацию в расчете на то, что погибнут сотни тысяч, миллионы людей, а остальные — рассеются по бескрайним просторам России...»

Письмо сотрудников Всеукраинской академии наук М.С. Грушевскому (который тогда, в 1933 году, жил в Москве), перехваченное цензурой.

В 1931 году еще были случаи утайки зерна, которое находили при обыске, обычно 100 фунтов, иногда 200. Но уже в 1932 году такого не было ни разу. Большее, что могли найти,— это 10—20 фунтов, отложенных для кур. Но даже этот “излишек” отбирался...

Документы из архивов ФСБ о жертвах голодомора 1930-х годов в СССР

Письмо из станицы Ново-Деревянковская, Северо-Кавказский край в город Шахты красноармейцу Юрченко. Пишут родители.

«...Людей много мрет у нас с голоду, суток по 5 лежат, хоронить некому, люди голодные, ямы не выкапывают, очень мерзлая земля, хоронят в сараях и в садах. Люди страшные, лица ужасные, глаза маленькие, а перед смертью опухоль спадает, становится желтой, заберется к кому-либо в дом и ложится умирать. Молодые девчата ходят просят кусочек кабака или огурца. Не знаем, что будет с нами, голодная смерть ждет...»

Письмо в Ставрополь Г.Г. Тумиленко из СКК от родителей.

«... Очень много мрут людей, в каждой хате по двое и трое мертвых лежат, и никто не хочет ховать, мрут от голода, хлеба нет, а так бураки, тыквы — все уже поели, дальше людям жить нечем...»

Письмо красноармейцу Берцюку из Ново-Александровской от жены.

«...Хлеба мне из колхоза не дают. Сижу не евши. Вот как-то пошла на станцию, принесла себе ячменных озадков и пеку с них лепешки, но они горькие, как хина. Стану их давать Тоне, а она кричит, бросает их на пол: «Ты мне, мама, хлеба дай!» - у меня сердце разрывается, лучше бы она умерла, чем так мучиться, да и мне лучше отравиться, чем так жить...»

Письмо в артполк в Ростове-на-Дону, Запорожцу из станицы Крыловская (СКК) от сестры.

«...У нас в станице сейчас такой ужас, что даже страшно писать, такой идет грабеж, прямо опасно. Люди ходят голодные, когда забираются в хату, не выпроводишь, пока не дашь поесть, а если не дашь, то и до горла доходит. У нас сейчас столько людей от голода пухлых и больных, просто страшно смотреть. Люди у нас такие голодные, что даже едят дохлую конину. У нас в Крамваря штаб, так, когда лошадь сдохнет, так люди набегают за дохлой кониной».

Письмо в станицу Староминская (СКК), Л.И. Костенко из Ростова-на-Дону от дочери.

«...Мы, наверное, скоро опухнем от голода. У нас новости такие, что уже людей едят. 18-го числа утром я пошла за хлебом, смотрю, а люди бегут на Николаевский переулок, там обнаружили руки и ноги осмоленные. Привели туда собак-ищеек и разогнали народ, и я, конечно, последствия не знаю, а только вот вчера на базаре

забрали женщину с колбасами, которые начинены людским мясом, это я сама видела, красивые, желтые на вид, а на вкус не знаю...»

Письмо в Ростов-на-Дону, в 9-й артполк Н.И. Карпенко из Армавира от друга.

«...В Армавире поймали 13 человек, которые резали людей и торговали мясом. Публика эта - кулаки, когда их спросили, что их заставило это делать, то они ответили: «Затем, чтобы создать в народе недовольство на Советскую власть, чтобы доказать, что в стране действительно голод». Понял? Вот что бывает».

- До конца 80-х годов прошлого века масштабы голода были просто неизвестны, - говорит доцент Стокгольмской школы экономики Леннарт Самуэльсон, изучающий проблемы голода 30-х годов в СССР. - Были лишь отрывочные сведения от людей из украинской диаспоры в США и в Канаде. А когда начали открывать документы, стало ясно, что голод был действительно не только на Украине, но и во многих других регионах страны. Я знаю, что Украина хочет добиться признания голодомора геноцидом, даже в ООН представители страны выступили с такими предложениями. Но они расширяют само понятие «геноцид», включая такие определения, которых в конвенции ООН нет.

«Массовый выезд крестьян за хлебом организован врагами советской власти»

Одной из задач властей было недопущение обмена информацией. Голодающие районы оказались отрезаны от внешнего мира. Письма не доходили, люди не могли выехать за пределы краев. Решения же принимались на самом высоком уровне.

«Директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян. 22 января 1933 года.

Ростов-Дон, Харьков, Воронеж, Смоленск, Минск, Сталинград, Самара.

До ЦК ВКП и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, Московскую обл., Западную обл., Белоруссию. ЦК ВКП и Совнарком СССР не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации «через крестьян» в Северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти. В прошлом году партийные, советские и чекистские органы Украины прозевали эту контрреволюционную затею врагов Советской власти. В этом году не может быть допущено повторение прошлогодней ошибки.

Первое. ЦК ВКП и Совнарком СССР предписывают крайкому, крайисполкому и ПП ОГПУ Северного Кавказа не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в пределы края из Украины.

Второе. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ЦК КП(б)У, Укрсовнаркому, Балицкому и Реденсу не допускать массовый выезд крестьян из Украины в другие края и въезд на Украину из Северного Кавказа.

Третье. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ПП ОГПУ Московской обл., ЦЧО, Западной обл., Белоруссии, Нижней Волги и Средней Волги арестовывать пробравшихся на север «крестьян» Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства.

Четвертое. ЦК ВКП и Совнарком предписывают ТО ГПУ Прохорову дать соответствующее распоряжение по системе ТО ГПУ.

Предсовнаркома СССР В.М. Молотов

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин».

Еще один документ. Из Постановления Политбюро ЦК КП(б)У по реализации директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января.

«23 января 1933 года

...Предложить уполнаркомпути (т. Лаврищеву) и ЮЖОКТО ГПУ немедленно дать указания всем железнодорожным станциям о прекращении продажи билетов за пределы Украины крестьянам, не имеющим удостоверения РИКов о праве выезда или промышленных и строительных организаций о том, что они завербованы на те или другие работы за пределами Украины.

Секретарь ЦК КП(б)У М. Хатаевич».

- Меры по борьбе с миграцией внутри страны были очень серьезными - везде стояли заградительные кордоны. Но особенно жесткими эти меры были на Украине, - говорит завкафедрой отечественной истории Пензенского государственного педуниверситета, доктор исторических наук, профессор Виктор Кондрашин. - При этом, конечно, в стране догадывались о том, что творится в деревнях. Ведь кордоны начали ставить уже после начала массовой миграции. Так что информация о голоде успела распространиться. Что касается голода в других регионах, то могу сказать, что Поволжье и Казахстан пострадали не меньше Украины. На Украине в результате голода погибло около трех миллионов человек, в Казахстане - около двух миллионов. Правда, по Казахстану очень мало документов. Зато очень много сведений есть по ситуации в Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке.

«Сталин не хотел убивать колхозников. Он хотел их наказать»

Спецсводка СПО ПП ОГПУ по НВК (Нижне-Волжскому краю) о продовольственных затруднениях в крае по данным на 20 марта 1933 года.

«28 марта 1933 года.

Продовольственные затруднения продолжают захватывать новые районы и колхозы: на 10 марта... было учтено 110 колхозов в 33 районах, испытывающих продзатруднения семей - 822.

...В большинстве употребляются в пищу различные суррогаты (примесь в муку и хлебные отходы мякины, лебеды, тыквенной и картофельной кожуры, просяной шелухи, толченых корней растений «чакан», употребление в пищу одних суррогатов без примеси муки, питание исключительно капустой, тыквой, другими овощами), а также употребляется мясо павших животных и, в отдельных случаях, людоедство.

ПП ОГПУ по НВК Рудь

Нас. СПО ПП Якубовский».

Спецсообщение СПО ОГПУ о продзатруднениях в ДВК и Уральской области

3 апреля 1933 года.

«Троицкий район Уралобласти. В колхозе им. Сталина Михайловского сельсовета трупы павшего от сапа скота, залитые карболовым раствором, колхозниками нацменами и русскими растаскиваются со скотомогильника и употребляются в пищу.

На почве продзатруднений среди колхозников отмечаются резкие отрицательные настроения: «Разве я думала, летом работала до упаду, ободранная, голая, босая, чтобы теперь сидеть без хлеба и с голоду пухнуть, ведь у меня их семь человек и все сидят и кричат: «Дай хлеба!», - а как это матери перенести? Пойду лягу под трактор, не могу я переносить эти страдания» (ДВК).

Нач. СПО ОГПУ г. Молчанов. Пом. нач. СПО ОГПУ Люшков».

Из воспоминаний жительницы поселка Ртищево Саратовской области Филипповой Ксении Васильевны:

«Что самое страшное-то было в жизни? Это когда голод был. Люди падали, как инкубаторские циплаки. Мы однажды с отцом купили на базаре холодец, а он, когда дома решили поесть, оказался из человечьего мяса, ноготь от пальца нашли в нем. Моя бабушка почти весь голодный год пролежала без движения. Каждый день ждали,

что вот-вот отойдет. А когда зернеца дали понемногу, принесли ей махонький ломтик плюшки: «Вот, бабуля, встанешь теперь». А она этот ломтик взяла, прижала к губам и отвернулась. Поначалу мы и не поняли, а как повернули голову-то, а бабушка мертвая. Только на щеке слезу видно было. Дождалась, значит, хлебушка».

Читая документы и донесения с мест, задаешься единственным вопросом: можно ли было избежать катастрофы или ситуация объективно была настолько сложной, что голодные смерти были неминуемы? Историки уверены, что катастрофа была создана искусственно.

- Не было никакого страшного неурожая! Он был просто чуть хуже, чем в другие годы, - говорит Виктор Кондрашин. - А даже если бы и был... все равно никто не должен был умереть. Я приведу лишь несколько цифр. В 1933 году за границу было вывезено 18 миллионов центнеров зерна. Этим зерном можно было прокормить, если даже не экономить, 6,9 миллиона человек. Как раз столько, сколько погибло в результате голода. А ведь был еще неприкосновенный запас - 18,2 миллиона центнера. Но его никто не тронул. Избежать трагедии можно было, отказавшись от хлебного экспорта. Но дело было в политике. Отказаться от экспорта - значит признать провал коллективизации...

Наступны год ва Ўкраіне аб'яўлены годам памяці ахвяраў галадамору. В.Юшчанка заклікае заняцца дэмантажом помнікаў Леніну па ўсёй краіне. Акрамя таго прэзідэнт Украіны, грамадскасць звяртаецца да ААН прызнаць галадамор генацыдам украінскага народа.

Дівчинка - жертва голоду.
Харків, 1933 р.

На фотаздымках: дзеці падчас голаду ва Ўкраіне

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Преступления коммунистического режима. Документальные свидетельства.

Цитаты из высказываний коммунистических лидеров...

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».

Мартын Лацис, нач. отд. ВЧК по борьбе с контрреволюцией

«Революционная власть пролетариата есть власть завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами».

В.И.Ленин

«Нет человека – нет проблемы»

И.В.Сталин

«Для нас нет и не может быть старых устоев «морали» и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех.

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет Революции серо-бело-черный штандарт старого разбойничьего мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов!..»

«Красный меч», газета Киевской ЧК, 1919 г.

«Лучшее место для желтых забастовщиков, этих вреднейших паразитов – концентрационный лагерь».

«Правда» 12 февраля 1920 г.

«Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Владимир Ленин, председатель СНК

«Ты, коммунист, имеешь право убить какого угодно провокатора и саботажника, если он в бою мешает тебе пройти по трупам к победе».

«Народная Власть», 1919 г. 24 января

«Для расстрела нам не нужно ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным расстреливать и расстреливаем. Вот и все».

Гольдин, уполномоченный ВЧК в Кунгурской ЧК

«Чрезвычайная Комиссия — краса и гордость коммунистической партии».
Григорий Зиновьев, член политбюро ЦК ВКП(б)

Секретно. Циркулярно. Председателям ЧК, ВЧК - по особым отделам.

Ввиду отмены смертной казни предлагаем всех лиц, кои по числящимся разным преступлениям подлежат высшим мерам наказания — отправлять в полосу военных действий, как место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется .
N 325/16.756, 15 апреля 1920 года.
Генрих Ягода, упр. ОСО ВЧК
Приказ оперштаба Тамбовской ЧК. 1-го сентября 1920 г.
Провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их.
5-го сентября сожжено 5 сел; 7-го сентября расстреляно более 250 крестьян.

«Известия Тамбовского Совета»

Из решения Политбюро ЦК ВКП(б) N 144 от 5.03.40 г.

Дела об арестованных 14.700 и 11.000 поляков - рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения.
Иосиф Сталин, секретарь ЦК

«Внесудебные расстрелы исполнялись во дворе любого учреждения ВЧК/ГПУ/ОГПУ. Расстреливаемых выводили из подвала ночью, ослепляли фарами грузовиков и открывали по ним огонь. Шум заведенных моторов заглушал выстрелы. С конца 20-х гг. монополия расстрелов принадлежит только ОГПУ, а с 1934 г. - НКВД СССР (НКГБ/МГБ/МВД/КГБ)».
Жак Росси, историк, составитель «Справочника по ГУЛАГу»

«При коммунизме индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Уход за детьми и их воспитанием станет общественным делом».
Фридрих Энгельс

«Законы, мораль, религия, всё это не более чем буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы».
Карл Маркс

«Вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии. Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской судебной волокиты».
Владимир Ленин, председатель СНК

«Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», - писал Дзержинский, создавая беспощадную и кровавую систему подавления политических противников, в т. ч. с использованием таких методов, как казни заложников, массовый террор по классовому принципу, создание атмосферы всеобщего страха перед ЧК.

Зледеяния коммунистов. Свидетельства очевидцев...

«По словам брата, присутствовавшего при казни, злодеяние было выполнено таким образом: часу в третьем ночи всех заключенных в доме лиц разбудили и попросили сойти вниз. Здесь им сообщили, что скоро в Екатеринбург придет враг, и что поэтому они должны быть убиты.

Вслед за этими словами последовали залпы, и Государь и Наследник были убиты сразу, все же остальные были только ранены, и поэтому их пришлось пристреливать, прикалывать штыками, добивать прикладами. Особенно много возни было с фрейлиной; она все бегала и защищалась подушками, на теле ее оказалось 32 раны. Княжна Анастасия притворилась мертвой и ее тоже добили штыками и прикладами».

Капитолина Агафонова, мещанка

«После первых залпов наследник был еще жив, стонал; к нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих».

Павел Медведев, красноармеец

«У ворот тюремной ограды их встретили вооруженные палачи из чрезвычайной следственной ко миссии, которые отвели Татищева и Долгорукова за Ивановское кладбище в глухое место, где обычно, по выражению деятелей чрезвычайки, «люди выводились в расход». Там оба верных своему долгу и присяге генерала были пристрелены и трупы их бросили, даже не зарыв.

Тело графини Анастасии Васильевны Гендриковой еще совершенно не подверглось разложению: оно было крепкое, белое, а ногти давали даже розоватый оттенок. Следов пулевых ранений на теле не оказалось. Смерть последовала от страшного удара прикладом в левую часть головы сзади: часть лобовой, височная, половина темянной кости были совершенно снесены и весь мозг из головы выпал. Но вся правая сторона головы и все лицо остались целы и сохранили полную узнаваемость».

Михаил Дитерихс, генерал, командующий Сибирской армией

«До революции в России было 360 000 священослужитслей. К концу 1919 года осталось в живых 40 000 священников. В книгах о том времени против каждого имени - род его мученической кончины. Читаем: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен и заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян».

Владимир Солоухин, писатель

«Избрав своим застенком сельскую тюрьму села Терновского, «товарищ» Трунов, вызывал в коридор приводимых из окрестных сел арестованных и беседа его с арестованными сводилась к одной и той же стереотипной фразе:

- Покажь руку! Раздеть! С узника срывали одежду, толкали к выходу, там подхватывали на штыки и выбрасывали тело в ямы, сохранившие название «чумного база» после чумной эпидемии на рогатом скоте».

Владимир Краснов, прокурор

«Город был разбит на кварталы и каждый квартал был вверен попечению карательного отряда с руководителем из матросов во главе. Карательным отрядам было поручено произвести повальные обыски во всех квартирах и, в случае нахождения в квартире оружия, значительных запасов питания, или при основании заподозрить

кого-либо из живущих в квартире в активной контрреволюционности, начальникам карательных отрядов предоставлялось право уничтожать виновных на месте их пребывания».

Владимир Краснов, прокурор

«Это было через несколько дней после покушения на Ленина. Там во дворе анатомического театра я увидел разостланный огромный брезент, из-под которого торчала пара мертвых ног в носках. Служитель Григорий отбросил брезент и я увидел 24 трупа с раздробленными черепами.Все лежали в одном белье, в разнообразных позах, в два ряда, голова к голове. Черепа их напоминали разбитые спелые арбузы, и из широких отверстий с развороченными краями вываливались обезображенные мозги и обломки костей. Я не мог не узнать всесокрушающего действия выстрела из винтовки в упор. Большинству стреляли в висок, некоторым в лоб».

Р. Донской, профессор медицины

«Наступила вакханалия смерти, Петерс перенес в Московский Трибунал приемы чрезвычайки. Ежедневно стали приговаривать к смерти по нескольку человек. Расстреливали решительно за всякое преступление. Трибунал конкурировал с ЧК».

Сергей Кобяков, адвокат

«Очень часто сам Яков Петере присутствовал при казнях. Расстреливали пачками. Красноармейцы говорят, что за Петерсом всегда бегает его сын, мальчик 8-9 лет, и постоянно пристает к нему: «папа, дай я».

«Революционная Россия», 1920, N 4

«Приговоренных к смерти отводили в подвал и по пути убивали выстрелом в затылок. Чтобы было меньше шума, героев революции приканчивали не из настоящего боевого оружия, а маленькими мелкокалиберными пульками, какими мальчишки стреляют по крысам и воронам.

Рядом открывалась дверь в мертвецкую, где лежали штабелями трупы уже расстрелянных. По ночам эти трупы на грузовиках вывозили за город, сваливали в общие могилы, как чумную падаль, заливали известью и засыпали могилы вровень с землей. Потом такое кладбище оцепляли колючей проволокой и ставили предостерегающие надписи: «Опасность эпидемии сибирской язвы! Вход воспрещен!» Так советская власть вознаграждала тех, кто эту власть создал».

Григорий Климов, аналитик

«Лютославские, Щегловитов, Хвостов, Белецкий были посажены на автомобиль и увезены. Расстреляли всех в Петровском парке. Казнь была совершена публично.

За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но приклады китайцев вогнали его в смертный круг. После расстрела все казненные были ограблены. Большевистская власть в виде поощрения разрешает палачам обирать трупы казненных».

Сергей Кобяков, адвокат

«Запуганный, пришибленный и всегда полуголодный парикмахер Ральф превратился в изящно одетого Екатеринославского комиссара, с золотой браслеткой на руке, с маникюром; на столе лежал раскрытый и наполненный папиросами золотой портсигар и тут же рядом маленький, почти дамский браунинг, которым тов. Ральф

расстреливал в своем же кабинете».
Владимир Краснов, прокурор

«Всякие способы уничтожения людей были применены коммунистами. Сотнями отправляла на тот свет чрезвычайка. Верховный и городской трибуналы не отставали от нее. Но этого было мало. Большевики придумали еще один способ уничтожения своих противников, и я утверждаю, что никогда и ни одно правительство в мире не прибегало к такому гнусному и омерзительному способу. Я говорю о расстрелах обвиняемых за несколько дней до слушания их дела в Революционных Трибуналах».
Сергей Кобяков, адвокат

«В подвалах чрезвычайных комендатур и просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым несчастным привязывали камни на шею. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с борта. В одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около ста восьмидесяти человек.
В Архангельске Михаил Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баржу вблизи Холмогор и затем по ним открывают огонь из пулеметов».
«Воля России», 1920, N 14

«Расстрельная тюрьма - специально оборудованная, со звуконепроницаемым подвалом, специальной дорожкой, шагая по которой жертва получает пулю в затылок; с автоматическим устройством для смывания крови и т.д. Каждая внутренняя тюрьма - расстрельная. В крупнейших городах есть еще дополнительные расстрельные тюрьмы».
Жак Росси, историк, составитель «Справочника по ГУЛАГу»

«13 августа военно-революционный трибунал 14 армии, рассмотрев дело 10-и граждан гор. Александрии, взятых заложниками, признал означенных не заложниками, а контрреволюционерами и постановил всех расстрелять».
«Коммунист», N 134, 1918

«Тираспольский гарнизон был поголовно расстрелян. Из Одессы приказано было эвакуировать ввиду измены всех галичан, но когда они собрались на товарную станцию с женами, детьми и багажом, их стали расстреливать из пулеметов. В «Известиях» появилось сообщение, что галичане пали жертвой озлобленной толпы».
Сергей Мельгунов, историк

«В Крыму после разгрома Врангеля было расстреляно более 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей. Официальные большевистские сведения в свое время определяли число расстрелянных в 56 тысяч».
Иван Шмелев, писатель

«Расстрелять пятого (буквально): традиционно, при усмирении восстаний или по меньшей мере коллективного протеста, расстреливают каждого пятого из числа оставшихся в живых. Иногда — каждого десятого. Напр., в 1918 г. полки, отказавшиеся открыть огонь по кронштадтским матросам, были разоружены, выстроены в шеренги и каждый пятый — расстрелян».
Жак Росси, историк, составитель «Справочника по ГУЛАГу»

«Найдем ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит И.З. Штейнберг (нарком НКЮ РСФСР) о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губ.? Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божией Матери. В деревне свирепствовала испанка. Устроили молебствие и крестный ход, за что местной ЧК были арестованы священники и сама икона. Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в ЧК над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «стеной выручать Божию Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним ЧК открыла огонь из пулеметов. Пулемет косит по рядам, а они идут, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: «Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем».

Сергей Мельгунов, историк

Коммунистический террор

Преступления советской власти. Документы.

Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков
29 июня 1919 года, № 4338, г. Екатеринодар.

Харьков. Во время пребывания большевиков в Харькове [...] царил такой террор, что многие сходили с ума от всех переживаемых кошмаров. Особенным зверством отличался комиссар Саенко, к счастью, пойманный добровольцами. Расстреливали беспощадно, не исключая женщин и детей.

На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. [...] На другой день на том же месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей и так до верху. Потом начинался следующий ряд этого же коридора. [...] В одном из таких коридоров лежало до 2 000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди.

[...] последний период пребывания советской власти в городе ознаменовался необычайной вспышкой красного террора.

Харьковская Чрезвычайка, насчитывавшая до 1500 агентов, работала вовсю. Ежедневно арестовывались сотни лиц. В подвальном этаже дома, в котором помещалась Чрезвычайка (по Сумской ул.), имелось три больших комнаты. Эти комнаты всегда бывали переполненными до такой степени, что арестованным приходилось стоять.

В распоряжении Чрезвычайки имелась специальная китайская рота, которая пытала арестованных при допросах и расстреливала обреченных. Ежедневно расстреливалось от 40 до 50 человек, причем последние дни эта цифра сильно возросла.

Тела четырех крестьян-заложников (Бондаренко, Плохих, Левенец и Сидорчук). Лица покойников страшно изрезаны. Особым изуверским образом изуродованы половые органы. Производившие экспертизу врачи высказали предположение, что такой прием по степени своей болезненности превосходит все доступное человеческому воображению.

В числе других большевиками расстреляны бывший иркутский губернатор Бантыш с сыном, генералы Нечаев и Кусков и князь Путятин. По приблизительному подсчету большевиками расстреляно в Харькове свыше 1000 человек.

В концентрационном лагере на Чайковской улице вырыто тридцать три трупа расстрелянных большевиками заложников. Большевики не только расстреливали заложников, но и рубили их шашками у вырытых могил, закапывали живыми в могилы, бросали в канализационные колодцы. Подземные казематы заливались водой, в которой тонули заложники.

Харьков. Фотография головы архимандрида Родиона, Спассовский монастырь, оскальпированного большевиками.

Установлено, что расстреляны [...] капитан Сорокин, торговец Величко.

По рассказам очевидцев, трупы зарыты во дворе дома № 47 по Сумской ул., где помещалась комендатура Чрезвычайки. Здесь должны быть зарыты трупы бывшего сотрудника «Новой России» капитана В. Г. Плаксы-Ждановича и коммерсанта Шиховского, расстрелянных в один день.

Тех, которые после расстрела еще подавали признаки жизни, Саенко собственноручно приканчивал кинжалом.

На Сумской и Чайковской улицах помещения полны трупного запаха. Жертвы большевистских зверств расстреливались у самых «Чрезвычаек» и тут же погребались, причем тела убитых едва засыпались землей.

В подвале дома по Сумской улице № 47 обнаружена доска, на которой приговоренные к смерти записывали последние слова. Имеются некоторые подписи: Кулинин, Андреев, Знаменский, Бробловский.

Дом, в котором еще так недавно помещался концентрационный лагерь для буржуев и контрреволюционеров и где зверствовал садист Саенко, окружен рвом и колючей изгородью. Проникнуть в дом можно только через маленький мостик. Весь дом в настоящее время совершенно пуст.

Во дворе дома устроены две грандиозные братские могилы, в которых расстрелянных погребали одного над другим. Сколько тел предано земле в этих братских могилах, пока установить не удалось.

Продолжаются раскопы могил жертв красного террора. Пока вырыто 239 трупов. Протоколом судебно-медицинского исследования установлены факты погребения живых, издевательств и пыток.

Волчанск. Получены сведения, что в городе Волчанске большевики перед уходом расстреляли 64 заложника, находившихся в распоряжении «Чрезвычайной» комиссии. Среди расстрелянных начальница женской гимназии и видные общественные деятели.

Расстрелы киевлян. Киевская Чрезвычайная комиссия, руководимая Сорокиным, культивирует систему расстрелов. Убито много видных общественных деятелей, которые были обвинены в фантастических заговорах против советской власти. Из числа видных киевлян кроме профессоров Армашевского, Флоринского, расстреляны офицеры, кн[язь] Трубецкой; хорошо известный киевлянам г[осподин] Размитальский; директор городского банка Цитович; присяжный поверенный Палибин; киевские финансисты Пенес и Рубинштейн; присяжный поверенный Лурье и много других. Лукьяновская тюрьма и все другие арестантские помещения забиты арестованными.

Террор в Одессе. 400 человек за неуплату контрибуций отправлено на принудительные работы.

Всюду на Украине большевики занимаются грабежом и насилиями. Так, к одному богатому мужику явились красноармейцы и потребовали от него 40 000 рублей. Тот мог дать только 4 000. Не удовлетворившись этим, красноармейцы связали мужика и его жену и принялись свечою жечь им пятки.

Расстрелы в Петрограде. По полученным сведениям, в Петрограде по постановлению Чрезвычайной комиссии были расстреляны штабс-капитан Ганыч, лейтенант флота Паскевич, полковник Четыркин, балтийский командир заградителя «Лена» Брун, Кутейников, мичман Овчинников, лейтенант флота Штейнгеттер, Чаусов, мичман Кучинский, офицеры Центрального штаба Сибиряков, Зубчанинов, Попов, Сергеев, Чайковский, Надыпов, Капорцов, Зейков, Дурнов, Карасюк, Васильев, Иванов, Далыпин-Шайлеков, Рогачев, Котов, Большаков, Хмызов-Смирнов, Выхолков, Ястяков, Сафронов, Борисов, Акимов, Анто-Самсонов. Приговоры подписаны председателем Скороходовым и секретарем Чудиным.

Кроме того, по постановлению той же Чрезвычайки были расстреляны сотрудники «Русского знамени» Лука Злотников, И. В. Ревенко, Л. Н. Бобров, В. Н. Мухин, А. Д. Гарявин, Н. А. Ларин и др.; офицеры: Р. Р. Депнер, Н. С. Сурмонов, Я. Я. Тягунов, Д. Н. Карпов, В. К. Коспелецкий, Н. Б. Шкловский, С. М. Помочников, М. П. Базыкин, П. С. Беляков, Г. И. Газан и др.

В окрестностях Перми найдены тела графини Гендриковой и г-жи Шнейдер, которые сопровождали царскую семью во время ее путешествия из Омска в Екатеринбург. Они под конвоем были доставлены в Пермь, где и погибли от рук большевиков.

Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков
26 августа 1919 года, № 110195, г. Ростов-на-Дону.

Одесса. [...] В подвалах одесской «Чрезвычайки» найдены орудия пыток, много трупов замученных. Среди орудий пыток обращают внимание особые приспособления цепей для растягивания конечностей. Английское командование привело в застенки

«Чрезвычайки» команды своих кораблей. Орудия пыток произвели на английских матросов тяжелое впечатление.

Херсон. Население с ужасом вспоминает зверства большевистской Чрезвычайки, свирепствовавшей с приездом в Херсон двух китайцев, специалистов пыток, препарировавших живых людей, снимавших кожу с ног и рук, втыкавших булавки под ногти. В последние дни большевиками было убито много общественных деятелей с целью парализовать общественную жизнь после ухода большевиков из Херсона.

Николаев. К коменданту являются беспрестанно для регистрации офицеры, укрывавшиеся в окрестных селах и деревнях от большевиков. Они рассказывают ужасы. Пылают деревни, зажженные большевиками. Матросы уничтожают крестьянское добро, сжигают весь хлеб за невозможностью унести его с собой. Расстреливается домашний скот; разрушаются сельскохозяйственные машины. Там, где раньше крестьяне восставали против большевистских властей, большевики, не встречая мужчин в деревнях, переносят злобу на женщин и детей. Например, в одной деревне, где население перебило отряд коммунистов, большевики раздевали донага женщин и с издевательствами заставляли их идти перед пьяной толпой. Найдено много трупов детей с отрезанными конечностями.

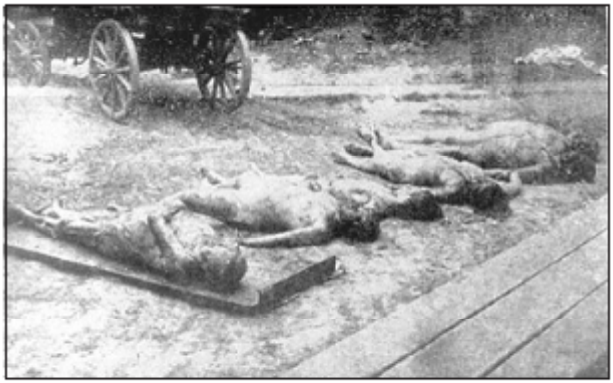
Кременчуг. В Кременчуге продолжаются раскопки расстрелянных и замученных большевиками. Число убитых [...] доходит до 2 500 человек. Выкопана группа расстрелянных телеграфных служащих: 5 мужчин, 1 женщина. Расстрелы производились большей частью матросами. Приговоренного сажали на край могилы и стреляли в затылок. Когда могила наполнялась телами убитых, начинали заполнять следующую.

Пенза. Лицо, прибывшее из Совдепии, рисует картину жизни в Пензе. В кафедральном соборе коммунистами устроен клуб, где устраиваются концерты, семейные вечера для коммунистов и их родственников. В архиерейском доме помещается Чрезвычайка, которая производит расстрел днем и ночью. Масса интеллигенции и духовенства расстреляна, оставшиеся мобилизованы на общественные работы. На Соборной площади был поставлен памятник Карлу Марксу, который охраняется китайцами и латышами. Но в одну ночь памятник был разрушен. Начался красный террор. Было арестовано 156 офицеров и посажено в тюрьму вместе с уголовными преступниками. Последние разбежались, и когда некоторые были пойманы, то выдали офицеров, организовавших будто бы восстание против советской власти. Все 156 офицеров расстреляны. Матрос, стоявший на посту на месте расстрела, лично передавал, что он не мог перенести картины ужаса и бежал с поста. Во время террора у власти стояла коммунистка Бош, ныне находящаяся в Астрахани.

Статистика чекистского вранья

Официальные данные ЧК о расстрелянных не отражают, разумеется, и 10% реальной цифры. По ним получается, что за 1918 г. было расстреляно 6185 чел. (в т.ч. за первую половину года 22), а всего за три года - 12733; в тюрьмы было посажено в 1918 г. 14829 чел., в концлагеря - 6407 и заложниками взято 4068 (в 1919 г. - 5491). Не говоря о том, что помимо приговоров ЧК, к которым относятся эти данные (охватывающие, к тому же, возможно, не все местные органы ЧК), по существующим инструкциям «контрреволюционеры» подлежали расстрелу на месте, каковым

образом и была уничтожена масса людей, оставшихся даже неопознанными (кроме того, помимо ЧК расстрелы производились по приговорам ревтрибуналов и военных судов). Но главное, что лишает приводимые цифры всякой достоверности как сколько-нибудь полные, - тот факт, что массовые расстрелы проводились ЧК задолго до официального объявления красного террора (сотнями, например, по казанской организации, ярославскому делу и множеству других), т.е. тогда, когда было расстреляно, якобы, всего 22 человека.



Харьков. Трупы замученных женщин-заложниц. Вторая слева С. Иванова, владелица мелочного магазина. Третья слева - А. И. Карольская, жена полковника. Четвертая - Л. Хлопкова, помещица. У всех заживо взрезаны и вылущены груди, половые органы обожжены и в них найдены уголья.

По подсчетам С.П.Мельгунова по опубликованным в советских же (центральных и некоторых провинциальных) газетах случайным и очень неполным данным за это время расстреляно было 884 человека. Более чем за два месяца до официального провозглашения террора Ленин (в письме Зиновьеву от 26 июня 1918 г.) писал, что «надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает». Да и по сведениям самих большевистских газет нетрудно убедиться, что расстрелы ЧК, во-первых, начались задолго до (объявленного позже первым) расстрела офицеров л.-гв.Семеновского полка братьев А.А. и В.А. Череп-Спиридовичей 31 мая 1918 г., а, во-вторых, количество расстрелянных по публикуемым спискам намного превышает объявленое позже. В крупных городах по наблюдениям очевидцев расстреливалось ежедневно несколько десятков человек (в Киеве, в частности, по 60-70). Наконец, по многочисленным свидетельствам, в списки включались далеко не все расстрелянные. По делу Щепкина в Москве в сентябре 1919 г. было расстреляно более 150 ч при списке в 66, в Кронштадте в июле того же года 100-150 при списке в 19 и т.д. За три первые месяца 1919 г. по подсчетам газеты «Воля России» было расстреляно 13850 ч. В январе 1920 г. накануне провозглашения отмены смертной казни (формально с 15.01 по 25.05.1920 г., но которую никто, конечно, на деле не отменял - сами «Известия сообщали о расстреле с января по май 521 чел.) по тюрьмам прошла волна расстрелов, только в Москве погибло более 300 ч, в Петрограде - 400, в Саратове - 52 и т.д. По официальным данным одни только военно-революционные трибуналы с мая по сентябрь 1920 г. расстреляли 3887 человека.

Коммунистический террор. Преступления советской власти. Документы.

Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков
29 июня 1919 года, № 4338, г. Екатеринодар.

Харьков. Во время пребывания большевиков в Харькове [...] царил такой террор, что многие сходили с ума от всех переживаемых кошмаров. Особенным зверством отличался комиссар Саенко, к счастью, пойманный добровольцами. Расстреливали беспощадно, не исключая женщин и детей.

На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. [...] На другой день на том же месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей и так до верху. Потом начинался следующий ряд этого же коридора. [...] В одном из таких коридоров лежало до 2 000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди.

[...] последний период пребывания советской власти в городе ознаменовался необычайной вспышкой красного террора.

Харьковская Чрезвычайка, насчитывавшая до 1500 агентов, работала вовсю. Ежедневно арестовывались сотни лиц. В подвальном этаже дома, в котором помещалась Чрезвычайка (по Сумской ул.), имелось три больших комнаты. Эти комнаты всегда бывали переполненными до такой степени, что арестованным приходилось стоять.

В распоряжении Чрезвычайки имелась специальная китайская рота, которая пытала арестованных при допросах и расстреливала обреченных. Ежедневно расстреливалось от 40 до 50 человек, причем последние дни эта цифра сильно возросла.

Тела четырех крестьян-заложников (Бондаренко, Плохих, Левенец и Сидорчук). Лица покойников страшно изрезаны. Особым изуверским образом изуродованы половые органы. Производившие экспертизу врачи высказали предположение, что такой прием по степени своей болезненности превосходит все доступное человеческому воображению.

В числе других большевиками расстреляны бывший иркутский губернатор Бантыш с сыном, генералы Нечаев и Кусков и князь Путятин. По приблизительному подсчету большевиками расстреляно в Харькове свыше 1000 человек.

В концентрационном лагере на Чайковской улице вырыто тридцать три трупа расстрелянных большевиками заложников. Большевики не только расстреливали заложников, но и рубили их шашками у вырытых могил, закапывали живыми в могилы, бросали в канализационные колодцы. Подземные казематы заливались водой, в которой тонули заложники.

Установлено, что расстреляны [...] капитан Сорокин, торговец Величко.

По рассказам очевидцев, трупы зарыты во дворе дома № 47 по Сумской ул., где

помещалась комендатура Чрезвычайки. Здесь должны быть зарыты трупы бывшего сотрудника «Новой России» капитана В. Г. Плаксы-Ждановича и коммерсанта Шиховского, расстрелянных в один день.

Тех, которые после расстрела еще подавали признаки жизни, Саенко собственноручно приканчивал кинжалом.

На Сумской и Чайковской улицах помещения полны трупного запаха. Жертвы большевистских зверств расстреливались у самых «Чрезвычаек» и тут же погребались, причем тела убитых едва засыпались землей.

В подвале дома по Сумской улице № 47 обнаружена доска, на которой приговоренные к смерти записывали последние слова. Имеются некоторые подписи: Кулинин, Андреев, Знаменский, Бробловский.

Дом, в котором еще так недавно помещался концентрационный лагерь для буржуев и контрреволюционеров и где зверствовал садист Саенко, окружен рвом и колючей изгородью. Проникнуть в дом можно только через маленький мостик. Весь дом в настоящее время совершенно пуст.

Во дворе дома устроены две грандиозные братские могилы, в которых расстрелянных погребали одного над другим. Сколько тел предано земле в этих братских могилах, пока установить не удалось.

Харьков. Фотография головы архимандрида Родиона, Спассовский монастырь, оскальпированного большевиками.

Продолжаются раскопы могил жертв красного террора. Пока вырыто 239 трупов. Протоколом судебно-медицинского исследования установлены факты погребения живых, издевательств и пыток.

Волчанск. Получены сведения, что в городе Волчанске большевики перед уходом расстреляли 64 заложника, находившихся в распоряжении «Чрезвычайной» комиссии. Среди расстрелянных начальница женской гимназии и видные общественные деятели.

Расстрелы киевлян. Киевская Чрезвычайная комиссия, руководимая Сорокиным, культивирует систему расстрелов. Убито много видных общественных деятелей, которые были обвинены в фантастических заговорах против советской власти. Из числа видных киевлян кроме профессоров Армашевского, Флоринского, расстреляны офицеры, кн[язь] Трубецкой; хорошо известный киевлянам г[осподин] Размитальский; директор городского банка Цитович; присяжный поверенный Палибин; киевские финансисты Пенес и Рубинштейн; присяжный поверенный Лурье и много других. Лукьяновская тюрьма и все другие арестантские помещения забиты арестованными.

Террор в Одессе. 400 человек за неуплату контрибуций отправлено на принудительные работы.

Всюду на Украине большевики занимаются грабежом и насилиями. Так, к одному

богатому мужику явились красноармейцы и потребовали от него 40 000 рублей. Тот мог дать только 4 000. Не удовлетворившись этим, красноармейцы связали мужика и его жену и принялись свечою жечь им пятки.

Расстрелы в Петрограде. По полученным сведениям, в Петрограде по постановлению Чрезвычайной комиссии были расстреляны штабс-капитан Ганыч, лейтенант флота Паскевич, полковник Четыркин, балтийский командир заградителя «Лена» Брун, Кутейников, мичман Овчинников, лейтенант флота Штейнгеттер, Чаусов, мичман Кучинский, офицеры Центрального штаба Сибиряков, Зубчанинов, Попов, Сергеев, Чайковский, Надыпов, Капорцов, Зейков, Дурнов, Карасюк, Васильев, Иванов, Далыпин-Шайлеков, Рогачев, Котов, Большаков, Хмызов-Смирнов, Выхолков, Ястяков, Сафронов, Борисов, Акимов, Анто-Самсонов. Приговоры подписаны председателем Скороходовым и секретарем Чудиным.

Кроме того, по постановлению той же Чрезвычайки были расстреляны сотрудники «Русского знамени» Лука Злотников, И. В. Ревенко, Л. Н. Бобров, В. Н. Мухин, А. Д. Гарявин, Н. А. Ларин и др.; офицеры: Р. Р. Депнер, Н. С. Сурмонов, Я. Я. Тягунов, Д. Н. Карпов, В. К. Коспелецкий, Н. Б. Шкловский, С. М. Помочников, М. П. Базыкин, П. С. Беляков, Г. И. Газан и др.

В окрестностях Перми найдены тела графини Гендриковой и г-жи Шнейдер, которые сопровождали царскую семью во время ее путешествия из Омска в Екатеринбург. Они под конвоем были доставлены в Пермь, где и погибли от рук большевиков.

Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков
26 августа 1919 года, № 110195, г. Ростов-на-Дону.

Одесса. [...] В подвалах одесской «Чрезвычайки» найдены орудия пыток, много трупов замученных. Среди орудий пыток обращают внимание особые приспособления цепей для растягивания конечностей. Английское командование привело в застенки «Чрезвычайки» команды своих кораблей. Орудия пыток произвели на английских матросов тяжелое впечатление.

Херсон. Население с ужасом вспоминает зверства большевистской Чрезвычайки, свирепствовавшей с приездом в Херсон двух китайцев, специалистов пыток, препарировавших живых людей, снимавших кожу с ног и рук, втыкавших булавки под ногти. В последние дни большевиками было убито много общественных деятелей с целью парализовать общественную жизнь после ухода большевиков из Херсона.

Николаев. К коменданту являются беспрестанно для регистрации офицеры, укрывавшиеся в окрестных селах и деревнях от большевиков. Они рассказывают ужасы. Пылают деревни, зажженные большевиками. Матросы уничтожают крестьянское добро, сжигают весь хлеб за невозможностью унести его с собой. Расстреливается домашний скот; разрушаются сельскохозяйственные машины. Там, где раньше крестьяне восставали против большевистских властей, большевики, не встречая мужчин в деревнях, переносят злобу на женщин и детей. Например, в одной деревне, где население перебило отряд коммунистов, большевики раздевали донага женщин и с издевательствами заставляли их идти перед пьяной толпой. Найдено много трупов детей с отрезанными конечностями.

Кременчуг. В Кременчуге продолжаются раскопки расстрелянных и замученных большевиками. Число убитых [...] доходит до 2 500 человек. Выкопана группа расстрелянных телеграфных служащих: 5 мужчин, 1 женщина. Расстрелы производились большей частью матросами. Приговоренного сажали на край могилы и стреляли в затылок. Когда могила наполнялась телами убитых, начинали заполнять следующую.

Пенза. Лицо, прибывшее из Совдепии, рисует картину жизни в Пензе. В кафедральном соборе коммунистами устроен клуб, где устраиваются концерты, семейные вечера для коммунистов и их родственников. В архиерейском доме помещается Чрезвычайка, которая производит расстрел днем и ночью. Масса интеллигенции и духовенства расстреляна, оставшиеся мобилизованы на общественные работы. На Соборной площади был поставлен памятник Карлу Марксу, который охраняется китайцами и латышами. Но в одну ночь памятник был разрушен. Начался красный террор. Было арестовано 156 офицеров и посажено в тюрьму вместе с уголовными преступниками. Последние разбежались, и когда некоторые были пойманы, то выдали офицеров, организовавших будто бы восстание против советской власти. Все 156 офицеров расстреляны. Матрос, стоявший на посту на месте расстрела, лично передавал, что он не мог перенести картины ужаса и бежал с поста. Во время террора у власти стояла коммунистка Бош, ныне находящаяся в Астрахани.

Статистика чекистского вранья

Официальные данные ЧК о расстрелянных не отражают, разумеется, и 10% реальной цифры. По ним получается, что за 1918 г. было расстреляно 6185 чел. (в т.ч. за первую половину года 22), а всего за три года - 12733; в тюрьмы было посажено в 1918 г. 14829 чел., в концлагеря - 6407 и заложниками взято 4068 (в 1919 г. - 5491). Не говоря о том, что помимо приговоров ЧК, к которым относятся эти данные (охватывающие, к тому же, возможно, не все местные органы ЧК), по существующим инструкциям «контрреволюционеры» подлежали расстрелу на месте, каковым образом и была уничтожена масса людей, оставшихся даже неопознанными (кроме того, помимо ЧК расстрелы производились по приговорам ревтрибуналов и военных судов). Но главное, что лишает приводимые цифры всякой достоверности как сколько-нибудь полные, - тот факт, что массовые расстрелы проводились ЧК задолго до официального объявления красного террора (сотнями, например, по казанской организации, ярославскому делу и множеству других), т.е. тогда, когда было расстреляно, якобы, всего 22 человека.

По подсчетам С.П.Мельгунова по опубликованным в советских же (центральных и некоторых провинциальных) газетах случайным и очень неполным данным за это время расстреляно было 884 человека. Более чем за два месяца до официального провозглашения террора Ленин (в письме Зиновьеву от 26 июня 1918 г.) писал, что «надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает». Да и по сведениям самих большевистских газет нетрудно убедиться, что расстрелы ЧК, во-первых, начались задолго до (объявленного позже первым) расстрела офицеров л.-гв.Семеновского полка братьев А.А. и В.А. Череп-Спиридовичей 31 мая 1918 г., а, во-вторых, количество расстрелянных по публикуемым спискам намного превышает объявленое позже. В крупных городах по наблюдениям очевидцев расстреливалось ежедневно несколько десятков человек (в Киеве, в частности, по 60-70). Наконец, по многочисленным свидетельствам, в списки

включались далеко не все расстрелянные. По делу Щепкина в Москве в сентябре 1919 г. было расстреляно более 150 ч при списке в 66, в Кронштадте в июле того же года 100-150 при списке в 19 и т.д. За три первые месяца 1919 г. по подсчетам газеты «Воля России» было расстреляно 13850 ч. В январе 1920 г. накануне провозглашения отмены смертной казни (формально с 15.01 по 25.05.1920 г., но которую никто, конечно, на деле не отменял - сами «Известия сообщали о расстреле с января по май 521 чел.) по тюрьмам прошла волна расстрелов, только в Москве погибло более 300 ч, в Петрограде - 400, в Саратове - 52 и т.д. По официальным данным одни только военно-революционные трибуналы с мая по сентябрь 1920 г. расстреляли 3887 человек.

“Депортация населения Беларуси в ГУЛАГ (1930-1941 гг.)”

Кузнецов И.Н.

С февраля 1931 года по стране покатилась новая значительная волна раскулачивания. В результате этой акции только с территории БССР было выслано в районы Урала, Сибири и Казахстана свыше 100 тысяч крестьян.

Всего по данным ведомственной статистики ОГПУ—НКВД по стране в 1930—1931 годах было раскулачено 569,3 тысяч хозяйств, из них в отдаленные районы отправлено 381 тысяча семей, в том числе из Беларуси свыше 15 тысяч человек. Многочисленные объекты первой пятилетки обеспечивались фантастически дешевой рабочей силой. Значит «андреевский» спецраспределитель в течение одного только 1931 года дал экономике миллионную рабочую силу. Для сравнения: на весну 1930 года в исправительно-трудовых лагерях находилось примерно 200 тысяч человек. [6; 18]

В связи с резким увеличением количества осужденных, организации высылки и размещения прибывавшего из центра страны контингента спецпереселенцев была возложена на органы ОГПУ—НКВД. В связи с «ликвидацией кулачества как класса» в 1932 году ОГПУ СССР разработало положение «Об управлении кулацкими поселками», утвердило соответствующие инструкции.

Репрессивные акции продолжались и после завершения в основном коллективизации. 20 апреля 1933 года СНК СССР принял постановление «Об организации трудовых поселений». Кого же нужно было выселять в 1933 году, когда, казалось бы, кулачество ликвидировано? Предполагалось переселять за срыв и саботаж хлебозаготовок и других кампаний, городских жителей — отказавшихся в связи с паспортизацией 1932—1933 годов выезжать из крупных городов, бежавших из деревень кулаков, а также высланных в 1933 году в порядке «очистки» государственных границ, осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно. Для размещения прибывшего контингента по территории особенно восточных и северных районов страны была развернута огромная сеть специальных комендатур.

В частности СибЛАГом ОГПУ в 1931—1932 годах было создано 354 сельскохозяйственных, промышленных. лесных комендатур, на учете в которых состояло на 1 октября 1931 года 284921 человек, в том числе более 60 тысяч уроженцев Беларуси. [24; 39]

В 30-е годы четкое функционирование репрессивной системы обеспечивали карательные органы. С 1934 года в связи с проведенной реорганизацией их функции резко были расширены. Образуется НКВД СССР. Вместо ОГПУ в системе НКВД СССР создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В ведении НКВД СССР находилось: ГУЛАГ, вопросы переселенцев, ЗАГСа. Органы НКВД осуществляли тотальный контроль за всеми без исключения сферами жизни советского общества.

В целях активизации массовых акций в конце 20-х—начале 30-х годов в СССР была создана хорошо отлаженная и материально обеспеченная система судебных и несудебных органов, которая и явилась главным поставщиком «сырья» для ГУЛАГа.

Система судебных органов была представлена Военной коллегией Верховного суда СССР, Верховным судом БССР, областными судами, судом Белорусской железной дороги, военными трибуналами Белорусского военного округа и различных войсковых формирований, в том числе НКВД.

Наряду с судебными органами существовала целая система несудебных органов. Эта система в СССР и БССР начала формироваться еще в 1923 году. 15 февраля

этого года постановлением ЦИК СССР была учреждена судебная коллегия ОГПУ. Она имела право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, вредительстве и других преступлениях, а также применения всех мер наказания.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года при Народном комиссариате внутренних дел было образовано Особое совещание. Этому органу первоначально было предоставлено право применять «к лицам, признаваемым общественно-опасными» ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком на 5 лет, затем его права были значительно расширены вплоть до применения высшей меры наказания. Одновременно в 1934 году был создан еще один несудебный орган — комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР по следственным делам («двойка»).

Территория СССР условно была разбита на 8 зон дислокации территориальных управлений с подчиненными им исправительно-трудовыми лагерями, тюрьмами, этапами, пересыльными пунктами.

I.СЕВЕРО-ЗАПАД ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ.

Управления: БелбалтЛАГ, ВолгоЛАГ, КамурЛАГ, МедвежьегорскЛАГ, ОнегаЛАГ, СвирьЛАГ, СевдвинЛАГ, СевдюнЛАГ, АрхангеЛАГ, ХолмогорЛАГ, СвирЛАГ, Усть-ВымЛАГ.

Лагеря особого назначения: Осташковский, Кресты (г. Ленинград).

II. СРЕДНЯЯ ПОЛОСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР.

Управления: АвтодорЛАГ (строительство шоссе Минск-Москва), ВятЛАГ, ДмитровЛАГ (строительство канала Москва—Волга), ДубровЛАГ, КлишиЛАГ, ПотьЛАГ, УмжЛАГ, ВладимрЛАГ, ВязьмаЛАГ, КуйбышевЛАГ (строительство Куйбышевской ГЭС), СелигерЛАГ, СуздальЛАГ, УгличЛАГ, РыбинЛАГ, ЮхновЛАГ, ЯрославЛАГ.

Лагеря особого назначения: Вильнюсский, Владимирский, Липецкий, Сычевский (Смоленская область), Торжокский (Калининская область), Козельский, Казанский.

III. ЮГ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР.

Управления: ДнепровЛАГ, ЗапорожЛАГ, КиевЛАГ, ХарьковЛАГ, ДрогобычЛАГ, РостовЛАГ.

Лагеря особого назначения: Винницкий, Старобельский, Лукьяновский, Ивано-Франковский, Сальский, Новочеркасский.

IV. УРАЛ.

Абезь-ИнтЛАГ (строительство железной дороги Печора-Воркута), Усть-ВымЛАГ, ВождельЛАГ, ВоркутпечЛАГ, ПечоржелдорЛАГ, ВоркутЛАГ, ИнтаЛАГ, СевероуральскЛАГ, УхтЛАГ, СыктывкарЛАГ, УхтпечЛАГ, КотЛАГ, СевжелдорЛАГ, ВитерЛАГ, ВятЛАГ, ИвдельЛАГ, МагнитагорЛАГ, ПермьЛАГ, НыробЛАГ, УсольЛАГ, ВрангельЛАГ, КрасноуралЛАГ.

Лагеря особого назначения: Нарьян-Мар, Новая Земля, Ижевский, Челябинский.

V. КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

Управления: АктюбинЛАГ, БалхашЛАГ, КамышЛАГ, КарЛАГ, СтепЛАГ, ЭкибастузЛАГ, ЧимкентЛАГ, ЧурлайЛАГ.

Лагеря особого назначения: Акмолинский лагерь для жен изменников Родины (АЛЖИР), Камышинский, Петропавловский, Семипалатинский, Ташкентский.

VI. ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

Управления: ОмскЛАГ, СапЛАГ, СибЛАГ, Томск-АсинЛАГ, КемерЛАГ, КузнецкЛАГ, СпасЛАГ, ЮжкузбассЛАГ, ЯяЛАГ, МариинскЛАГ, ТобольЛАГ, ТаймырЛАГ.

Лагеря особого назначения: Сибирский (Нарымский округ), Солехардский, Тайгинский. Томский, Кемеровский, Прокопьевский.

VII. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Управления: АнгарЛАГ, БратскЛАГ, ГорЛАГ, ИркутЛАГ, КрасЛАГ, НорилЛАГ, ОзерЛАГ. РыбакЛАГ, ТайшетЛАГ, КрасноярЛАГ.

Лагеря особого назначения: Букачарский, Канский, Минусинский, Читинский.

VIII. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Управления: АмурЛАГ, АлданЛАГ, ЯкутЛАГ, БамЛАГ (строительство БАМа от Тайшета до Ванино), БулжелдорЛАГ, ОгоджЛАГ. ПриморЛАГ, СагурЛАГ, СунчанЛАГ, ТокурЛАГ, СеввостЛАГ, ОрутуханЛАГ, СусуманЛАГ, Чай-УйринЛАГ, Усть-ОмчугЛАГ, ЧукотстройЛАГ, БерЛАГ, КолымЛАГ, МагаданЛАГ.

Лагеря особого назначения: Благовещенский, Уссурийский, Оротуханский, Верхоянский, Владивостокский, Магаданский. [23; 28]

В настоящем перечне представлены основные управления лагерей и тюрем особого назначения, которые удалось установить по имеющимся официальным источникам информации и он не претендует на завершенность.

Можно утверждать, что на сегодняшний день выявлено наличие свыше 2000 объектов ГУЛАГа (лагеря, тюрьмы, комендатуры). В состав ГУЛАГа входили следующие типы лагерей: принудительных работ, исправительно-трудовые, особого назначения, каторжные, специальные, лагерные научно-исследовательские институты. Кроме того в состав «системы перевоспитания» входили колонии: исправительно-трудовые, воспитательно-трудовые, детские и др.

Вся страна, в том числе и Беларусь, была покрыта густой сетью тюрем и следственных изоляторов НКВД. Как правило они дислоцировались во всех областных центрах и столицах союзных и автономных республик. В Москве, Ленинграде и Минске (их было 4) находилось свыше десятка тюрем и изоляторов специального назначения. В целом по стране этих карательных учреждений насчитывалось не менее 800—900 (точное количество установить не представляется возможным).

В связи с тем. что до сих пор на территории Беларуси не выявлено наличие в 30—40-е годы исправительно-трудовых лагерей, это вовсе не означает их реальное отсутствие. Наличие пересыльных тюрем и лагерей в Минске, Витебске, Могилеве, Слуцке, Гомеле позволяло держать там одновременно «спецконтингент» не менее 15—20 тысяч человек. Срок пребывания этапируемых в пересыльных тюрьмах и лагерях зависел от оперативности администрации и мог длиться от нескольких часов до нескольких месяцев, а в среднем — 12—14 суток.

Учитывая то, что в период проведения массовых арестов, особенно в период 1937—1938 годов, органами НКВД БССР производились аресты нескольких тысяч человек, то возникала необходимость незамедлительного этапирования осужденных и подследственных к местам отбытия наказания.

В основном из пересыльных тюрем и лагерей, расположенных на территории Беларуси, этапирование шло по следующим основным маршрутам:Витебск—Ленинград—Петрозаводск; Витебск—Вологда—Архангельск; Минск—Витебск—Вологда—Котлас; Минск—Москва—Владимир—Киров—Сыктывкар; Могилев—Брянск—Воронеж—Куйбышев; Гомель—Чернигов—Запорожье; Минск—Москва—Казань—Свердловск—Воркута; Минск—Москва—Омск—Новосибирск—Красноярск—Норильск; Минск—Москва—Чита—Якутск—Магадан—Колыма и др. [8; 16; 22]

В одном этапе порой насчитывалось до нескольких сотен человек, которые в основном железнодорожным транспортом перебрасывались на расстояние до нескольких тысяч километров.

Несколько десятков тысяч уроженцев Беларуси оказались в 30—40-е годы в районах Крайнего Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока и других районах бывшего Советского Союза.

Особенно часто уходили на Восток эшелоны после «освободительного похода» частей Красной Армии в западные области Беларуси. В частности, в одном из них оказалось 1580 уроженцев Вилейской области, осужденных Особым совещанием НКВД СССР 25 декабря 1940 года. Из них около 60% были этапированы в КотЛАГ, около 15% в СибЛАГ, не менее 20% было доставлено в АрхангелЛАГ. [20; 30]

Установить же точное количество репрессированных сегодня не представляется возможным, т.к. большое количество граждан республики в 30—40-е годы были повторно привлечены к уголовной ответственности в местах отбытия наказания. Наибольшее количество наших сограждан, как удалось установить из официальных и неофициальных источников, отбывали наказание в лагерях: Архангельском, Дмитровском, Воркутинском, Печорском, Котласском, Соликамском, Семипалатинском, Томском, Асиновском, Мариинском, Кузнецком, Красноярском, Тайшетском, Енисейском, Магаданском, Уссурийском и др. [24; 29; 42]

На основании материалов судов, прокуратуры, НКВД—МГБ можно сделать предварительную оценку количества репрессированных в 30—40-е годы. несудебные органы в 1937 году в СССР репрессировали около 1,5 миллионов человек. В Беларуси по оценочным данным в 1935—1940 годах за контрреволюционные преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 200 тысяч человек.

Анализ всех видов источников информации позволяет предположить, что через ГУЛАГ НКВД СССР в 30—40-е годы прошло не менее 10—12 миллионов человек, в том числе свыше 600 тысяч уроженцев Беларуси. В то же время в период 1953—1992 годов на территории республики было реабилитировано около 160 тысяч человек, что составляет около 30% тех, кто прошел через кошмары ГУЛАГа. [24; 28; 31]

Данная карта является оригинальной научной работой, на которой впервые отражены ранее неизвестные исторические факты.

Дэпартацыя насельніцтва Беларусі ў ГУЛАГ. 1930–1941 гг.

УМОЎНЫЯ ЗНАКІ

Населеныя пункты

па тыпах пасялення

БРАНСК — гарады

Балхаш — іншыя

па адміністрацыйнаму значэнню

МАСКВА — сталіца СССР

МІНСК — сталіцы саюзных рэспублік

КАЛУГА — цэнтры абласцей і краёў

Дыслакацыя аб'ектаў Галоўнага упраўлення лагероў (ГУЛАГ)

зоны ГУЛАГа

маршруты этапавання зняволеных і сасланых

месцы зняволяння

тэрытарыяльныя упраўленні ГУДАГа

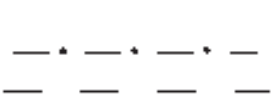
зоны ГУЛАГа

турмы

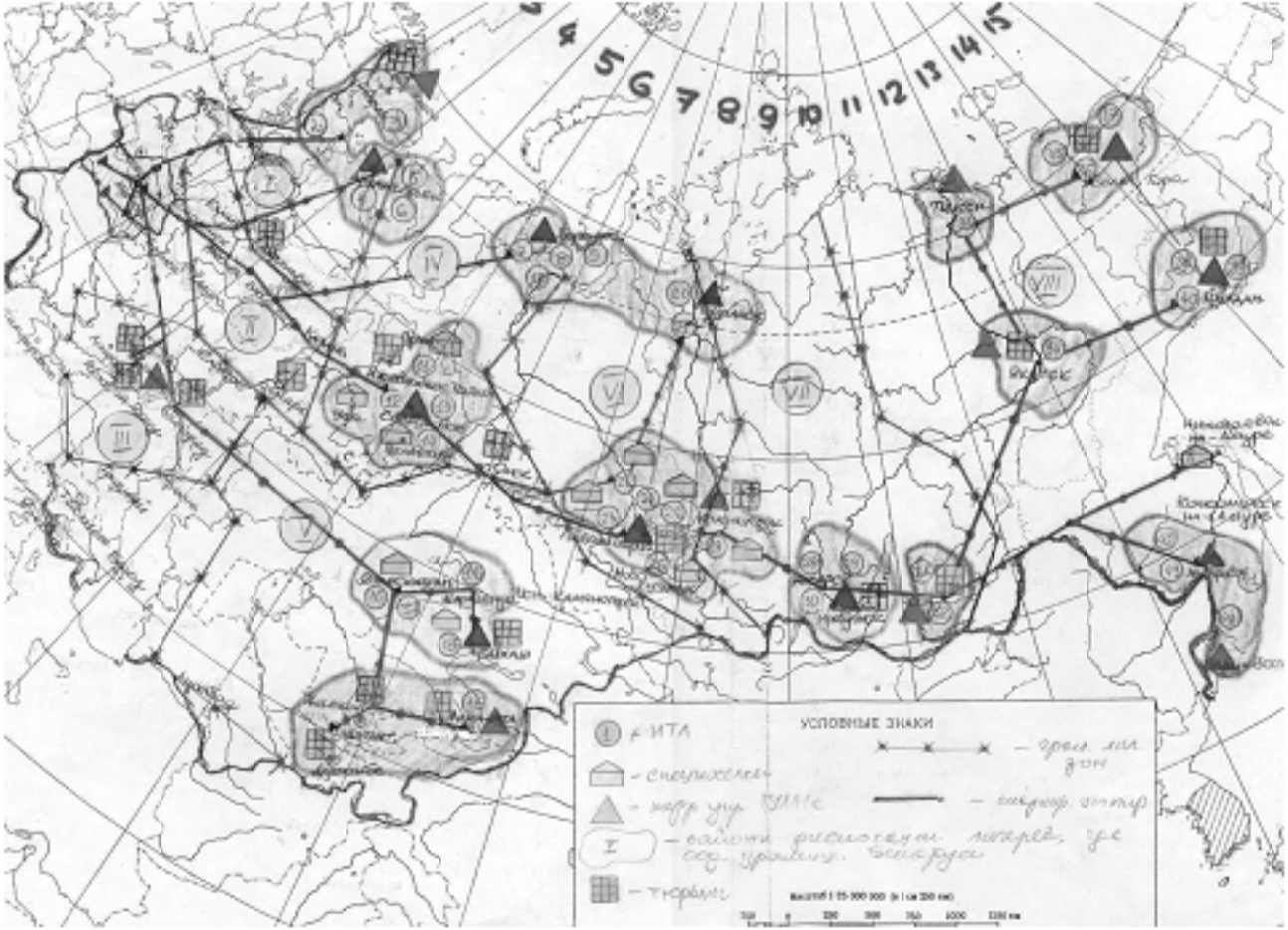
папраўча-працоўныя лагеры

спецыяльныя пасяленні

Граніцы


СССР

саюзных рэспублік


УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
– ИТЛ
– спецпоселки
– тюрьмы
– трассы лагерей
– гидрогр. объекты
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

ПРИКАЗ РАССТРЕЛЯТЬ НАРОД...
Приказы советской власти, касающиеся репресий.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р. № 00447

об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов.

30 июля 1937 года.

Гор. Москва.

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников — скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ — С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ и ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ и УГОЛОВНИКОВ.

В УЗБЕКСКОЙ, ТУРКМЕНСКОЙ, ТАДЖИКСКОЙ и КИРГИЗСКОЙ ССР ОПЕРАЦИЮ НАЧАТЬ С 10 АВГУСТА с. г., А В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ И КРАСНОЯРСКОМ КРАЯХ и ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ — С 15-го АВГУСТА с. г.

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

1. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельско-хозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВЕ ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИИ.

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	Первая категория	Вторая категория	ВСЕГО
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250
2. Армянская ССР	500	1000	1500
3. Белорусская ССР	2000	10000	12000
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000
5. Киргизская ССР	250	500	750

6. Таджикская ССР	500	1300	1800
7. Туркменская ССР	500	1500	2000
8. Узбекская ССР	750	4000	4750
Лагеря НКВД	10000	—	10000

(табліца прыведзена ў скарачэнні)

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и, наоборот — разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории как правило не репрессируются.

Исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

в) Семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове на Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ.

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

В Туркменской, Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР операцию начать 10 августа с. г., а в Восточно-Сибирской области, Красноярском и Дальневосточном краях — с 15-го августа с. г.

2. В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются.

В том случае, если нарком республиканского НКВД, начальник управления или областного отдела НКВД, закончив операцию по контингентам первой категории, сочтет возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй категории, он обязан, прежде чем к этой операции фактически приступить — запросить мою санкцию и только после получения ее, начать операцию.

В отношении всех тех арестованных, которые будут осуждены к заключению в лагеря или тюрьмы на разные сроки, по мере вынесения приговоров доносить мне сколько человек, на какие сроки тюрьмы или лагеря осуждено. По получении этих сведений я дам указания о том, каким порядком и в какие лагеря осужденных направить.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации и проведения операции по каждому сектору формируется оперативная группа, возглавляемая ответственным работником НКВД республики, краевого или областного Управления НКВД, могущим успешно справиться с возлагаемыми на него серьезными оперативными задачами.

В некоторых случаях начальниками оперативных групп могут быть назначены наиболее опытные и способные начальники районных и городских отделений.

4. Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

В соответствии с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение.

Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

Нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск. Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

8. Арестованные сосредотачиваются в пунктах по указаниям Наркомов внутренних дел, начальников управлений или областных отделов НКВД. В пунктах сосредоточения арестованных должны иметься помещения, пригодные для размещения арестованных.

9. Арестованные строго окарауливаются. Организуются все мероприятия, гарантирующие от побегов или каких-либо эксцессов.

IV. ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ.

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ и РАБОТА ТРОЕК

1. Утверждаю следующий персональный состав республиканских, краевых и областных троек:

Азербайджанская ССР председатель — Сумбатов,

члены Теймуркулиев, Джангир Ахунд Заде.

Армянская ССР председатель — Мугдуси

члены Миквелян, Тернакалов
Белорусская ССР председатель — Берман
члены Селиверстов, Потапенко
Грузинская ССР председатель — Рапава
члены Талахадзе, Церетели
(табліца прыведзена ў скарачэнні)

2. На заседаниях троек может присутствовать (там где он не входит в состав тройки) республиканский краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведет свою работу или, находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по 2 категории — к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — ко второй.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговора в отношении каждого осужденного.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного.

VI. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ.

1. Приговора приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т.е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговора в исполнение являются — заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

Документы об исполнении приговора приобщаются в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГ'ом НКВД СССР.

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВА ОПЕРАЦИЙ И ОТЧЕТНОСТЬ.

1. Общее руководство проведением операций возлагаю на моего заместителя — Начальника главного управления государственной безопасности — Комкора тов. ФРИНОВСКОГО.

Для проведения работы, связанной с руководством операций, сформировать при нем специальную группу.

2. Протоколы троек по исполнении приговоров немедленно направлять начальнику 8-го Отдела ГУГБ НКВД СССР с приложением учетных карточек по форме № 1.

На осужденных по 1 категории одновременно с протоколом и учетными карточками

направлять также и следственные дела.

3. О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20 и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробно почтой.

4. О всех вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях, возникновении эксцессов, побегах за кордон, образовании бандитских и грабительских групп и других чрезвычайных происшествиях доносить по телеграфу — немедленно.

* * *

При организации и проведении операции принять исчерпывающие меры к тому, чтобы не допустить: перехода репрессируемых на нелегальное положение; бегства с мест жительства и особенно за кордон; образования бандитских и грабительских групп, возникновения каких-либо эксцессов.

Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(Н. ЕЖОВ)
ВЕРНО: М.ФРИНОВСКИЙ

АП РФ, 3-58-212, л. 55-78
http://www.gulag.ipvnews.org/article20070805.php

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОММУНИСТОВ

Совершенно секретно
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
«О выселении раскулачиваемых»

I. О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

Исходя из политики ликвидации кулачества как класса и в связи с этим из необходимости провести наиболее организованным путем начавшийся в районах сплошной коллективизации процесс ликвидации кулацких хозяйств и решительно подавить попытки контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению крестьянских масс и признавая срочность этих мероприятий в связи с приближающейся с.х. кампанией, ЦК постановляет:

В районах сплошной коллективизации провести немедленно; а в остальных районах по мере действительно массового развертывания коллективизации, следующие мероприятия:

1.Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве (разд. 7 и 8 Общих начал землепользования и землеустройства). Исключения из этого правила в отношении середняцких хозяйств должны регулироваться райисполкомами под руководством и контролем окрисполкома.

2.Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы.

3.Одновременно в целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям принять в отношении кулаков следующие меры:

а) первая категория - контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составлять остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные районы края;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

4.Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе, с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по

всем остальным районам составляло в среднем, примерно, 3-5 %. Настоящее указание (3,5 %) имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств.

Выселению и конфискации имущества не подлежат семьи красноармейцев и командного состава РККА. В отношении же кулаков, члены семей которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть проявлен особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и у соответствующих заводских организаций.

II. О высылке и расселении кулаков.

В качестве мероприятий для ближайшего периода провести следующее:

1.Предложить ОГПУ репрессивные меры в отношении первой и второй категории кулаков провести в течение ближайших четырех месяцев (февраль - май), исходя из приблизительного расчета - направить в концлагеря 60000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы - 150000 кулаков; озаботиться принятием всех мер к тому, чтобы к 15 апреля эти мероприятия были осуществлены в отношении, во всяком случае, не менее, чем половины указанного количества. Проведение этих мероприятий должно быть поставлено в зависимость от темпа коллективизации отдельных областей СССР и согласовано с краевыми комитетами ВКП(б).

2.Члены семей высылаемых и заключенных в концлагеря кулаков могут, при их желании и с согласия местных райисполкомов, остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе).

3.Ориентировочно, в соответствии с данными мест, установить по областям следующее распределение заключаемых в лагеря и подлежащих высылке:

Концлагерь/Высылка
Средняя Волга 3-4 тыс./8-10 тыс.
Сев. Кавказ и Дагестан 6-8 тыс./20 тыс.
Украина 15 тыс./30-35 тыс.
ЦЧО 3-5 тыс./10-15 тыс.
Нижняя Волга 4-6 тыс./10-12 тыс.
Белоруссия 4-5 тыс./6-7 тыс.
Урал 4-5 тыс./10-15 тыс.
Сибирь 5-6 тыс./25 тыс.
Казахстан 5-6 тыс./10-15 тыс.

В отношении остальных областей и республик аналогичную наметку поручить произвести ОГПУ по согласованию с соответствующими крайкомами и ЦК ВКП(б).

4.Высылку произвести в округа Северного края - 70 тыс. семейств, Сибири - 50 тыс. семейств, Урала - 20-25 тыс. семейств, Казахстана - 20-25 тыс. Районами высылки должны быть необжитые и мало обжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и пр.). Высылаемые

кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами.

5.Высылаемым и расселяемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью), необходимой для проезда и устройства на месте.

6.В отношении кулацких хозяйств, оставляемых на месте с отводом им новых участков вне колхозных полей, руководствоваться следующим:

а) окрисполкомами должны быть указаны места расселения с тем, чтобы поселение в отведенных районах допускалось лишь небольшими поселками, управление которыми осуществляется специальными комитетами (тройка) или уполномоченными, назначаемыми райисполкомами и утверждаемыми окрисполкомами;

б) расселяемым кулакам этой категории средства производства оставляются в размерах, минимально необходимых для ведения хозяйства на вновь отводимых им участках;

в) на расселяемых возлагаются определенные производственные задания по сельскому хозяйству и обязательства по сдаче товарной продукции государственным и кооперативным органам;

г) окрисполкомам срочно проработать вопрос о способах использования расселяемых кулаков как рабочей силы в особых трудовых дружинах и колониях на лесоразработочных, дорожных, мелиоративных и других работах;

д) в отношении кулацких семей, выселенных за пределы районов, необходимо в частности иметь в виду возможность их расслоения с противопоставлением - где это возможно - отдельных элементов молодежи остальной части кулаков. При этом следует использовать такие методы, как собирание ими подписки на газеты и литературу, создание библиотек, организация общих столовых и другие культурно-бытовые мероприятия. Считать возможным в некоторых случая привлечение отдельных групп молодежи к выполнению в порядке добровольчества тех или иных работ для местных Советов, для обслуживания бедноты и т.п., а также создание особого вида производственных артелей и с.х. объединений, например, в связи со строительными и мелиоративными работами, а также с облесением, корчевкой леса и т.д. Все эти мероприятия должны проводиться под строжайшим контролем местных органов власти.

7.Списки кулацких хозяйств (вторая категория), выселяемых в отдаленные районы, устанавливаются райисполкомами на основании решений собраний колхозников, батрацко-бедняцких собраний и утверждаются окрисполкомами. Порядок расселения остальных кулацких хозяйств (третья категория) устанавливается окрисполкомами.

III. О конфискации и распоряжении конфискованным имуществом.

1.Конфискация имущества кулаков производится особоуполномоченными райисполкомов с обязательным участием с/совета, председателей колхозов, батрацко-

бедняцких групп и батрачкомов.

2.При конфискации производится точная опись и оценка конфискуемого имущества, с возложением на с/советы ответственности за полную сохранность конфискованного.

3.Конфискуемые у кулаков средства производства и имущество передаются РИК'ами в колхозы в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам.

4.Колхозы, получающие землю и конфискуемое имущество, должны обеспечить полный засев передаваемой земли и сдачу государству всей товарной продукции.

5.Конфискуемые жилые кулацкие постройки используются на общественные нужды с/советов и колхозов или для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков.

6.Сберкнижки и облигации госзаймов у кулаков всех трех категорий отбираются и заносятся в опись с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы Наркомфина. Всякая выдача выселяемым кулацким хозяйствам их взносов в сберегательные кассы, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации безусловно прекращаются.

7.Паи и вклады кулаков всех трех категорий в кооперативные объединения передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы их исключаются из всех видов кооперации.

Принимая настоящие решения относительно ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации, ЦК категорически указывает, что проведение этих мероприятий должно находиться в органической связи с действительно массовым колхозным движением бедноты и середняков и являться неразрывной составной частью процесса сплошной коллективизации голым раскулачиванием. Лишь в сочетании с самой широкой организацией бедноты и батрачества и при сплочении бедняцко-середняцких масс на основе коллективизации, необходимые административные меры по раскулачиванию могут привести к успешному разрешению поставленных партией задач в отношении социалистического переустройства деревни и ликвидации кулачества.

ЦК подчеркивает, что все указанные мероприятия должны быть проведены на основе максимального развертывания инициативы и активности широких колхозных, в первую очередь батрацко-бедняцких, масс и при их поддержке. Решениям о конфискации кулацкого имущества и выселении кулаков должны предшествовать постановления общего собрания членов колхоза и собрания батрачества и бедноты. Предупреждая против недооценки трудностей, связанных с осуществлением этих мероприятий и требуя от местных организаций принятия всех мер для максимально организованного их проведения, ЦК обязывает крайком и нац. ЦК установить не на словах, а на деле постоянное руководство за проведением настоящих решений в жизнь.

IV. Особые постановления.

1.В помощь местным парторганизациям по проведению указанных выше мероприятий, ЦК постановляет мобилизовать на 4 месяца из промышленных областей (Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Харьков-Донбасс и т.д.) 2500 партийцев не ниже окружного масштаба. Мобилизованные должны выехать на места не позднее 20 февраля.

2.Предоставить ОГПУ право на время проведения этой кампании передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в областях. В этих случаях рассмотрение дел производится совместно с представителями крайкомов ВКП(б) и прокуратуры.

3.На текущий бюджетный 1929/30 г. увеличить штаты ОГПУ на 800 чел. уполномоченных с отпуском потребных для этого средств для обслуживания тех административных районов, где таких уполномоченных нет. Этих 800 товарищей разрешить ОГПУ мобилизовать, прежде всего, за счет старых чекистов из запаса. Кроме того, увеличить состав войск ОГПУ на 1100 штыков и сабель (на текущий бюджетный год). РВСР передать ОГПУ соответствующее количество личного состава.

4.Предложить Совнаркому СССР в трехдневный срок рассмотреть смету необходимых расходов, связанных с проведением указанных мероприятий, сметы на организацию новых дополнительных лагерей в районы Сибири и Северного края. ОГПУ - представить эти сметы.

5.Поручить НКПС'у и ОГПУ в 5-дневный срок разработать план необходимых железнодорожный перевозок.

6.Поручить НКТруду и ВЦСПС и вместе с тем ВСХ и НКПС принять немедленные меры по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов (не допуская какой-либо общей кампании чистки на предприятиях), а также принять жесткие меры к дальнейшему недопущению таких элементов на производство.

7.Обязать партийные комитеты (особенно Москвы, Ленинграда, Харькова и Киева), ОГПУ и НКПросы союзных республик принять более решительные меры по борьбе в ВУЗ'ах и ВТУЗ'ах с контрреволюционными группировками молодежи, связанной с кулацкими элементами в деревне.

8.Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и пр.) в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов.

Поручить Оргбюро ЦК дать директиву по вопросу о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и проч. и о борьбе с религиозным и сектантским движением в целях устранения тормозов в соваппарате, мешающих проведению в жизнь принятых подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и т.п. В этой директиве указать также на необходимость особо осторожного проведения этих мероприятий в отсталых национальных районах.

9.Вытекающие из настоящего постановления законодательные изменения поручить СНК СССР издать в 5-дневный срок с тем, чтобы они были введены в действие крайисполкомами и правительствами национальных республик в районах сплошной коллективизации немедленно, а в остальных - в зависимости от темпа развития сплошной коллективизации в этих районах.

10.Срочно (в 3-дневный срок) издать не подлежащий опубликованию декрет о повсеместном (а не только в районах сплошной коллективизации):

а) запрещении свободного переселения кулаков из мест своего жительства без разрешения райисполкомов под угрозой немедленной конфискации всего имущества;

б) запрещении распродажи кулаками своего имущества и инвентаря под угрозой конфискации и других репрессий.

30 января 1930 г.

Особенная часть УК РСФСР (редакция 1926 г.)

Преступления государственные. Контрреволюционные преступления.

58-1.Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими на основании Конституции СССР и конституции союзных республик, рабоче-крестьянских правительств СССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности СССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в СССР.

58-1а.Измена родине т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача государственной или военной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания - расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58-1б.Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания - расстрелом и с конфискацией всего имущества.

58-1в.В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав, и ссылки в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58-1г.Недонесение со стороны военнослужащих о готовящейся или совершенной

измене влечет за собой лишение свободы на десять лет. Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58-12.

58-2.Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах и в частности с целью насильственно отторгнуть от СССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные СССР с иностранными государствами договоры влекут за собой высшую меру социальной защиты - расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнанием из пределов Союза навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58-3.Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящегося с СССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего Кодекса.

58-4.Оказание каким бы то ни было способом той части международной буржуазии, которая не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против СССР деятельности, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты - расстрела или объявления врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества.

58-5.Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества СССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с СССР договоров и т.п. влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-6.Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью выдачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР - высшую меру социальной защиты - расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым, гражданства СССР и изгнанием за пределы СССР навсегда, с конфискацией имущества. Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой

государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению законом или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собой лишение свободы на срок до трех лет.

58-7.Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего Кодекса.

58-8.Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего Кодекса.

58-9.Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего Кодекса.

58-10.Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.58-2 - 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых выполнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленны на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-11.Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной или подготовке, или совершении одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58-12.Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

58-13.Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-14.Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты - расстрела с конфискацией имущества.

«ВЫТОКІ БЕЛАРУСКАГА ПАСЬЛЯВАЕННАГА АНТЫБАЛЬШАВІЦКАГА ЎЗБРОЕНАГА РУХУ»

(Паводле даследванняў Сяргея Ёрша)

Беларускі антысавецкі ўзброены рух другой паловы 1940-х—1950-х гадоў не вывучаўся гісторыкамі савецкай Беларусі, як і навукоўцамі незалежнай Рэспублікі Беларусь. Для айчыннай гістарыяграфіі такой праблемы, як антысавецкі ўзброены рух, наогул не існавала. Фактычна, не існуе яе і цяпер. У савецкай Беларусі, як і сёньняшняй Рэспубліцы Беларусь, пад забаронай знаходзяцца любыя станоўчыя альбо нават і нэўтральныя згадкі пра пасьляваенны антыбальшавіцкі рух. Афіцыйная прапаганда працягвае прытрымлівацца міту, што ў нашай краіне арганізаванага і масавага антысавецкага супраціву не было, што “мелі месца толькі асобныя варожыя праяўленьні”, якія зьдзяйсьнялі “фашысцкія недабіткі”. Насамрэч, гэта абсалютна не адпавядае сапраўднасьці. І што дзіўна, гэтую неадпаведнасьць выяўляюць найперш афіцыйныя крыніцы.

Дык у чым прычына замоўчваньня беларускага пасьляваеннага ўзброенага Супраціву? Галоўная прычына — палітычна-ідэалягічная. Улада, якая называе сябе “беларускай”, баялася і баіцца любога праяўленьня беларускіх незалежніцкіх ідэяў. А пасьляваенны Супраціў — яскравы прыклад змаганьня тысячаў беларускіх патрыётаў за дзяржаўную незалежнасьць Беларусі.

Першыя публікацыі, у якіх тым ці іншым чынам уздымалася тэматыка беларускага збройнага руху, зьявіліся ў 1960-я гады. На той жа час прыпадае і чарговая хваля камуністычнай прапаганды, накіраванай супраць “буржуазных нацыяналістаў”, а з друку выходзіць кніга В.Раманоўскага “Саўдзельнікі ў злачынствах” (Менск, 1964). Падабраўшы асобныя дакумэнты, факты, аўтар запісаў усіх беларускіх нацыянальных дзеячоў, якія дзейнічалі на акупаванай немцамі тэрыторыі Беларусі, да злачынцаў і калябарантаў. Аргумэнтаваны адказ на кнігу В.Раманоўскага зьявіўся ў 1989 годзе, калі ў Варшаве па-польску выйшла дасьледаваньне гісторыка Юры Туронка “Беларусь пад нямецкай акупацыяй” (кніга пабачыла сьвет у Менску ў 1993 годзе). Туронак, без якіх-небудзь ідэалягічных штампаў, паказаў сапраўдную дзейнасьць беларускіх нацыяналістаў падчас Другой сусьветнай вайны. Але і Раманоўскі, і Туронак не зьвярнулі ўвагі на пасьляваенны антыбальшавіцкі партызанскі і падпольны рух у Беларусі, які стаўся лягічным працягам дзейнасьці беларускіх нацыяналістаў падчас вайны.

Да пачатку 1990-х гадоў толькі акадэмічная “Гісторыя Беларускай ССР” у пяці тамах (т. 5, Мн., 1975, б. 77, 78) згадвала пра “антысавецкія групы і ўзброеныя банды”, пішучы, што тыя перашкаджалі ўстанаўленьню савецкай улады на вёсцы ў пасьляваенны час. Упершыню былі надрукаваны і абагульняючыя даныя пра зьліквідаваныя ў заходніх абласьцях Беларусі партызанскія аддзелы ў 1945—1947 гадах.

Напрыканцы 1980-х гадоў палітычная “адліга” паспрыяла вывучэньню гісторыкамі шмат якіх “белых плямаў”, у тым ліку і антысавецкага партызанскага руху. Аднак некаторыя беларускія гісторыкі са скептыцызмам ставіліся да маштабаў гэтага руху ў Беларусі.

Аднак напачатку 1990-х гадоў шэраг беларускіх дасьледчыкаў, такіх, як Уладзімер Гуленка, Сяргей Жумар, Аляксандар Міхальчанка, Аляксандар Хацкевіч, пазьней і Аляксей Салаўёў, Яўген Сямашка ды інш., пачалі актыўна публікаваць свае першыя спробы дасьледаваньняў па гісторыі пасьляваеннага антысавецкага партызанскага руху.

Трэба адзначыць, што ў Польшчы ўжо выйшла некалькі дасьледаваньняў і зборнікаў матэрыялаў савецкіх дакумэнтаў, прысьвечаных пасьляваеннаму Супраціву ў Беларусі. У прыватнасьці, архіўныя матэрыялы, якія ахопліваюць пэрыяд з 1944 да 1946 году, склалі кнігу "NKWD o polskim podziemiu", падрыхтаваную беларускім гісторыкам Уладзімерам Гуленкам. У Беларусі гэтыя дакумэнты, аднак, не друкаваліся.

Пачынаючы з 1993 году ў незалежных беларускіх газэтах, такіх, як "Пагоня", "Наша Ніва", пачынаюць зьяўляцца артыкулы пра беларускі антысавецкі пасьляваенны партызанскі рух, у якіх ён ацэньваецца станоўча.

Пры вывучэньні беларускага пасьляваеннага партызанскага руху шмат інфармацыі па яго дзейнасьці дае беларуская эміграцыйная пэрыёдыка другой паловы 1940-х—1950-х гадоў.

Першая грунтоўная праца па зборы і сыстэматызацыі інфармацыі, найперш з апублікаваных (у Беларусі і за мяжой), а таксама вусных крыніцаў, была зробленая ў даведніку "Антысавецкія рухі ў Беларусі. 1944—1956 гг." (Менск, 1999, пад рэдакцыяй А.Дзярновіча).

Вельмі важнай крыніцай па гісторыі пасьляваеннага партызанскага руху зьяўляюцца дакумэнты архіваў КДБ РБ і ФСБ Расеі, да якіх дасьледчыкі па-ранейшаму маюць вельмі абмежаваны доступ.

Цікавы блёк крыніцаў — гэта вусныя сьведчаньні. Успаміны ўдзельнікаў і сьведкаў пасьляваеннага Супраціву даюць нам ня толькі інфармацыю пра ягоную дзейнасьць, але й пра побыт антыкамуністаў, пра настроі насельніцтва і г.д. Іхныя ўспаміны раскрываюць такія дэталі, якіх нельга будзе знайсьці ў крымінальных справах архіву КДБ. Іншая рэч, што многія людзі да сёньня баяцца падзяліцца сваімі ўспамінамі, нават пры ўмове ананімнасьці.

Таму на сёньняшні дзень ёсьць вялікая патрэба ў дасканалым, грунтоўным выданьні па

Асноўнымі прычынамі зьяўленьня Беларускага пасьляваеннага ўзброенага Супраціву былі:

1. Досьвед папярэдняй савецкай акупацыі, якая паказала сутнасьць бальшавізму і ягонай палітычнай, сацыяльна-эканамічнай, рэлігійнай палітыкі. Гэты досьвед не пакідаў выбару прыхільнікам незалежнасьці Беларусі.

2. Узьніклы падчас нямецкай акупацыі беларускі нацыянальны рух Супраціву вырашыў супраціўляцца і бальшавікам (такія самыя рашэньні прынялі польскі і ўкраінскі рухі Супраціву, у шэрагах якіх былі тысячы беларусаў).

3. Спадзяваньне (асабліва ў Заходняй Беларусі) на дапамогу Захаду ў барацьбе беларускага народу за дзяржаўную незалежнасьць.

4. Тэрор савецкіх карных органаў супраць мірнага насельніцтва ў першыя пасьляваенныя гады, прымусовая калектывізацыя і "раскулачваньне" сялянства, што выклікала Супраціў людзей, даведзеных да адчаю.

5. Зыход у лес дзясяткаў тысячаў мужчынаў, якія альбо пазьбягалі арышту "за супрацу зь нямецкімі акупантамі", альбо пазьбягалі мабілізацыі ў Чырвоную Армію.

6. Патрыятызм, жаданьне змагацца за волю і незалежнасьць Бацькаўшчыны.

Кожны чалавек прымаў рашэньне пра далучэньне да Супраціву зыходзячы менавіта з гэтых прычынаў.

У хуткім часе спадзяваньне на канфлікт Савецкага Саюзу з Захадам не апраўдалася. Але, натуральна, ня толькі гэтае спадзяваньне прымушала людзей адразу ж пасьля прыходу бальшавікоў у 1944 годзе ствараць партызанскія аддзелы.

Многія ішлі ў лес, каб перачакаць неспрыяльныя часы. А таму некаторыя створаныя вясной 1945 году беларускія партызанскія аддзелы зусім не праводзілі ніякіх збройных

акцыяў, як прыклад — аддзел Віктара Сікоры, які да канца 1945-га знаходзіўся ў раёне Шаркаўшчыны. З часам, аднак, сталася зразумелым, што пасіўны супраціў і тым больш яго адсутнасьць ня зьменшаць бальшавіцкія рэпрэсіі супраць насельніцтва, а, наадварот, толькі павялічаць іх. Пра гэта сьведчыла першая савецкая акупацыя 1939—1941 гадоў.

Вярнуўшыся ў Беларусь, бальшавікі адразу ж разгарнулі шырокія рэпрэсіі супраць усіх, хто нібыта супрацоўнічаў зь нямецкімі акупантамі, а таму "здрадзіў савецкай радзіме". Пад гэтую катэгорыю траплялі дзясяткі тысячаў людзей, прадстаўнікі самых розных слаёў грамадзтва. Для арышту селяніна было дастаткова, напрыклад, даносу, што ён здаваў харчы ці вопратку для нямецкай арміі. Частка такіх людзей, адны раней, другія пазьней, пачалі змагацца, іншыя, запалоханыя да скрайнасьці, дзесяцігодзьдзямі хаваліся ад савецкай улады. Адным, відаць, з апошніх, хто выйшаў са схованкі, быў Бушыла. Адбылося гэта на заходнебеларускім Палесьсі ў 1989 годзе.

Вядомыя выпадкі, калі ў лес ішлі многія з рэпатрыянтаў, якія вярнуліся на радзіму. Адчуваючы блізкі арышт, яны пераходзілі на нелегальнае становішча. Напрыклад, на такі крок пайшоў былы бурмістар аднаго з раёнаў Магілёўшчыны. Вярнуўшыся з Заходняй Нямеччыны, ён пакінуў сваю сям'ю ў вёсцы, а сам пайшоў у лес.

Некаторыя ўдзельнікі антыбальшавіцкага руху — гэта людзі, якія вярнуліся ў Беларусь, каб адпомсьціць за сваіх родных. Адным з такіх людзей быў "рагулявец" Міхась Шунько, які дэсантаваўся на Беларусі ў канцы 1944 году, каб адпомсьціць за бацькоў, зьнішчаных савецкімі партызанамі.

Летам 1944 году ў Беларусі распачалася масавая мабілізацыя ў Чырвоную Армію, якой, асабліва ў Заходняй Беларусі, імкнуліся пазьбегнуць вельмі многія мужчыны. Па некаторых зьвестках, да амністыі 1945 году на тэрыторыі Беларусі хавалася ад мабілізацыі каля 170 тысячаў чалавек. Частку зь іх выявілі, пакаралі альбо накіравалі на фронт савецкія карныя органы, многія выйшлі зь лесу ў 1945 годзе, іншыя хаваліся й далей ці папаўнялі партызанскія аддзелы.

Асобна трэба разглядаць зрыў мабілізацыі ў Чырвоную Армію, арганізаваны польскім падпольлем у некаторых раёнах тагачасных Гарадзенскай і Баранавіцкай абласьцей (напрыклад, у Іўеўскім, Юрацішкаўскім, Шчучынскім раёнах ды інш.).

Папаўненьне партызанскіх шэрагаў выклікалі таксама і дэпартацыі, і "раскулачваньне", і пазьней прымусовы запіс у калгасы. Прычым, калгасы не прымаліся аднолькава як заможнымі сялянамі, так і малазямельнымі. Летувіскія дасьледчыкі нават падлічылі, што ў шэрагах летувіскіх "лясных братоў" было больш якраз малазямельных сялянаў, а заможныя да апошняга трымаліся за сваю гаспадарку і зямлю і часта нават ня бралі ўдзелу ў Супраціве.

У першыя пасьляваенныя гады стварыліся такія ўмовы, калі многія маладыя людзі, у тым ліку і былыя сябры СБМ, адчувалі, што непазьбежна стануць ахвярамі савецкай дзяржбясьпекі. Заставацца дома было небясьпечна, а перабрацца на Захад — цяжка. Ня лёгкай была, праўда, і партызанская доля. Таму, далучаючыся да партызанкі, людзі спадзяваліся на дапамогу Захаду, а патрыятычныя пачуцьці стварылі пры гэтым важную матывацыю да змаганьня з бальшавізмам.

Чаканьне дапамогі з Захаду не было, аднак, ілюзорным, як гэта можа падасца на першы погляд. Міжнародная сытуацыя пасьля 1946 году ўвесь час накалялася, а зьяўленьне кожнай новай кропкі напружаньня (блякада савецкімі войскамі Заходняга Бэрліна, вайна ў Карэі, Бэрлінскае антыкамуністычнае паўстаньне, Вугорскае антыкамуністычнае паўстаньне) узмацняла надзею на блізкі вайсковы канфлікт паміж СССР і Захадам. Таму пэўны час, прынамсі да канца 1940-х гадоў, партызанскае кіраўніцтва імкнулася прадэманстраваць Захаду баяздольнасьць сваіх аддзелаў,

бескампраміснасьць у змаганьні з бальшавікамі, рашучасьць здабыць незалежнасьць сваёй краіне.

Беларускія партызаны мелі надзею й на тое, што ім удасца выжыць, што становішча іх не безнадзейнае і хутка зьменіцца ў лепшы бок. Таму тым большым было расчараваньне, калі пасьля некалькіх гадоў партызанкі яны так і не дачакаліся дапамогі з Захаду. Гэтая зьмена настрояў сярод беларускіх партызанаў адбылася прыблізна ў 1948—1949 гадах, і яна знайшла сваё адлюстраваньне ў падпольнай прэсе, якая наракала “на слабы і нявытрывалы ў большасьці народ” ды заклікала да працягу змаганьня, якім бы цяжкім яно не было.

У сувязі з гэтым варта згадаць пра патрыятызм, які ў тых крытычных умовах меў вялікае значэньне, бо, насуперак усім цяжкасьцям і няўдачам, надаваў сэнс узброенаму супраціву. Ня маючы поўнай карціны беларускага збройнага Супраціву, можна, тым ня менш, меркаваць, што нацыянальны дух значнай часткі беларускіх партызанаў быў ня надта моцны, прынамсі, у параўнаньні з нацыяналістычным духам летувіскіх ці ўкраінскіх змагароў. Вядома, што даўжэй за ўсё супраць савецкай улады змагаліся менавіта тыя аддзелы і людзі, нацыянальная сьвядомасьць, патрыятызм якіх былі высокімі. Напрыклад, сябра Беларускай Незалежніцкай Партыі, паэт Аўген Жыхар ваяваў на Пастаўшчыне да 1955 году.

І ўсё ж галоўным фактарам, што забясьпечыў масавасьць збройнага руху, быў савецкі тэрор. Масавыя рэпрэсіі і свавольства бальшавіцкіх органаў улады падштурхнулі людзей да збройнага супраціву. Пасьля 1945 году менавіта ўцекачы ад арыштаў і дэпартацыяў стабільна “падсілкоўвалі” беларускі партызанскі рух. Некаторыя з такіх людзей нават займалі ў партызанцы кіруючыя пасады. Напрыклад, настаўнік Іван Раманчук зь Нясьвіжчыны, якому пагражаў арышт. Дзесьці ў другой палове 1945 году ён перайшоў на нелегальнае становішча і стварыў партызанскі аддзел, які дзейнічаў да 1949 году. Вымушана пайшоў у лес і Сьцяпан Лабовіч, камандзір партызанскага аддзелу на мяжы Зэльвенскага і Слонімскага раёнаў, якому пагражаў арышт за кароткі ўдзел у самаахове.

Папаўнялі партызанку і тыя сувязныя і агенты, якія працавалі на легальным становішчы, займаючы часам даволі ўплывовыя пасады ў савецкай адміністрацыі, міліцыі, войску. Адчуваючы пагрозу арышту, яны сыходзілі ў лес. Напрыклад, перайшоў у аддзел І.Раманчука Міхась Кожыч, адзін з кіраўнікоў падпольнага Саюзу змаганьня за незалежнасьць Беларусі, які жыў і працаваў у Горадні. Па некаторых зьвестках, у 1945—1946 гадах на ўсход ад Барысава дзейнічаў партызанскі аддзел “Чорнага Ката”, якім кіраваў афіцэр, Герой Савецкага Саюзу, прозьвішча якога дагэтуль невядомае.

Нельга не адзначыць і такога фактару ўдзелу ў партызанцы, як рамантызм змаганьня, уласьцівы, галоўным чынам, маладым людзям. У кагосьці пайшлі ў лес сябры, брат, бацька, і гэта быў натхняльны прыклад. Асабліва ў тыя гады, калі партызанскі рух быў масавым і яшчэ захоўвалася вера ў посьпех барацьбы.

З іншага боку, як адзначаюць летувіскія дасьледчыкі (напрыклад, Кястуціс Гірнюс), цяжка растлумачыць, чаму ўсе гэтыя фактары па-рознаму ўзьдзейнічалі на тых ці іншых людзей. Апынуўшыся ў аднолькавых умовах, аднолькавай небясьпецы, адны ішлі ў лес, а іншыя заставаліся на месцы, чакаючы волі лёсу. Вялікую ролю адыгрывалі тут, безумоўна, асабістыя якасьці чалавека, яго характар.

Пры ўсёй стыхійнасьці арганізацыі й дзейнасьці беларускіх антыбальшавіцкіх партызанскіх аддзелаў у першыя пасьляваенныя гады, нельга не адзначыць і заўважнай ролі ўжо на першым этапе беларускіх палітычных дзейнікаў. Пасьляваенны антыбальшавіцкі беларускі рух Супраціву быў лягічным працягам дзейнасьці беларускага нацыянальнага антыфашысцкага Супраціву.

Як і ў гады нямецкай акупацыі, пасьляваенны беларускі Супраціў быў разьяднаны і ня меў адзінага кіраўніцтва. Да стварэньня кіруючага цэнтру Супраціву, па ўспамінах вядомага беларускага дзеяча Юрыя Сабалеўскага, увосень 1942 году імкнуўся ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі (у 1940—1941 гадах — кіраўнік Беларускага Нацыянальнага Фронту, у 1942 годзе — лідэр падпольнага Беларускага Цэнтральнага (Народнага) Фронту). Праўдападобна, ксёндз Гадлеўскі, які ў 1941—1942 гадах працаваў галоўным школьным інспэктарам у генэральным камісарыяце "Беларусь", а пасьля займаўся выключна душпастырскай дзейнасьцю ў Менску, меў дачыненьне і да заснаваньня падпольнай Беларускай Незалежніцкай Партыі (БНП), якая аб'ядноўвала пераважна моладзь і была баявой, палітычна-вайсковай арганізацыяй.

Падчас нямецкай акупацыі падпольна дзейнічала таксама Арганізацыя (партыя) беларускіх нацыяналістаў на чале зь Янам Станкевічам. Яна, праз польскае падпольле, імкнулася выйсьці на заходніх саюзьнікаў, аднак іншай дзейнасьцю не адзначалася. Паводле Юры Туронка, у 1942 годзе ў складзе АБН налічвалася каля 500 чалавек, якія, пераважна, працавалі ў грамадзянскай адміністрацыі, служылі ў вайсковых фармацыях.

Былыя левыя дзеячы з Заходняй Беларусі, якія ацалелі ад савецкіх і нямецкіх рэпрэсіяў, увосень 1941 году залажылі падпольную Беларускую Народную Грамаду (БНГ) на чале зь Юльянам Саковічам. Арганізацыя, аднак, ня мела яснай ідэалягічнай плятформы і дастатковай колькасьці падрыхтаваных людзей, у выніку чаго не змагла нават утрымаць падкантрольны партызанскі рух на Палесьсі. Сам Саковіч зьяўляўся таксама і сябрам Цэнтральнага камітэту Беларускай Незалежніцкай Партыі, і зусім магчыма, што левых дзеячоў ён аб'яднаў у арганізацыйную структуру па даручэньні кіраўніцтва БПН.

Падчас нямецкай акупацыі існавалі таксама больш дробныя, лякальныя, маладзёжныя нацыянальныя падпольныя арганізацыі. Некаторыя зь іх праіснавалі да прыходу ў Заходнюю Беларусь бальшавікоў.

Усе названыя беларускія арганізацыі выступалі за дзяржаўную незалежнасьць Беларусі, грунтаваліся на Акце 25 сакавіка 1918 году, імкнуліся наладзіць сувязь з заходнімі альянтамі альбо спадзяваліся толькі на свае сілы ды на аслабленьне ў вайне і Нямеччыны, і Савецкага Саюзу. Ужо падчас нямецкай акупацыі гэтыя арганізацыі разглядалі варыянты заснаваньня беларускай нацыянальнай партызанкі, а некаторыя зь іх і зьдзейсьнілі задуманае. Аднак у 1943—1944 гадах аддзелы беларускай народнай партызанкі былі альбо разьбітыя, альбо падначаленыя савецкаму кіраўніцтву. Асобныя аддзелы ацалелі й працягвалі партызаніць пасьля прыходу бальшавікоў на Берасьцейшчыне.

На лета 1944 году практычна адзінай палітычнай сілай у Беларусі, якая вырашыла арганізоўваць супраціў бальшавікам, была Беларуская Незалежніцкая Партыя. У спадзяваньні на блізкі канфлікт паміж СССР і Захадам, кіраўніцтва партыі ў шмат якіх акругах Беларусі стварыла падпольныя й партызанскія групы.

Аднак і так невялікі патэнцыял Беларускай Незалежніцкай Партыі ў 1944—1945 гадах быў аслаблены шэрагам правалаў, у т.л. і арыштам старшыні ЦК БНП Усевалада Родзькі. Таму ўплыў БНП на арганізацыю антыбальшавіцкага партызанскага руху пасьля прыходу Саветаў быў невялікі — лякальны. Як сьведчыць апошні, шосты нумар "Бюлетэня БНП", выдадзены ў 1946 годзе ў Заходняй Нямеччыне, у 1945 годзе партызанскія групы і аддзелы, падкантрольныя партыі, існавалі толькі ў Налібоках, на Віленшчыне, на Случчыне, Слонімшчыне, Зэльвеншчыне, Меншчыне. На Маладзечаншчыне НКДБ разграміла падпольле БНП, арыштаваўшы 70 чалавек.

На Палесьсі працягвалі дзейнічаць аддзелы беларускай народнай партызанкі

атаманаў Харэўскага і Перагуда, якія кантактавалі з украінскім партызанскім рухам, але палітычнага кіраўніцтва ўжо ня мелі.

Да арганізацыі антыбальшавіцкага партызанскага руху спрычыніліся некаторыя з утвораных ужо пад савецкай акупацыяй арганізацыяў, напрыклад, Саюз змаганьня за незалежнасьць Беларусі, заснаваны ў 1946 годзе. Ягоным кіраўніком быў камандзір партызанскага аддзелу Іван Раманчук (“Ястраб”). Да арганізацыі беларускага антыбальшавіцкага партызанскага руху мелі таксама дачыненьне й беларускія эміграцыйныя арганізацыі, якія дэлегавалі з гэтай мэтай на Бацькаўшчыну сваіх прадстаўнікоў (Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, Беларускі Вызвольны Рух, Замежны Сэктар Беларускай Незалежніцкай Партыі ды інш.).

Беларускі ўзброены рух ня быў аднародным і ня меў адзінага кіраўніцтва. Арганізацыйна ён афармляўся ў 1944—1945 гг. У гэты час на нелегальным становішчы знаходзіліся дзесяткі тысяч чалавек, якія імкнуліся пазьбегнуць мабілізацыі ў Чырвоную Армію, а таксама тыя, хто падчас нямецкай акупацыі працаваў у грамадзянскай адміністрацыі або служыў у беларускіх вайсковых фармацыях. У лясох, пераважна на Берасьцейшчыне, знаходзіліся і аддзелы Беларускай Народнай Партызанкі, якія супрацоўнічалі з УПА. Яны да 1948 г. часткова самазьліквідаваліся, часткова перайшлі на Захад. Нацыянальныя партызанскія аддзелы, у тым ліку арганізаваныя й Беларускай Незалежніцкай Партыяй падчас нямецкай акупацыі, дзейнічалі ў многіх раёнах Беларусі. Аднак далёка ня ўсе людзі, якія знаходзіліся на нелегальным становішчы, далучаліся да паўстанцкіх аддзелаў, многія хаваліся каля сваіх вёсак або нават у вёсках і гарадах, у чаканьні савецка-амэрыканскага ваеннага канфлікту.

Партызанскія аддзелы, як правіла, складаліся з людзей, якія пастаянна знаходзіліся ў лесе, і тых, хто легальна жыў у гарадах і вёсках, але спрыяў ці нават і ўдзельнічаў у партызанскіх акцыях. Звычайна партызаны, асабліва пасьля 1947 году, праводзілі дывэрсіі й тэрарыстычныя акты напярэдадні або падчас савецкіх дзяржаўных сьвятаў і палітычных мерапрыемстваў: рабіліся напады на выбарчыя ўчасткі, сельсаветы, зьнішчалася дакумэнтацыя, савецкая сымболіка, ужываўся тэрор супраць савецкіх і партыйных актывістаў, супрацоўнікаў міліцыі і дзяржбясьпекі, вайскоўцаў. Зьдзяйсьняліся дывэрсіі на чыгунцы: чыгунку падрывалі, рабіліся напады на таварныя цягнікі з мэтай іх зьнішчэньня або заваладаньня грузамі, падрываліся масты.

Нярэдка ўзброены супраціў набываў формы лякальных паўстаньняў, якія, як правіла, хутка здушаліся савецкімі ўладамі.

Беларускі партызанскі рух і падпольле дзейнічалі ня толькі на тэрыторыі БССР, але й па-за яе межамі: у Польшчы, Летуве, Латвіі, Украіне, Расеі. Нярэдка яны базаваліся на тэрыторыях, якія лічацца этнаграфічна беларускімі, але ўваходзілі ў склад суседніх краін ці рэспублік СССР, як тое было з Беласточчынай, Смаленшчынай і Віленшчынай. Беларускі ўзброены рух нельга зьвязваць толькі з дзейнасьцю партызанскіх аддзелаў. Многія праціўнікі савецкай улады, аб’яднаныя ў падпольныя арганізацыі й групы, або тыя, хто дзейнічаў самастойна, легальна жылі ў гарадах і вёсках, або хаваліся ў гэтых населеных пунктах, праводзілі дывэрсіі й тэрарыстычныя акцыі.

Да беларускага ўзброенага руху можна аднесьці і дэсантнікаў батальёну “Дальвіц”, якія ў 1944—1945 гадах перапраўляліся зь Нямеччыны ў Беларусь, а таксама сяброў Беларускага Вызвольнага Руху, Рады Беларускай Народнай Рэспублікі, Замежнага Сэктару БНП, якія да сярэдзіны 1950-х гадоў дэсантаваліся з Захаду на Бацькаўшчыне. Многія зь іх удзельнічалі ў арганізацыі беларускага партызанскага й падпольнага руху.

Будучы антыбальшавіцкі партызанскі рух пачаў рыхтавацца беларускімі нацыяналістамі яшчэ падчас нямецкай акупацыі. Гэтая падрыхтоўка йшла двума шляхамі: легальным і нелегальным. Яшчэ ў 1943 годзе Ўсевалад Родзька, як кіраўнік беларускай групы пры Абвэры, пачаў рыхтаваць дывэрсійную дзейнасьць супраць бальшавікоў ва Ўсходняй Беларусі. Пра тое, што ён пакідаў сваіх людзей на Віцебшчыне і Магілёўшчыне, сьведчыць Барыс Рагуля.

Нелегальная падрыхтоўка ўключала ў сябе стварэньне структураў Беларускай Незалежніцкай Партыі й нацыянальнай партызанкі. Партызанскія аддзелы, якія стварала БНП, пачынаючы з 1942 году ўваходзілі ў аддзел "Маладая Беларусь" (НАРБ, ф.3500, в.2, спр.51, арк.248, 248 адв). Паводле гісторыка Ўладзімера Гуленкі, найбольш партызанскіх аддзелаў (дванаццаць) БНП стварыла на Палесьсі (Энцыкляпэдыя гісторыі Беларусі, Менск, 1993, т.1, б. 393).

Менская легальная прэса вясной 1944 году рэгулярна інфармавала пра антысавецкі партызанскі рух ва Ўсходняй Беларусі. Газэта "Голас вёскі" пісала 14 красавіка 1944-га: "У тыле бальшавікоў увесь час шырыцца рух зялёных… Асабліва моцна шырыцца рух зялёных у тых раёнах, якія пакідаюць немцы. Жыхарства, што засталося, не жадае пападаць у лапы энкавэдыстых, хаваецца ў лесе і пачынае змаганьне супроць бальшавікоў. У раёне Яноўкі, што на захад ад Гомеля, зялёныя напалі на бальшавіцкі аэрадром і захапілі некалькі самалётаў. У некаторых зялёных атрадах ёсьць аўтамашыны і артылерыя…"

Апошні нумар "Бюлетэня БНП" выйшаў у Заходняй Нямеччыне ўвосень 1946 году, і ў ім быў зьмешчаны артыкул "На баявых становішчах", у якім распавядалася пра беларускі антыбальшавіцкі рух на Бацькаўшчыне. Аднак, як выглядае з гэтай публікацыі, у Замежнага Сэктару Беларускай Незалежніцкай Партыі былі зьвесткі толькі пра тыя партызанскія аддзелы, зь якімі ўдалося ўстанавіць сувязь. А менавіта: аддзел Караля на Браслаўшчыне; безыменны аддзел каля Казлоўшчыны; аддзел Л. (Аляксандра Ленеца або Сьцяпана Лабовіча?) каля Зэльвы; аддзел "сябры Алега" (Алега Лапіцкага?) на Вілейшчыне; аддзел палкоўніка Г. на Меншчыне й Случчыне. Няма тут аддзелу Віктара Сікоры, які дзеяў на Шаркаўшчыне ў 1945 годзе й сувязі з Захадам ня меў. Няма зьвестак пра партызанку ва Ўсходняй Беларусі, агульна гаворыцца пра партызанку Палесься. Адзначалася, што сувязь з палескімі партызанскімі групамі выпадковая і што дзейнічалі тыя сумесна з УПА.

Найбольш актыўнай выглядае дзейнасьць у лютым—траўні 1945-га аддзелу Караля, у якім было да 500 чалавек. Партызаны вынішчалі агентаў НКВД у вёсках. Відаць, дзесьці ў траўні 1945-га гэты аддзел панёс цяжкія страты і быў вымушаны адысьці ў Дзісьненскі раён. Вясной—летам 1946 году партызаны Караля ўзнавілі сваю дзейнасьць. Невядома, хто быў такі Кароль і адкуль ён быў родам, але дакладна, што ён сябра БНП. (Па сьведчаньню Андрэя Вайтовіча, які дэсантаваўся на Беларусі ў верасьні 1944 году, зь ім ляцеў і нейкі Кароль. Караля і радыста скінулі пад Смаргонь, куды пазьней на сувязь зь імі павінен быў паехаць Вайтовіч, але быў арыштаваны. На сьледзтве ў Вайтовіча пра Караля нічога не пыталіся, таму ён лічыць, што яго чэкісты ня ўзялі, прынамсі, жывым. Тут ня трэба блытаць гэтага Караля з Усеваладам Каралём, таксама сябрам БНП, які жыў і дзейнічаў у Баранавічах).

Невядома, ці меў ягоны аддзел нейкае дачыненьне да штурму Полацка 1 траўня 1945 году і ці ня там ён быў разьбіты? Як сьведчыць былы супрацоўнік пракуратуры Андрэй Кісялёў, узяцьце Полацка рыхтавалі "банды", у якіх "была ваенная тэхніка, шмат людзей". І толькі аддзелы "Сьмерша" спынілі партызанаў на падыходах да гораду (Черкасова В. "Расстреливали немного, в год человек пятьдесят…" // Белорусская деловая газета, 1999, 2 ліпеня, № 24).

Што да Алега Лапіцкага, дык яшчэ ў канцы 1944-га яго арыштавалі. Праўда, яго людзі маглі дзейнічаць і пасьля ягонага арышту. Што да “палкоўніка Г.”, дык адзіны на той час падпалкоўнік Г. — Язэп Гуцька (магчыма, афіцэр такога рангу мог быць у Беларускім Краёвым Войску на ўсходзе Беларусі). Гуцька ж быў начальнікам штабу Беларускае Самааховы, яму прапаноўвалі ўзначаліць у 1944 годзе і штаб БКА. Аднак па стане здароўя ды па ўзросце, напэўна, ён ня мог браць удзел у партызанцы. Гуцька памёр у ЗША ў ліпені 1956 году (А.О. Памяці генэральнага штабу палкоўніка Язэпа Гуцька // Бацькаўшчына, 1956, 29 ліпеня, № 31).

Зноў жа з эміграцыйных крыніцаў вядома, што ў 1945 годзе вялікія беларускія партызанскія асяродкі былі створаныя ў Белавежскай пушчы, на Палесьсі і на Браншчыне і Гомельшчыне (Жыган А. Беларускія збройныя адзінкі ў 1941—1945 гг. // Дакуманты і Факты (Таронта—Нью-Ёрк), 1955, студзень—люты, № 5). Ёсьць зьвесткі пра некаторыя акцыі, якія беларускія антыбальшавіцкія партызаны праводзілі ў 1945—1946 гадах. У 1945 годзе беларускія партызаны ўзарвалі савецкі вайсковы цягнік каля Слоніма. Было спалена 20 грузавікоў і зьнішчаная ўся ахова транспарту. Колькасьць і склад удзельнікаў акцыі невядомыя. У тым жа годзе быў зьдзейсьнены напад на савецкі вайсковы цягнік у Крывічах каля Маладзечна. Партызаны захапілі савецкую амуніцыю, але забраць усё не змаглі. Колькасьць і склад удзельнікаў акцыі таксама невядомыя (Беларускі народ церпіць і змагаецца // Бацькаўшчына, 1948, 21 лістапада). У 1945—1946 гадах праходзілі акцыі беларускіх партызанаў на чыгунках Беласток—Баранавічы і Беласток—Берасьце. Чыгунка амаль не функцыянавала, бо кантралявалася партызанамі (Рух, 1946, № 2—3, б. 32, 33).

У 1946 годзе адбылася нарада кіраўніцтва беларускага партызанскага руху. У сувязі зь недахопам амуніцыі, харчоў ды іншага было пастаноўлена партызанскія аддзелы расфарміраваць на невялікія мясцовыя групы ад 3 да 10 чалавек. Пасьля гэтага акцыі праводзіліся толькі падчас савецкіх палітычных кампаніяў і сьвятаў, рабіліся напады на невялікія аддзелы МВД (Беларускі народ церпіць і змагаецца // Бацькаўшчына (Мюнхэн), 1948, 21 лістапада). На наступнай нарадзе, у 1947 годзе, кіраўніцтва беларускага партызанскага руху пастанавіла “ашчаджаць людзей і народнае багацьце, устрымацца ад непатрэбнага дражненьня савецкіх уладаў. Партызаншчынай ня вызваліш народу ані краіны, а трэба чакаць вайны і тады дзеіць…” (Бацькаўшчына, 1948, 21 лістапада).

Супраць беларускай партызанкі Саветы кідалі вялікія вайсковыя сілы, праводзілі сапраўдныя вайсковыя апэрацыі з выкарыстаньнем танкаў, самалётаў, артылерыі. У 1945 годзе буйнамаштабная антыпартызанская акцыя праводзілася на Гомельшчыне й Браншчыне, у 1945—1946 гадах — на Палесьсі, у 1946—1947 гадах — у Белавежскай пушчы, у 1947 годзе — на Віленшчыне й Браслаўшчыне (Смалькоў В. Беларускія партызаны паводле савецкіх даных // Дакуманты і Факты, 1957, студзень—сакавік, № 11).

У справаздачы аб рабоце ЦК КП(б)Б зь лета 1944 да чэрвеня 1946 году адзначалася, што ў акрэсьлены пэрыяд у БССР было забіта 3035 і арыштавана 17.872 партызаны й удзельнікі падпольных антысавецкіх арганізацыяў. Было выкрыта й арыштавана 5.620 “агентаў замежных разьведвальных і контрразьведвальных органаў”. Савецкія карнікі ліквідавалі 814 падпольныя арганізацыі і партызанскія атрады, зь іх: 667 польскіх, 97 беларускіх, 23 украінскія і 27 іншых “фашысцка-нацыяналістычных арганізацыяў і бандаў”. Савецкія войскі захапілі падчас антыпартызанскіх апэрацыяў і ліквідацыі падпольля 211 мінамётаў, 193 супрацьтанкавыя ружжы, 3.587 кулямётаў, 68.377 аўтаматаў і вінтовак, 2.979 пісталетаў, 36.078 гранатаў і мінаў, 5 тонаў толу, каля 4 мільёнаў патронаў, 40 памнажальных апаратаў, 47 рацыяў.

У справаздачы адзначалася, што на працягу 1944—1946 гадоў савецкія войскі й грамадзянская адміністрацыя згубілі 924 чалавекі: 242 партыйныя работнікі і вясковыя савецкія актывісты, 320 “істрабкоў” і агентаў дзяржбясьпекі, 362 салдаты й афіцэры МВД і МГБ (НАРБ, ф.4, в.29, спр.521, а.28).

Паводле дакладу наркама дзяржбясьпекі БССР Л.Цанавы ЦК КП(б)Б, у 1947 годзе было цалкам ліквідавана 36 партызанскіх атрадаў, а часткова 41 атрад. Было выкрыта 15 падпольных беларускіх, польскіх і ўкраінскіх арганізацыяў у Баранавіцкай, Маладзечанскай, Берасьцейскай, Гарадзенскай і іншых абласьцях (НАРБ, ф.4, в.61, спр.479, а.3—4).

Пра структуру арганізацыі “Чорнага Ката” падрабязна напісаў адзін зь яе ўдзельнікаў: “Вітушка… штодня праводзіць з сваімі кіраўнікамі аддзелаў сытуацыйныя канфэрэнцыі. Ад розных неспадзёвак яго ахоўвае варта — малапрыкметныя хлопцы. Удзень і ўначы заўсёды напагатове, пільнуючы ля радыёвых апаратаў тыпу “Добра” і “Цаэсар”.

Вітушка… заўсёды мае тысячы розных намыслаў. За кароткі, параўнаўча, час здолеў ён згуртаваць блізу 50.000 партызанаў. У недаступных лясох мае свае базы і складзішчы… У цяжкадаступных лясох каля Коўны, Ліды, Маладзечна і Баранавічаў усякія ваенныя акцыі з боку Саветаў ня маюць посьпеху, а выкрыцьцё гэтых бункераў — справа зусім немагчымая.

…Вітушка зьяўляецца правадыром Беларускай Незалежніцкай Партыі. Толькі на абшарах паміж Коўнам і Берасьцем ён дыспануе 45-тысячным войскам, дасканала ўзброеным і забясьпечаным.

Партызанскія аддзелы ўвесь час папаўняюцца навабранцамі, якія ня хочуць служыць у савецкай арміі… Сваю партызанскую дзейнасьць Вітушка ажыцьцяўляе, галоўным чынам, праз напады на савецкія транспарты. Ён мае даволі шырокія міжнародныя сувязі, часьціну найноўшай зброі ён атрымлівае з-за мяжы.

Калі бракуе грошай, аддзелы Вітушкі арганізуюць напады на банкі ў Коўна, Вільні або іншыя. Вельмі часта зьвязанаму дырэктару банку пакідаюць паквітаньне на забраную гатоўку. Савецкія ўрадоўцы мусяць пагадзіцца з фактам і прызнаваць гэтыя паквітаньні, на якіх стаіць “службовая пячатка” — гатовы да скоку чорны кот.

…Аддзелы Вітушкі пад агульным назовам “Чорны Кот” зматарызаваны, маюць палёвыя тэлефоны і радыёвыя станцыі — прыймовыя і надаўчыя” (Бацькаўшчына, 1949, 30 чэрвеня).

Пакуль невядома, калі зьявіўся варыянт назову беларускай партызанскай арганізацыі — “Чорны Кот”. У розных крыніцах падаюцца адрозныя “расшыфроўкі” “Чорнага Ката”. Гэта й агульны назоў партызанскіх аддзелаў Вітушкі, назоў аднаго з аддзелаў, які пасьля замацаваўся й за іншымі, нават назоў дэсантнага атраду “Дальвіца”, які дэсантаваўся 17 лістапада 1944 году на Беларусі. Юрка Віцьбіч лічыў, што гэта назоў беларускай тэрарыстычнай арганізацыі. Ёсьць зьвесткі, што гэта была кодавая мянушка Вітушкі, і яго на эміграцыі пасьля называлі “Чорным Катом”...

Дарэчы, “чорная кошка” была вельмі папулярная ў першыя пасьляваенныя гады амаль па ўсім Савецкім Саюзе. У некаторых рэгіёнах пад такім назовам дзейнічалі крымінальныя групы. У дакумэнтах жа МГБ крымінальныя й палітычныя структуры заўсёды падзяляліся. Аднак здаралася й адваротнае. На паседжаньні бюро ЦК КП(б)Б 2 сьнежня 1947 году адзначалася, што “падрыўная работа” “грабежніцкіх бандаў і крымінальна-злачынных элемэнтаў” “у шэрагу выпадкаў праводзіцца разам з нацыяналістычнымі элемэнтамі й перарастае ў палітычныя акты” (НАРБ, ф.4, в.61, спр.479, арк.4).

Ёсьць зьвесткі, што ў 1949—1950 гадах кіраўніцтва “Чорнага Ката” зьмяніла тактыку

антыбальшавіцкай барацьбы. Гэта было выклікана як міжнароднай сытуацыяй, так і вялікімі стратамі партызанскіх аддзелаў у баях з войскамі МВД. “Чорны Кот” усё больш трансфармаваўся з партызанскай арганізацыі ў тэрарыстычную падпольную арганізацыю. Большасьць партызанаў, якія яшчэ заставаліся ў лесе, легалізаваліся. Па некаторых зьвестках, у сярэдзіне 1949 году адбылася рэарганізацыя партызанкі. Аднак яшчэ ў лістападзе 1949-га аддзелы “Чорнага Ката” вялі цяжкія баі з войскамі МВД. А ў верасьні 1949 году беларускія партызаны напалі на канцлягер каля Менска. Мэтай гэтай акцыі было вызваленьне вязьняў, сярод якіх былі й нямецкія ваеннапалонныя. Паміж партызанамі й аховай канцлягера адбыўся жорсткі бой. Падышоўшыя часьці Чырвонай Арміі або МВД прымусілі партызанаў адыходзіць у лес. У гэтым баі кожны бок страціў каля 50 чалавек забітымі. У нападзе ўдзельнічала некалькі сотняў партызанаў (Партызанскі бой пад Менскам // Бацькаўшчына (Мюнхэн), 1955, 23 кастрычніка, №43). Гэта можа сьведчыць пра тое, што рэарганізацыя адбывалася паступова, рэгіён за рэгіёнам.

Сяргей Хмара, Васіль Вір і Юрка Стасевіч, калі ў таронцкім “Беларускім голасе” пісалі пра пасьляваенную партызанку генэрала (яны заўсёды пісалі “маёра”) Вітушкі, адзначалі, што, у адпаведнасьці з рашэньнем Бэрлінскай канфэрэнцыі БНП, партызанка існавала да 1950 году, калі самазьліквідавалася. Але ліквідацыя партызанкі яшчэ не азначала спыненьня Супраціву. У эміграцыйнай газэце “Вольнае слова” ў верасьні 1950 году было зьмешчана “Прывітаньне”: “Часапіс беларускіх партызанаў “ЗА ВОЛЮ” піша: “Перасылаем вам, братом па волі, свае вітаньні і цьвердзім, што змаганьне ня спыніцца!” І, сапраўды, змаганьне не спынілася. Супраціў набываў іншыя формы, зрабіўшы стаўку на захаваньне сілаў у чаканьні савецка-амэрыканскага ваеннага канфлікту.

Мюнхэнская газэта “Бацькаўшчына” 25 сакавіка 1950 году паведамляла цікавыя факты, што да дзейнасьці й тактыкі “Чорнага Ката”: “Прэса Заходняе Эўропы штораз часьцей успамінае аб беларускай партызанцы пад Вільняй, Горадняй, Лідай, Менскам і Баранавічамі, якая вядзе асабліва зацятае змаганьне з НКВД і ягонымі агентамі. Часамі гэтыя дробныя партызанскія аддзелы лучацца ў большыя адзінкі й на цэлыя тыдні займаюць гарады і мястэчкі, затрымліваюць цягнікі, вызваляюць вязьняў і г.д. Мясцовае жыхарства ў большасьці выпадкаў шчыра падтрымлівае іх, дзе толькі мага”.

Як бачым, тэрыторыя дзейнасьці беларускай партызанкі генэрала Вітушкі ў 1950 годзе была даволі шырокай: Усходнія Прусы, Беласточчына, Гарадзеншчына, Берасьцейшчына, Віленшчына, Меншчына, Баранавіччына. Здаецца, гэта быў апошні год, калі на Захад прыходзілі весткі пра партызанскія акцыі на Беларусі.

Пасьля 1950 году беларуская эміграцыйная прэса пісала пра дзейнасьць “Чорнага Ката” вельмі рэдка. Увосень 1951-га сьвет абляцела вестка пра антыбальшавіцкую дэманстрацыю ў Вільні. Эміграцыйны часапіс “Божым шляхам” у №5 за верасень-кастрычнік 1951 году пісаў: “Паводле вестак, якія нядаўна атрыманы з Бэрліну, сёлета Віленшчына перажывала вельмі ўзмоцненую хвалю вывазу ў Сібір і асабліва жорсткае прасьледаваньне каталікоў беларусаў і летувісаў. Аднак увесь бальшавіцкі тэрор ня здолеў зламаць народнага руху супраціву. Калі ў Вільні 8-га верасьня бальшавікі склікалі мітынг, дык партызаны з радоў “Чорнага Ката” выкарысталі яго для супрацьбальшавіцкае дэманстрацыі. Кінуўшы некалькі пэтардаў, яны выклікалі замяшаньне, у часе якога ўзносіліся супрацьбальшавіцкія клічы й дамаганьні асноўных свабодаў, вольнасьці слова і згуртаваньняў. Паліцыя мітынг разагнала, але наступнага дня ў ваколіцы Вільні зьявіліся лятучкі на беларускай, летувіскай і польскай мовах з заклікам гуртаваньня супрацькамуністычных сілаў і да супрацькалгаснае акцыі”.

У 1954 годзе “Бацькаўшчына” некалькі разоў узгадвала пра беларускі партызанскі

рух. Ніякіх фактаў змаганьня, аднак, не падавалася. Магчыма, іх не было, або пра іх ня ведалі (што больш верагодна) на эміграцыі. 31 студзеня 1954 году газэта пісала: “Як ведама, пад назвай “Чорны Кот” выступала вялікая беларуская партызанская група, што яшчэ нядаўна дзеяла ў Заходняй Беларусі й знаходзілася пад камандаваньнем правадыра беларускіх партызанаў генэралаВітушкі”. 18 ліпеня 1954 году “Бацькаўшчына” зьмясьціла артыкул “Партызаны на Беларусі гатовыя й чакаюць”. Аднак эміграцыйная пэрыёдыка ўжо занадта перабольшвала сілы беларускіх партызанаў. У сярэдзіне 1950-х іх засталося вельмі мала. З камандзіраў, які загінуў адным з апошніх, нам вядомы сябра БНП Аўген Жыхар. Ён загінуў у баі летам 1955 году…

Пасьля паразы Вугорскага вызвольнага паўстаньня 1956 году стала зразумела, што Захад не дапаможа антыкамуністычным падпольным рухам у СССР. Праўдападобна, пасьля гэтага Міхал Вітушка спыняе актыўны збройны супраціў акупантам. Партызанская барацьба перастала быць адзіным сродкам Супраціву.

Яшчэ на пачатку 1960-х на эміграцыі пісалася пра партызанку на Беларусі, але ўжо не як пра “Чорнага Ката”, а як пра нейкія невядомыя “збройныя групы”. Напрыклад, “Беларускі голас” у студзені 1960 году пісаў, што на ўсходзе Беласточчыны дзеялі “банды савецкіх дэзэртыраў”, якія зімой 1958-га “ў выніку аграмаднай “ачышчальнай” апэрацыі, праведзенай савецкімі войскамі ўнутранай бясьпекі на Беларусі, перабраліся туды. Пра гэта ж пісала “Бацькаўшчына” 31 студзеня 1960 году. Лёс гэтых людзей невядомы.

Пакуль немагчыма дакладна сказаць, якія дачыненьні мела партызанскае кіраўніцтва зь беларускімі эміграцыйнымі палітычнымі цэнтрамі, і ці былі яны наагул. Выглядае так, што генэрал Вітушка быў абсалютна незалежны і ад Рады БНР, і ад Беларускай Цэнтральнай Рады.

Беларуская эміграцыя, зь цяжкасьцю верыла ў існаваньне Беларускага Рэзыстансу на Бацькаўшчыне. Аднак ведамы партызанскі плякат “Браты, не забывайцеся нас!”, выпушчаны адмыслова для эмігрантаў, каб не забываліся, што на Бацькаўшчыне ідзе крывавае змаганьне з акупантам.

Партызанам на Беларусі, перад пагрозай зьнішчэньня, было прасьцей дамовіцца паміж сабой, чымсьці “палітыкам” у адносна бясьпечнай Заходняй Нямеччыне. Аднак ёсьць зьвесткі, што й партызанскі рух быў неаднародны. Генэрал Вітушка кантраляваў толькі частку яго. Невядома, як складваліся адносіны ў яго з іншымі аддзеламі й арганізацыямі. Але ёсьць падставы меркаваць, што яны, ці ня ўвесь час існаваньня Супраціву, існавалі паралельна з “Чорным Катом”. Напрыклад, рэшткі беларускае народнае партызанкі на Палесьсі або малавядомая Беларуская Дэмакратычная Армія.

Па прыкладу іншых рухаў Супраціву ў краінах Усходняй Эўропы, партызанка “Чорнага Ката” (Беларускага Краёвага Войска або Беларускай Вызвольнай Арміі) павінна была мець сваё прадстаўніцтва на Захадзе. Як нелегальнае, якое напэўна існавала, так і легальнае, якое павінна было б кантактаваць з адпаведнымі службамі заходніх краінаў. Пра існаваньне апошняга нічога невядома. Магчыма, яго функцыі выконвала адна з існуючых у той час беларускіх эміграцыйных арганізацыяў, як Рада БНР, Замежны Сэктар БНП або Беларускі Нацыянальны Цэнтр.

Беларускі Нацыянальны Цэнтр (БНЦ) быў заснаваны 15 жніўня 1945 году на нелегальным сходзе беларускага нацыянальнага актыву ў Рэгэнсбургу, у амэрыканскай акупацыйнай зоне Нямеччыны. Сярод 12 прысутных былі: Радаслаў Астроўскі, Мікола Абрамчык, Аўген Каханоўскі (Калубовіч), Барыс Рагуля ды інш. БНЦ мусіў стаць “беларускім цэнтральным прадстаўніцтвам” на Захадзе.

Утвораны ў 1945 годзе БНЦ меў на мэце “мабілізаваньне і арганізаваньне ўсіх

беларускіх нацыянальных сілаў для няўтомнага і бескампраміснага змаганьня супраць бальшавізму і ўсякіх іншых формаў паняволеньня беларускага народу”, змаганьне “за палітычную, нацыянальную, рэлігійна-царкоўную, сацыяльную і эканамічную незалежнасьць беларускага народу”. БНЦ у сваіх праграмных дакумэнтах заяўляў пра сваю прынцыповую арыентацыю на свае ўласныя сілы. Арганізацыя афіцыйна заяўляла пра сваю надпартыйнасьць, але ўсё ж знаходзілася пад уплывам Рады БНР, якая да сьнежня 1947 году дзеяла нелегальна. Такім чынам, Рада БНР і Беларускі Нацыянальны Цэнтр у той час дзейнічалі супольна, гуртуючы найбольш актыўныя сілы беларускай эміграцыі.

У 1948—1949 гадах, адначасова з актывізацыяй Рады БНР, роля БНЦ пачала зьмяншацца, пакуль ён канчаткова ня зьнік з палітычнай арэны.

Цікава, што ў абарону беларускіх партызанаў выступіла эміграцыйная Беларуская Народная Партыя (старшыня — Яўхім Кіпель). У 1948 годзе рэдакцыя ейнага партыйнага органу газэты “Беларуская воля” выдала адмысловы “Заклік пратэсту” супраць расстрэлаў бальшавікамі палонных беларускіх партызанаў:

“Заклік ПРАТЭСТУ

Мы заклікаем беларускую прэсу на эміграцыі правясьці пратэст супроць жорсткага і негуманітарнага караньня беларускіх патрыётаў і барацьбітоў Бацькаўшчыны, так званай Беларускай Партызанкі, якія, злучаныя адным заклікам Вольнае і Незалежнае Беларусі, змагаюцца з камунізмам.

Камуністы, здабыўшы ў палон на полі змаганьня за Незалежнасьць Беларусі раненых ці аслабленых беларускіх партызанаў, вытвараюць над імі камэдыі прысуду і расстрэльваюць або вешаюць іх як “бандытаў і злачынцаў”.

Мы, беларускія патрыёты, знаходзячыся на эміграцыі, войстра пратэстуем супроць такога трактаваньня беларускіх партызанаў, бо яны жаўнеры, палітычныя праціўнікі камунізму, зь якім змагаюцца і ідуць паміраць за Волю і Шчасьце Бацькаўшчыны, за Вольную і Незалежную Беларусь. Слава і гонар беларускай партызанцы.

Рэдакцыя” (Беларуская воля (Заходняя Нямеччына, орган Беларускай Народнай Партыі), 1948, лістапад, №17 (18)).

Падобныя звароты былі для беларускай эміграцыі хутчэй выключэньнем, чымсьці правілам. А нагоды для іх былі. Сапраўды, бальшавіцкія акупанты расстрэльвалі на месцы большасьць узятых у палон беларускіх партызанаў. У газэце “Вольнае слова” (№№ 2—3, красавік 1950 г.) быў зьмешчаны артыкул “Партызаны Беларусі на Сібірскай катарзе”, у якім адзначалася, што ў канцлягерах Сярэдняй Азіі й Сібіры “сярод катаржнікаў і прымусовых работнікаў ІСНУЕ яшчэ ГРУПА ПАЎСТАНЦАЎ — палякаў, украінцаў і БЕЛАРУСАЎ. Кожны зь іх быў засуджаны на найменш 20 гадоў катаржнай працы. Яны пераказвалі, што з узятых у палон іхных таварышаў тры чацьвёртыя былі адразу, на месцы расстраляныя...”

ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1956 ГОДА.

В мире все произошедшее в Будапеште 23 октября 1956 года известно как Венгерское восстание, или Венгерская революция.

Венгерское восстание – одно из ярких событий «холодной войны», продемонстрировавшее, что СССР готов применить любую силу для доказательства нерушимости Организации Варшавского договора.

Причиной восстания, которое в СССР называли не иначе, как «фашистский мятеж», стало экономическое положение Венгрии, связанное с коллективизацией и внедрением плановой экономики, а также то, что Венгрия как бывшая союзница Германии вынуждена была выплачивать в пользу СССР, Чехословакии и Югославии репарации, составлявшие до четверти ВВП страны.

Смерть Сталина и речь Хрущева на XX Съезде КПСС породили брожение по всему восточному блоку.

Волнения в Венгрии начались уже в первой половине 1956 года и к 18 июля привели к отставке генерального секретаря Венгерской коммунистической партии Матьяша Ракоши, который был заменен Эрнё Герё. Отстранение Ракоши, а также вызвавшее большой резонанс Познанское восстание в Польше, привели к росту критических настроений в среде студенчества и интеллигенции.

Вечером 23 октября студенты Будапештского технологического университета вышли на демонстрацию с целью выразить поддержку недавно назначенному руководителю Польши Владиславу Гомулке, которого в Восточной Европе считали реформатором. К демонстрации стали присоединяться прохожие, а вслед за ними и находившиеся в оцеплении солдаты венгерской армии, которые стали срывать со своих фуражек красные звезды. Вскоре толпа насчитывала более 100 тысяч демонстрантов. Люди были возбуждены, но их протест оставался мирным.

Ключевым моментом стало то, что перед зданием парламента по демонстрантам открыли огонь сотрудники ГБ. После этого ситуация вышла из-под контроля: демонстранты начали захватывать охотничьи магазины, а рабочие оружейных заводов и арсеналов, взломав двери, – раздавать оружие демонстрантам.

В тот же день в конфликт вступили советские войска (по соответствующему формальному запросу венгерского руководства). Однако их активность на этом этапе была невелика. Боевые действия с участием советских войск велись только в отдельных районах Будапешта, а в провинции советскому командованию удалось быстро достичь с местными властями соглашений о прекращении огня.

Ночью 23 октября руководством Венгерской коммунистической партии было принято решение назначить премьер-министром Имре Надя, уже занимавшего этот пост в 1953–1955 годах и отличавшегося реформаторскими взглядами, за которые он был репрессирован, но незадолго до восстания реабилитирован.

Вскоре первый секретарь ЦК ВКП Эрнё Герё и бывший премьер Андраши Хегедюш обратились к советскому правительству с просьбой о помощи в подавлении восстания.

В ночь на 24 октября в Будапешт были введены 6000 солдат Советской Армии, 290 танков, 120 БТР, 156 орудий. Вечером к ним присоединились части 3-го стрелкового корпуса Венгерской народной армии.

Утром к городу подошла 33-я гвардейская мехдивизия, вечером – 128-я гвардейская стрелковая дивизия. Днем во время мирного митинга у здания парламента произошел инцидент: с верхних этажей открыли огонь, в результате чего погиб советский офицер и был сожжен танк. После этого начались активные действия по зачистке города от повстанцев.

Однако вскоре все советские войска были уведены в места дислокации. Улицы венгерских городов остались без власти. Начались грабежи и так называемый в советской истории «белый террор».

По официально подтвержденным данным, с 23 октября по 31 декабря 1956-го жертвами расправ толпы стали 37 человек: несколько партработников, сотрудников УГБ и полиции. Во время тех событий силами госбезопасности, полиции и советскими войсками было убито не менее 350 одних лишь демонстрантов, тысячи людей ранили.

В сложившейся ситуации Надь мало что мог сделать. Восстание перекинулось на другие города и расползлось по стране. Быстро наступил хаос. Прервалось железнодорожное сообщение, прекратили работу аэропорты, закрылись лавки, магазины и банки.

Пиком событий стало объявление Имре Надем 30 октября 1956 года решения о выходе Венгрии из ОВД.

Советским руководством и войсками данное развитие событий однозначно расценивалось как фашистский мятеж. 3 ноября Яношем Кадаром было сформировано «революционное рабоче-крестьянское правительство», которое обратилось к СССР с просьбой оказать содействие в подавлении контрреволюционного мятежа.

4 ноября в Венгрию были введены новые советские войска под общим командованием Георгия Жукова – свыше 31 500 военных, 1130 танков и самоходных орудий, 615 стволов артиллерии.

В отличие от действий советских войск 23 октября Советской Армией проводилась детально проработанная войсковая операция, которая совмещала авиационные и артиллерийские удары по очагам сопротивления и последующие зачистки силами пехоты при поддержке танков. Основными центрами сопротивления стали рабочие пригороды Будапешта, где местные советы восставших возглавили организованное сопротивление.

К 10 ноября рабочие советы и студенческие группы обратились к советскому командованию с предложением о прекращении огня.

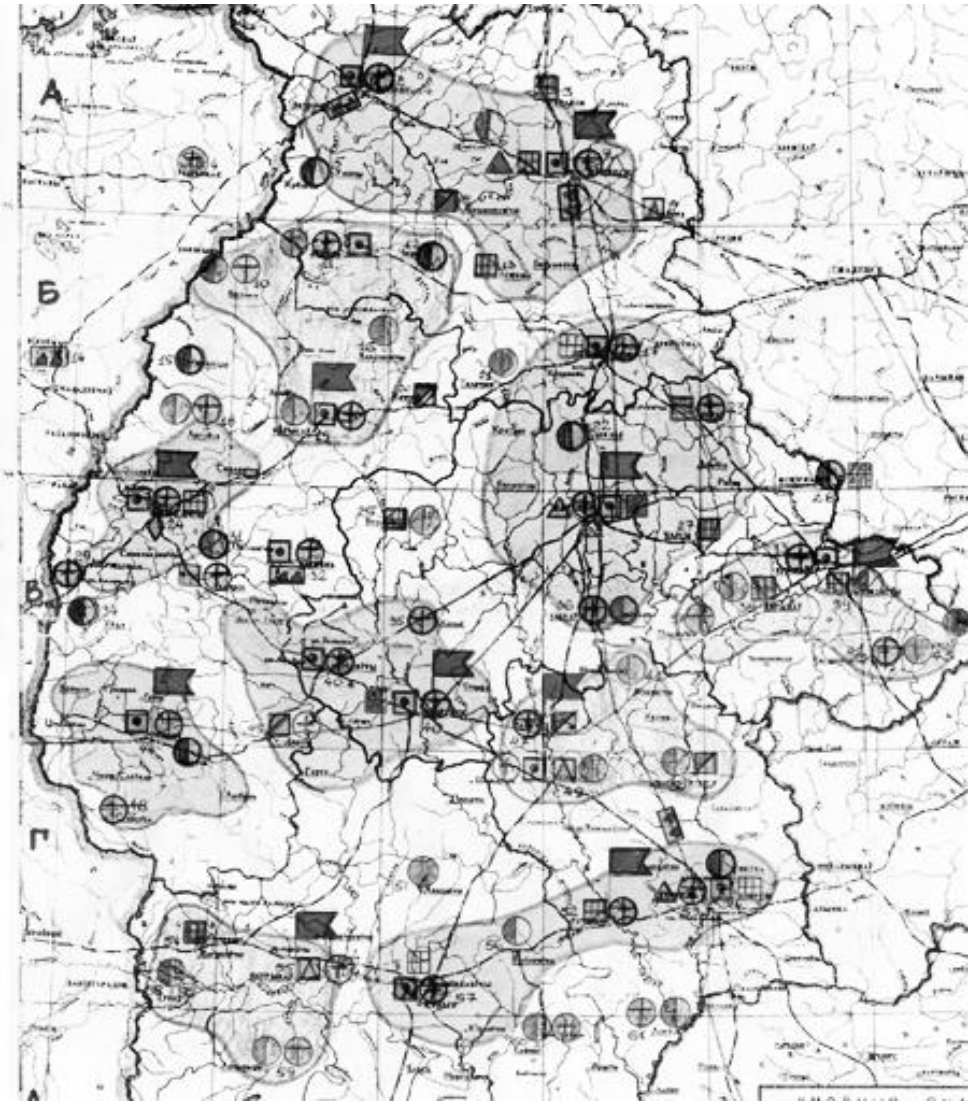
Маршал Георгий Константинович Жуков «за подавление венгерского фашистского мятежа» получил четвертую Звезду Героя Советского Союза, а председатель КГБ СССР Иван Серов в декабре 1956-го – орден Кутузова 1-й степени.

После 10 ноября рабочие советы продолжали свою работу еще до середины декабря. Однако к 19 декабря 1956-го органами государственной безопасности рабочие советы были разогнаны, а их лидеры репрессированы. Венгры в массовом порядке эмигрировали – страну покинули почти 200 тысяч человек. По отдельным оценкам, около 1200 человек были казнены. Многие повстанцы были арестованы и попали в тюрьмы, однако к 1963 году все были освобождены правительством Яноша Кадара.

Премьер-министр Имре Надь укрылся в посольстве Югославии, опасаясь советских властей. Но 22 ноября его выманили оттуда, арестовали и повесили за государственную измену 16 июня 1958 года. После падения коммунистического режима Имре Надь был объявлен национальным героем Венгрии, его прах был торжественно перезахоронен в июле 1989 года.

По официальным данным, во время событий 1956 года погибли 2652 и ранены 19 226 венгров. Свыше 800 человек депортированы в СССР. Официальные потери советских войск (по данным 2001 года) составили 669 человек убитыми, 51 – пропавшими без вести и 1540 – ранеными и травмированными.

ДАДАТКІ


А
Б
В
Г

Карныя аперацыі органаў АДПУ–НКУС. 1929—1941 г

УМОЎНЫЯ ЗНАКІ

Населеныя пункты

па тыпах пасялення (на 22.06.38 г.)

БАБРУЙСК	гарады
Карма	мястэчкі
Грэск	іншыя

па адміністрацыйнаму значэнню

МЕНСК	сталіца БССР
ГОМЕЛЬ	цэнтры абласцей
БЫХАЎ	цэнтры раёнаў

Тэрытарыяльныя органы АДПУ(Аб'яднанага Дзяржаўнага палітычна ўпраўлення) – НКУС (народнага камісарыята ўнутраных спраў)

"тройкі" УНКУС

асобная "тройка" НКУС

Месца дыслакацыі камандавання аперсэктароў

Межы аперсэктароў

Месцы пазбаўлення волі. Раёны масавых растрэлаў і пахаванняў.

турмы

следчыя ізалятары

унутраныя турмы НКУС

папраўча-працоўныя лагеры (ППЛ)

папраўча-працоўныя калоніі (ППК)

месцы масавых растрэлаў і пахаванняў

месцы растрэлаў калон вязняў

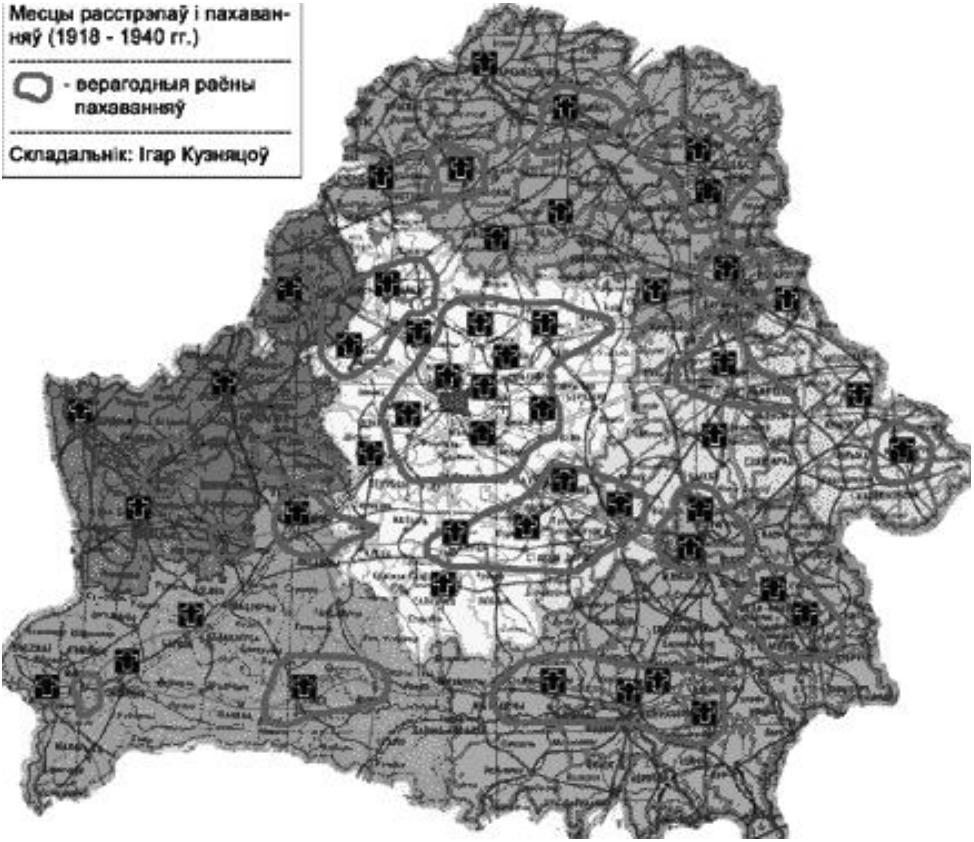
Граніцы

дзяржаўныя

МАПЫ РАССТРЭЛАЎ

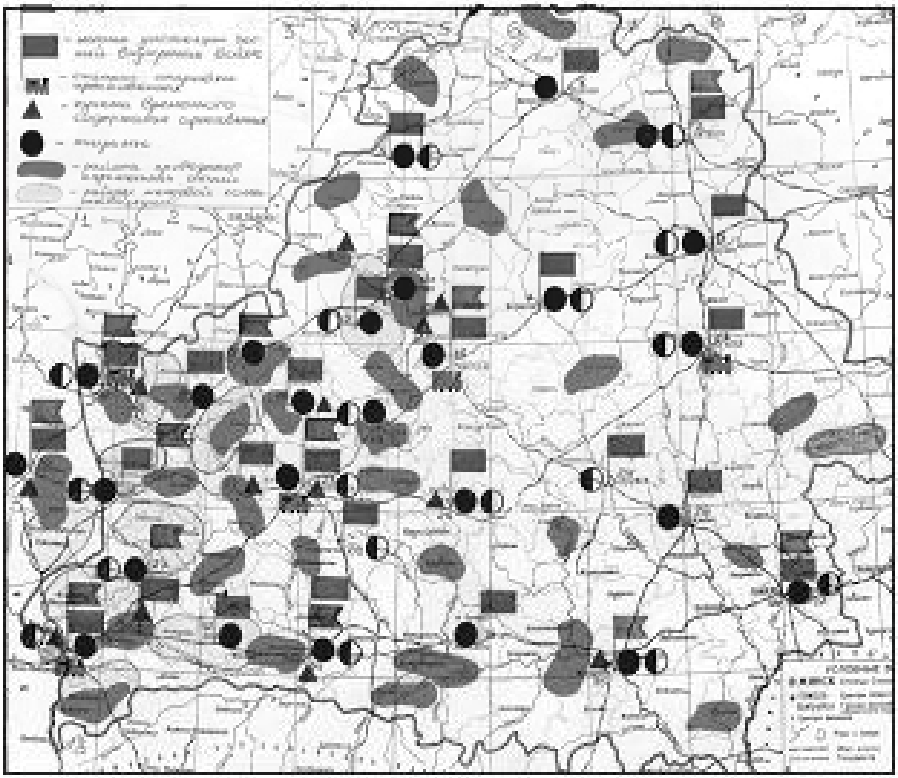
Складальнік Ігар кузняцоў.

Мапа месцаў масавых расстрэлаў і пахаванняў на тэрыторыі Беларусі.



Чырвонаю рысаю пазначаны верагодныя месцы пахаванняў.
Чорнымі крыжамі на мапе пазначаны месцы масавых растрэлаў жыхароў Беларусі 1918-1940 гг.

Карныя акцыі НКУС–МУС–МДБ. 1944—1953 гг.



УМОЎНЫЯ ЗНАКІ

Дыслакацыя спецпадраздзяленняў

часцей МДБ (Міністэрства дзяржаўнай бяспекі)

часцей УВ (Унутраныя войскаў)

Раёны правядзення карных акцый

чэкісцка-вайсковыя аперацыі

раёны суцэльнай калектывізацыі

Аб'екты ГУЛАГу

Чыгуначныя станцыі адпраўкі арыштаваных

турмы

праверачна-фільтрацыйныя лагеры

пункты часовага утрымання арыштаваных

Наклад 299 асобнікаў.

Рэдактар Алесь Загорскі.
Паштовы адрас: 220109, а/с. 290, Менск, Беларусь.
internet: **represii.bchd.info,** e-mail: represii@gmail.com,
тэл.: +375-29-307-27-13